

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XIX

КУРСК
2020

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)
С 55

С 55 События и люди в документах курских архивов. Выпуск XIX: [Текст] / под ред. В. Л. Богданова. – Курск: ООО «Евромастер», 2020. – 203 с.

Редакционная коллегия: В. Л. Богданов (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Л. Б. Карманова (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Н. А. Елагина – директор ОКУ «Госархив Курской области»; О. В. Пешехонова – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков и сотрудников Государственного архива Курской области, посвященные различным проблемам истории края XVI–XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей. Также в настоящем сборнике представлены публикации документов по различным сторонам культурной жизни курского края. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)

© Архивное управление Курской области
© ОКУ «Госархив Курской области»
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Курский край в XVI–XX вв.

Раздорский А.И., Павлов А.П. Черникова К.О.	Воевода Иван Полев – основатель современного Курска	6–12
Ефремова И.С.	Моя семья – через призму времени (из истории рода Зуборевых)	12–16
Потаскаева Т.Н.	Отношение горожан к рекрутской повинности в последней четверти XVIII в. (по материалам городских магистратов Курского наместничества).....	16–23
Ласочко Л.С.	Художник Леонид Иванович Соломаткин: штрихи к биографии	23–26
Лисной А.С.	Товарищество «Братья Нобель» в Курской губернии	26–29
Раков В.В.	Жизнь и деятельность земского учителя Н. Ф. Кривцова	30–33
Раков В.В.	Курские дачи и дачники в последней четверти XIX – начале XX вв.	33–53
Раков В.В.	Первый памятник русскому актеру (открытие памятника М. С. Щепкину в Судже)	53–66
Коровин В.В., Манжосов А.Н.	Железнодорожный транспорт Курской губернии в период перехода к новой экономической политике (1921– 1923 гг.)	67–74
Дурноглазов В.Е.	Из истории Рыльского социально- педагогического колледжа	74–80
Рожковская И.О.	К вопросу создания и развития Курского государственного медицинского института в 1930-е гг.	80–83
Манжосов А.Н., Крохина А.В., Кузнецов К.В.	«Прославил труд страну свою и время...» (из истории трудовых рекордов машинистов-новаторов Курского железнодорожного узла в 1935–1940 гг.)	84–91
Пчелинов- Образумов А.А., Крылова Т.В.	Военно-экономическое описание отдельных районов Курской области накануне Великой Отечественной войны	91–99
Черников О.А.	«Прошу, пошлите меня на фронт...»: Добровольческое движение в Курской	

	области в первые месяцы Великой Отечественной войны	99–104
Щукина Е.П., Поляков В.Б.	«Мертвым память, живым – предостережение!» (документальные свидетельства о преступлениях нацистов против мирного населения на оккупированных территориях районов Курской, современной Липецкой области)	105–110
Мымриков Е.А.	Суджанский район после освобождения от немецко-фашистских захватчиков (март – июль 1943 г.)	111–113
Байрамов Р.С.	Решение проблем продовольственного снабжения войск Центрального фронта весной – летом 1943 г.	113–117
Кононов Н.Г.	Торфяной союз промысловой кооперации Курской области в 1943–1945 гг.	118–129
Яценко М.В.	Медицинское обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы в Курской области	129–133
Емельянов В.Э.	Об опыте работы властей Курской области по контролю за соблюдением государственных розничных цен (1965–1975 гг.)	133–137
Носов Д.М.	Материалы постоянной комиссии по транспорту при Курском горсовете как исторический источник	137–142
Тимохов Е.И.	Организация футбольных соревнований в Курской области в 1970–1972 гг.	142–147
Гончаров А.С., Пыжов Я.А.	Участие коллектива Курского техникума железнодорожного транспорта в экономической учебе работников железнодорожного узла и профессиональной подготовке учащихся в 1980-е годы	147–152

Документальные свидетельства истории курского края

Голубков Р.О.	Город Курск до генерального плана 1782 г.	153–155
----------------------	--	---------

<i>Аргунов О.Н.</i>	«Очень хочется – пока молод – быть полезным государству...»: автобиографии учителей Щигровского уезда начала 1920-х гг.	156–165
<i>Аргунов О.Н., Ефремова И.С.</i>	«Силуэтность приобретает чрезвычайно важное значение...»: Стенограмма совещания специалистов при Курском областном отделе архитектуры по обсуждению проекта центра города Курска (25–26 апреля 1946 г.)	165–200
Сведения об авторах		201–202

КУРСКИЙ КРАЙ В XVI–XX вв.

А. И. Раздорский, А. П. Павлов

ВОЕВОДА ИВАН ПОЛЕВ – ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО КУРСКА

Воевода Иван Осипович Полев (?–1605) занимает особое место в истории Курска. Именно этот человек является основателем ныне существующего города, поставленного в 1596 г. по указу царя Федора Ивановича на «старом Курском городище» – на месте древнерусского Курска, погибшего в конце XIII в. (подробнее об этом см.: [22]).

Иван Полев, открывающий пространный список курских воевод конца XVI – начала XVIII вв. [13, с. 313–315], упоминается во многих сочинениях по истории Курска и Курского края начиная с «Описания Курского наместничества» С. И. Ларионова [15, с. 15], а также в различных биографических словарях и справочниках как общероссийского [11, с. 306], так и регионального [21, с. 41–42; 23, с. 168] охвата. Однако приводимые о нем сведения носят по большей части весьма краткий и отрывочный характер. В данной публикации авторы предприняли попытку собрать и упорядочить по возможности всю более или менее значимую биографическую и генеалогическую информацию о первом курском воеводе.

Полевы вели свое происхождение от смоленских князей. Их родоначальник – Александр Борисович Поле – был боярином великого князя Василия I Дмитриевича (подробнее о роде Полевых см.: [7; 9, с. 370–372, 490; 17, с. 110–112; 19]).

Прадед Ивана Полева – Федор Дмитриевич Полев – служил князю Борису Васильевич Волоцкому. Дед – Василий Федорович Меньшой (Меньшик) Полев – в 1535/36 г. был убит казанскими татарами в Костроме [9, с. 371, 372].

Отец первого курского воеводы – Осип (Васильевич) Меньшиков сын Полев – вместе с братом Иваном и сыном Григорием упоминается в числе дворовых детей боярских по Костроме в Дворовой тетради 1550-х гг. [34, с. 148]. Полевы были связаны с Костромой не только службой, но и, очевидно, землевладением. Известно также, что Осип Полев владел землями в Волоцком уезде [14, с. 64]. Последнее упоминание об Осипе Полеве относится к 1562 г. В этом году он находился на воеводстве в Великих Луках [10, с. 228].

Женой Осипа Васильевича, матерью Ивана Осиповича, была Анна Алексеевна Полева, урожденная Сумарокова. В 1564/65 г. она вместе с сыновьями Григорием и Иваном по приказу мужа отдала в возмещение долга Ивану Андрееву сыну Матафтину половину сельца Давыдовского Панюшкино в Осецком стане Костромского уезда. В 1571/1572 г. Анна

Алексеевна вместе с сыном Иваном передала Иосифо-Волоколамскому монастырю старинную вотчину мужа – село Быково с тремя деревнями (Митино, Ефремово, Шебаново) в Сестринском стане Волоцкого уезда, а также много ценных вещей. К этому времени она проходит в источниках как вдова, то есть Осипа Васильевича уже не было в живых [19]. Известно, что он был похоронен в Иосифо-Волоколамском монастыре [35, с. 177, 178].

Старший сын Осипа Полева Григорий Осипович служил в опричнине. В 1568 г. он упоминается как рында (должность, которую обычно занимали стольники) в походе. Умер в 1571/72 г. В опричнине служил также племянник Григория Богдан Иванович Полев [10, с. 228; 14, с. 63–64].

Иван Осипович Полев в годы опричнины был еще юношей¹. В боярском списке 1577 г. (имевшим «земское» происхождение) он значится в числе дворян московских [8, с. 90]. На свадьбе царя Ивана IV с Марией Нагой в сентябре 1580 г. Полев упоминается в числе стольников, которые «слали путь из хором до церкви» [12, с. 112–116; 25, с. 171]. Весной – летом 1587 г. он находился на воеводстве в Пронске [26, с. 95, 97]. В сентябре 1587 г. Полев был назначен вторым воеводой сторожевого полка в Михайлове. Это назначение его не устроило, и он стал «бить челом о местах» на князя Ивана Юрьевича Токмакова – первого воеводу сторожевого полка. Челобитье было удовлетворено: государь Полеву быть с Иваном Токмаковым не велел, а велел оставаться по-прежнему воеводой в Пронске. В октябре 1587 г. Иван Осипович был отпущен из Пронска в Москву [26, с. 102, 106].

В боярском списке 1588/89 г. Полев значится как московский дворянин с пометой «в Новгород» [8, с. 128]. В начале 1590 г. в ходе начавшейся русско-шведской войны он в составе государева полка принял участие в походе на Ругодив, Ивановгород, Копорье и Ям [24, с. 416; 26, с. 161]. Весной и летом 1591 г. Иван Осипович находился на воеводстве в Рязанске. В июле 1591 г. он был отправлен в погоню за отходившим из рязанских мест крымским ханом Казы-Гиреем [19]. В феврале 1592 г. его в числе других воевод оставили в Орешке [27, с. 19, 22]. Весной 1593 г. был воеводой в Михайлове [27, с. 58, 59, 62]. Летом и осенью 1593 г. находился в сторожевом полку, действовавшего против татар [27, с. 64, 69]. Весной 1595 г. Полев назначен воеводой в Ливны (в разрядах сохранился текст посланной ему царской грамоты от 20 марта 1595 г.). В этом городе он находился на воеводстве и осенью того же года [24, с. 481, 490; 27, с. 84–93, 100].

¹ В биографической справке об Иване Осиповиче Полеве, представленной в составе электронного ресурса «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного» [19], указано, что он якобы уже в 1546 г. был стряпчим, а в 1550–1551 гг. ездил послом в Крым. Это явная ошибка: известия за 1546–1551 гг. относятся к Ивану Васильевичу Большому Полеву, умершему в 1555 г. (ср.: [7]).

В середине 1590-х гг. начался новый этап в продвижении рубежей Московского государства далее на юг. В июне 1596 г. на Поле была отправлена военная экспедиция во главе с головами Иваном Лодыженским и Третьяком Якушкиным и подъячим Никифором Спиридоновым, целью которой был поиск мест для устройства новых городов [24, с. 500]. После возвращения разведчиков в столицу было принято решение об основании Белгорода, Оскола и Курска: «И государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал поставить на Поле новых три города: на Донце на Северском на Белогородье город, да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третьей город» [24, с. 500]. Руководить строительством Курской крепости был назначен Иван Полев: «На Семь на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев, да голова Нелюб Огарев, да подъячей Яков Окатьев» [24, с. 501]. Строительство трех новых крепостей (острогов), начатое летом 1596 г.¹, к осени того же года было завершено: «И по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу те воеводы и головы поставили на поле три города: на Донце на Северском Белгород, да на Осколе Оскольской город, да на Семи город Куреск тое же осени» [24, с. 501]. В новооснованном Курске Полев находился на воеводстве и в следующем 1597 г. [24, с. 509, 510; 27, с. 118].

В 1598 г. Иван Осипович являлся вторым воеводой в Переяславле-Рязанском (в Курске на воеводстве его сменил князь Семен Семенович Гагарин по прозвищу Ветчина [21, с. 42]). За попытку местничать с первым местным воеводой окольным М. Г. Салтыковым Полев был выдан ему головой и посажен в тюрьму. После отпуска Салтыкова в Москву в июле 1598 г. Иван Осипович остался в Переяславле-Рязанском первым воеводой [24, с. 518, 519, 532, 533; 28, с. 18–20, 48–50]. Как дворянин московский он подписал в 1598 г. утвержденную грамоту об избрании на царство Бориса Годунова [6, с. 44, 50]. В этом чине Полев фигурирует и в боярском списке 1598/99 г. [8, с. 185]. Весной 1599 г. он снова воеводствовал в Михайлове [28, с. 63, 83; 31, с. 69–73].

В начале июля 1599 г. Полев, находившийся к этому времени на воеводстве в Рязске, был послан «в рязанские места» против «воинских людей крымских» [26, с. 194, 195, 213, 219]. После успешного отражения нападения татар в числе других воевод Иван Осипович получил за службу золотой [26, с. 224]. Осенью 1599 г. он был отпущен в Москву и по приезде бил челом о местах на князя Василия Григорьевича Щербатова; 13 октября между ними состоялся местнический суд [27, с. 4–5]. В декабре 1599 г. Полев вместе с боярином и воеводой князем Н. Р. Трубецким принимал участие в походе под Новгород в качестве головы передового полка [27, с. 13].

¹ В статье о И. О. Полеве в «Русском биографическом словаре» основание Курска ошибочно отнесено к 1586 г. [11, с. 306].

В 1600 г. Иван Осипович состоял вторым воеводой в сторожевом полку в Орле, снова местничал с князем Василием Григорьевичем Щербатовым (было указано после службы вершить их старый суд 1591/92 г.) [28, с. 88–89; 31, с. 88]. В том же году судьба вновь привела Полева в основанный им за четыре года до этого Курск: 18 июня по государеву указу он был отправлен туда из Орла вместе с князем Борисом Татевым «по крымским вестям» [30, с. 328; 31, с. 89–90]. В 1600/01–1602/03 гг. Иван Осипович воеводствовал во Пскове [28, с. 107, 112, 133; 30, с. 330, 338; 31, с. 112, 127, 144]. Сначала он был назначен третьим воеводой (старшими были князь Андрей Иванович Голицын и Юрий Иванович Вельяминов). Позже старшие воеводы были отозваны из Пскова, а первым воеводой определен Ждан Степанович Сабуров, при котором Полев был, судя по всему, вторым воеводой [11, с. 306].

В конце XVI в. Россия предприняла попытку закрепиться на Северном Кавказе. В 1588 г. (по другим данным в 1589 г.) московские власти основали в дельте Терека (на протоке Тюменке) город Терки (Терскую крепость), ставший главным опорным пунктом русской экспансии в этом регионе. В 1594 и 1604 гг. московские войска дважды занимали город Тарки (ныне поселок близ Махачкалы; не путать с русским городом Терки в устье Терека), являвшийся столицей Тарковского шамхальства – кумыкского феодального государства, находившегося в сфере влияния Османской империи. В 1604 г. под командованием воеводы И. М. Бутурлина начался поход московского войска в Дагестан («Шевкальский поход»), имевший целью присоединение земель Восточного Кавказа. В нем принял участие и Полев. 15 марта 1604 г. он получил свое последнее в жизни назначение, согласно которому ему следовало отправиться вторым воеводой передового полка на Терек – «воевать Шевкалы» [29, с. 69; 30, с. 353].

Сначала военная фортуна благоприятствовала русским, но затем ситуация изменилась. Весной 1605 г. московские войска, находившиеся в Тарках, были блокированы превосходящими силами горцев. Среди защитников осажденной крепости находился и Полев. Попытка взять Тарки штурмом была отбита русскими с большими потерями для нападавших. После трехдневной осады между измотанными противоборствующими сторонами начались переговоры. Горцы предложили русским добровольно покинуть Тарки, пообещав им безопасное возвращение восвояси. Воевода Бутурлин сначала противился этому, но затем, понимая бесперспективность дальнейшей обороны крепости в условиях ее полной блокады, решил оставить Тарки, намереваясь тем самым спасти свое войско от полного уничтожения. Однако данные горцами гарантии были ими вероломно нарушены. На следующий день после ухода из Тарков, отходившие на север русские, вставшие на привал на Караманском поле, были настигнуты многочисленным объединенным горским войском под командованием

кумыкского военачальника Султан-Махмуда (в нем, помимо кумыков, были также аварцы, даргинцы, карачаевцы, кабардинцы, балкарцы, крымские татары, шемахинские турки). В кровопролитной Караманской битве, продолжавшейся несколько часов, погибло почти все московское войско во главе со своим командующим Бутурлиным [20, с. 52–53]. Среди павших смертью храбрых был и первый курский воевода Иван Полев [18, с. 57].

Из документов, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, известно о земельных владениях Полева. В Костромском уезде ему принадлежала вотчина (очевидно, отцовская) в Осецком стане (село Михайловское, 12 деревень, починок и 3 пустоши), а также три поместья: старое отцовское в Соцком стане, деревня Борок (всего 16 деревень и 5 починок), в стане Корзла (сельцо Самсоново, 7 деревень и починок) и поместье в Осецком стане (пустошь, что была деревня Киворово) [1, л. 1 об., 36, 45, 412].

У Ивана Полева после его гибели на Караманском поле остался сын Алексей¹. В 1615–1615/16 гг. он значится как жилец, в 1624–1631/32 гг. — как стольник, а с 1631/32 г. — как дворянин московский. Как сын Ивана Полева он упоминается в Бархатной книге [32, с. 226], а также в частных родословцах. В одном из таких родословцев содержится челобитная Алексея Иванова сына Полева царю Алексею Михайловичу от 17 июня 1649 г. «о записке родства своего», в которой, в частности, говорится: «...отец, государь, мой Иван Осипович Полев на Вашей государевой службе убит в Торках, а я, холоп твой, после отца своего остался мал...» [33, с. 142–143]. В жилецком списке 1615 г. за жильцом Алексеем Полевым значатся на Костроме 415 четвертей поместья и старая отцовская вотчина в 365 четвертей [2, № 900, столпик 1, л. 102]. В 1616 г. Алексей Полев бил челом о назначении его из полка князя Михаила Барятинского, с которым у его отца и дяди Богдана была «недружба» и «брань смертная» [2, № 6, ч. 2, л. 153]. В писцовой книге Рузского уезда 1625–1626 гг. за Алексеем Полевым в Городском стане упоминается вотчина село Козаново с деревнями и пустошами: «А писана за Олексеев та вотчина по данной 104-го году, что дали матери его Оксинье боярин Степан Васильевич Годунов, да матери его мать, а его, Олексеева, бабка вдова Полагея Ивановская жена Петрова сына Невежина, да по государеве жаловальной грамоте 134-го году за приписью дьяка Бажена Степанова» [4, л. 150 об. – 155 об.]. Таким образом, матерью Алексея Полева (и, соответственно, женой Ивана Осиповича Полева) была Оксинья, дочь Ивана Петровича Невежина и Пелагеи. В каких-то близких отношениях к этой семье находился видный боярин С. В. Годунов.

Известно также о двух дочерях Ивана Полева. Одна из них — Прасковья — была замужем за кравчим, а затем окольным и боярином

¹ Существует ошибочная версия (отраженная, в частности, в Википедии), что Алексей Полев погиб вместе с отцом в Караманской битве.

Михаилом Михайловичем Салтыковым [16, с. 12]. Их свадьба состоялась в июле 1616 г. [3, л. 155 об.]. В документах упоминается также другая дочь, не известная по имени, за которой Иван Осипович дал в приданое своему зятю князю Никите Ивановичу Егупову Черкасскому сельцо Митинское на реке Соть в Осецком стане Костромского уезда [5, л. 6 об.].

Жизненный путь Ивана Осиповича Полева выглядит в целом вполне типичным для русского воеводы XVI–XVII вв.: перебивал на воеводстве в разных городах Московского государства, участвовал в военных походах, ставил крепости, получал за службу земельные дачи, местничал с переменным успехом со своими сослуживцами и погиб с бою, как погибали и до и после него многие русские воеводы... Однако в истории Курска, как уже было сказано выше, он сыграл исключительно значимую роль, оказавшись волею судеб тем человеком, под руководством которого новый город возродился из небытия после трех веков запустения. И было бы правильным воздать в сегодняшнем Курске дань памяти его основателю: установить Ивану Осиповичу памятник¹, назвать его именем улицу или площадь (но непременно в исторической части города, а не на окраине).

Источники и литература

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание. № 520.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола.
3. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201.
4. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 425.
5. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10964.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836.
7. Безносюк С. Дворяне Полевы [Электронный ресурс] // URL: <https://sites.google.com/site/rurikovici11/home/Smolenskie/fominskie-i-berezujskie/polevy> (дата обращения: 18.10.2020 г.).
8. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / сост., подгот. текста и вступит. ст. С. П. Мордовиной, А. Л. Станиславского. Ч. 1. М., 1979.
9. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
10. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
11. [Воронков Н.В.]. Полев Иван Осипович // Русский биографический словарь. Т. Плавильщиков – Примо. СПб., 1910.
12. Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. М., 1790.
13. Зорин А.В., Раздорский А. И. Порубежье: Курский край в XVII в. Курск, 2001.
14. Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.

¹ Хорошим примером в этом отношении является Иркутск, где на набережной Ангары в 2011 г. установлен памятник сыну боярскому Якову Похабову, поставившему в 1661 г. Иркутский острог.

15. Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известиях, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней Расправы прокурором. М., 1786.
16. Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 4. М., 1907.
17. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1895.
18. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.
19. Полев Иван Осипов (Осифов) сын // Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного [Электронный ресурс] // URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/7072.html> (дата обращения: 18.10.2020 г.).
20. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Т. 1. Владикавказ, 1912.
21. Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв.: Краткий биографический справочник. Курск, 2004.
22. Раздорский А.И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием, г. Сургут, СурГУ, 14 нояб. 2014 г. Курган, 2015. С. 190–201.
23. Раздорский А.И. Полев Иван Осипович // Большая Курская энциклопедия. Т. 1: Персоналии. Кн. 2. Курск, 2005.
24. Разрядная книга, 1475–1598 гг. М., 1966.
25. Разрядная книга, 1475–1605. Т. 3, ч. 1. М., 1984.
26. Разрядная книга, 1475–1605. Т. 3, ч. 2. М., 1987.
27. Разрядная книга, 1475–1605. Т. 3, ч. 3. М., 1989.
28. Разрядная книга, 1475–1605. Т. 4, ч. 1. М., 1994.
29. Разрядная книга, 1475–1605. Т. 4, ч. 2. М., 2003.
30. Разрядная книга, 1559–1605 гг. М., 1974.
31. Разрядные книги, 1598–1638 гг. М., 1974.
32. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787.
33. Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011.
34. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
35. Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.

К. О. Черникова

МОЯ СЕМЬЯ – ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ (ИЗ ИСТОРИИ РОДА ЗУБОРЕВЫХ)

Общепризнанно, что история любой страны это ничто иное как история конкретных людей. Без знания «малой истории», например истории своей семьи, невозможно в полной мере понять «большую историю», т. е. историю своей страны, своего народа.

Участвуя в поисковом движении в рамках своего учебного заведения, исследуя историю жизни известных выпускников гимназии участников Великой Отечественной войны, у меня возник вопрос: «А как

война прошла через мою семью?». Благодаря рассказам родственников выяснилась, что два моих прадеда были ее участниками.

Наиболее долгий солдатский путь, длинной во всю Великую Отечественную войну, прошел мой прадед по материнской линии, Зуборев Павел Максимович. Первые дни войны он встретил в г. Курске и сразу же (24 июня 1941 г.) был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Его солдатский путь, в качестве артиллериста-разведчика, был долгим и трудным. 7 мая 1942 г. он получил свое первое ранение. 15 сентября 1942 г. прадед был контужен под г. Воронеже, а затем был дважды ранен. Еще одно ранение Павел Максимович получил в 1944 г. Первую свою боевую награду Медаль «За отвагу» он получил в 1944 г. Среди его наград медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Был демобилизован из Красной Армии 4 октября 1945 г., т. е. прошел всю войну фактически с первого до последнего дня.

Познакомившись с историей жизни прадеда, у меня появилось желание узнать и историю его семьи.

Из расспросов родственников, удалось выяснить, что род Зуборевых издавна проживал в селе Боево Курского уезда Курской губернии (ныне Золотухинского района Курской области). Моим же прапрадедом является Зуборев Максим (отчество им было неизвестно), а прапрабабушкой Зуборева (Бурцева) Варвара Макаровна. Прабабушка смогла назвать точную дату рождения и место рождения прапрабабушки. Также ей удалось вспомнить, что у прапрадедушки был старший брат Дмитрий и младший брат, имя которого она не знает (впоследствии эта информация оказала огромную помощь в исследовании).

В связи с тем, что Зуборев Максим погиб во время Первой мировой войны, то данные о нем должны были содержаться в соответствующих Книгах памяти.

Таковыми источниками стали «Памятцы воинов Курской губернии» (1914–1918 гг.), в которых была найдена запись о моем прапрадеде, пропавшем без вести: «Зуборев Максим Фёдорович, Чаплыгинской волости, Курского уезда, Курской губернии, рядовой, пропал б/вести 13.08.1914 г.» [9, л. 733]. Дата рождения в данном источнике была не указана. Так стало известно, как звали отца моего прадеда, где он точно жил, и, следовательно, появилась возможность исследовать род вглубь. До прочтения данного источника этой информацией я и мои родные не располагали.

Полученная первоначальная информация позволила начать работу с фондами Государственного архива Курской области.

В селе Боево Чаплыгинской волости Курского уезда, где родился Максим Федорович до 1906 г. не было церкви. Поэтому хранящиеся в архиве метрические книги Благовещенской церкви села Боево охватывают период, начиная с 1907 г.

Сотрудники госархива объяснили, что в случае отсутствия местного прихода, жители входили в состав приходов церквей соседних сел. В ходе просмотра метрических книг близлежащих сел, была найдена запись 1882 г. в метрической книги Дмитриевской церкви села Фентисово о рождении Зуборева Дмитрия: «Деревни Боевой отставного солдата Фёдора Никитича и законной жены его Натальи Григорьевны родился сын Дмитрий 17 сентября 1882 г.» [2, л. 172 об. – 173]. Очень вероятно, что это и был брат Максима Фёдоровича, так как к тому времени нам еще было неизвестно, как звали его родителей.

Через некоторое время была выявлена подворная карточка 1911 г. на имя Зуборева Дмитрия Фёдоровича. В ней указаны и два его брата 25 и 17 лет. Согласно графы «неспособен к труду» брат, которому 25 лет, значился солдатом. Так как данная карточка 1911 г., то, следовательно, он родился в 1887 г. (как и жена Максима Фёдоровича). На основе данных фактов был сделан вывод, что это и есть Максим Фёдорович.

Проанализировав карточку, удалось узнать много интересного. Так в одном домовладении жили 6 человек: хозяин Дмитрий Фёдорович, его жена, сын, дочь, два брата и мать. Зуборевы являлись черносотшными крестьянами и имели 3,15 десятин земли с большим количеством «живого» и «мертвого» инвентаря [1, л. 44–44 об.].

Все это может подчеркнуть особую важность первоначальной информации, которая собирается у родственников. Если бы нам не был известен тот факт, что прадед имел двух братьев, то вряд ли удалось с полной уверенностью продолжать исследование рода, не зная родителей Зуборева Максима, так как метрическая книга с записью о его рождении в архиве отсутствует.

Если вернуться к предыдущему абзацу, то можно также добавить, что в записи о рождении Дмитрия в графе «восприемники» есть запись «и деревни Боевой государственная крестьянка девица Агафья Александрова Зубарева». Это говорит о том, что в данной графе можно встретить имена дальних родственников родившегося. В нашем случае, это троюродная сестра Дмитрия и Максима (как выяснилось позднее).

Дальнейшее исследование рода основывалось на изучении ревизских сказок. Благодаря им удалось выявить предков вплоть до 1655 г. Именно в этом году родился «большак» семьи Зуборевых – однодворец Иван Семенович Зуборев.

Исследование по ревизским сказкам началось с самой «ближней» – с 10 ревизии. Так удалось узнать, что Фёдор Никитич (отец Максима Фёдоровича) родился в 1843 г. и его отца звали Никита Иванович. На момент проведения ревизии его мать Прасковья умерла, и он со своими тремя братьями и мачехой Евдокией жили в одном доме. Там же проживали его дяди со своими семьями. Всего в одном домовладении в 1859 г. проживало 32 человека. Главой семьи был Елисей Иванович, родной брат Никиты Ивановича [8, л. 367–368].

Дальнейшей целью было выяснение имен родителей Никиты Ивановича. В этом помогла 9 ревизия 1850 г. На момент ревизии отец Никиты Ивановича Иван Иванович умер (в 1849 г.), как и его жена, имя которой не было указано. Главой семьи являлся старший брат Ивана Ивановича – Василий. Всего в одном домовладении в 1850 г. проживало 35 человек [7, л. 107].

В следующей ревизии было указано имя матери (отсутствует отчества) Никиты Ивановича – Василиса. Кроме того, в данной ревизии названо имя отца Ивана Ивановича – Иван Никифорович. На момент ревизии он уже умер (в 1834 г.). Его жена, мать Ивана Ивановича, так же уже умерла, и ее имя не было указано. Главой семьи был старший брат Ивана Никифоровича – Алексей. В 1830 г. в одном домовладении проживал 31 человек [6, л. 49–51].

В 7 ревизии было названо имя матери Ивана Ивановича – Татьяна Филиппова Емельянова. Кроме того, в ревизии указывается имя первой жены Ивана Ивановича - Елизавета. Здесь же упомянуто имя следующего предка – Никифора Филипповича, умершего в 1815 г., и его жены Прасковьи Петровны. Николай Федорович являлся домовладельцем, и в состав его семьи входило 30 человек [5, л. 272–273].

В материалах 6, 5 и 4 ревизий новая информация не была выявлена.

Зато третья ревизия упоминает имена уже трех прямых предков. Первый – Филипп Иванович, родившийся в 1718 г. О нем небольшое упоминание содержится в 4 ревизии. Но из нее было непонятно, что он отец Никифора Филипповича. Тем более, далее появилась не состыковка. В данной ревизии сказано, что отец Филиппа Ивановича – Савелий Иванович, в то время как в 4 ревизии сказано, что он его дядя, и ни о каком другом Иване (ведь в 4 ревизии написано, что отчество Филиппа Иванович) не сказано. Поэтому, возможно, что либо переписчики перепутали отчество, либо это два разных человека.

Так же в третьей ревизии названо имя отца Савелия Ивановича – Иван Семёнович, умершего в 1747 г. в возрасте 92-х лет. Кроме того, в этой ревизии названа девичья фамилия жены Никифора Филипповича – Прасковья Шуклина, которую взяли из деревни Волобуевой. Здесь же упоминается имя жены Савелия Ивановича – Агафья Кузьминична Хмелевская из деревни Хмелевой. Хозяином домовладения в 1762 г. был Савелий, и в нем проживало 16 человек [4, л. 44–44 об.].

В первых двух ревизиях (1718 и 1743 гг.) следующие предки не были указаны, кроме жены Ивана Семеновича Зеновии [3, 811 об. – 812]. Поэтому, можно считать, что «большаком» рода Зуборевых является Иван Семёнович Зуборев.

Следует отметить, что в различных ревизиях присутствуют несовпадения в возрасте людей. В некоторых случаях разница предыдущей и следующей ревизий достигает 20 лет.

Таким образом, на основе материалов церковного и ревизского учета, сохранившихся в фондах Государственного архива Курской области, нам удалось проследить историю рода Зуборевых примерно до 50–60-х гг. XVII в. Было установлено имя отца Зуборева Савелия – Зуборев Иван, который и родился на рубеже этих десятилетий.

Тем не менее, хочется заметить, что содержательность генеалогического древа зависит не только от архивных материалов, но и еще от усердия и желания исследователя в более полной мере изучить свой род.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 654.
2. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 64.
3. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 17а.
4. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 34.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 515
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 546.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 804
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1000.
9. Именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам. С № 41–60спс, 1914 год. СПб., 1914.

И. С. ЕФРЕМОВА

ОТНОШЕНИЕ ГОРОЖАН К РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДОВЫХ МАГИСТРАТОВ КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА)

В середине XVII в. обострение внешнеполитической обстановки обнажило несовершенства в порядке комплектования российской армии. Дворянское ополчение и стрелецкие полки в тактически и материально устарели. Решить проблему должны были полки «нового строя», идея которых была заимствована у западноевропейских партнеров. Согласно реформе, устанавливалась прямая зависимость между количеством военнообязанных и численностью податных дворов [24, с. 51]. Для помещиков, которые не могли служить самостоятельно, делалось послабление – возможность выставить «даточного» [18, с. 380] из расчета 1 кандидат с 30 «крестьянских или бобыльских дворов» [18, с. 381]. Для мелкопоместных землевладельцев предусматривалась альтернатива – внесение материальной компенсации [18, с. 381].

Эти принципы легли в основу рекрутской системы, складывавшейся на протяжении XVIII в. В зависимости от внутри- и внешнеполитического положения страны она постоянно корректировалась то за счет изменения суммы денежной компенсации, то количества облагаемых повинностью

дворов [28, с. 595]. Как следствие, рекрутчина переплеталась с изменениями в административной и налоговой системах. Так, в 1720-е гг. с заменой подворного обложения на подушное количество рекрут стало определяться, исходя из общеимперской численности душ мужского пола [19, с. 597].

Призывная политика включала три уровня: общегосударственный, региональный и местный [16, с. 83, 85]. На последнем осуществлялось распределение повинности между податными дворами по принципу очередности. В петровские времена ответственность за своевременную поставку рекрут возлагалась на губернаторов [22, с. 477]. Статистические сведения по уездам они получали от воевод, по посадам – от земских бурмистров [16, с. 84]. В 1760-е гг. этот порядок сохранился, только воевод заменили коменданты, а земские избы – магистраты [16, с. 86]. Последние являлись правопреемниками изб, унаследовав весь комплекс обязанностей в отношении «городского гражданства»: от раскладки податей до урегулирования хозяйственных и судебных конфликтов [23, с. 600]. Прямого влияния на призывную политику эти учреждения не имели. Их роль заключалась в правовой защите горожан в период призыва и раскладки повинности [16, с. 83–84].

К началу 1730-х гг. базис рекрутчины относительно сформировался: были определены размер податной единицы и порядок призыва, завершено распределение полков между губерниями и установлена периодичность налога на хлебное и денежное содержание армии [16, с. 82–87]. В 1750-е гг. под руководством графа П. И. Шувалова началась кодификация нормативно-правовой базы рекрутчины. В декабре 1757 г. в свет вышли «Генеральные учреждения о ежегодном сборе рекрут» [1]. В 1766 г. документ был переиздан за внесением некоторых изменений^[2]. Например, снижался призывной возраст с 20 до 17 лет и вводились рекрутские квитанции [2, с. 997–998]. Кроме того, новобранцам гарантировались обмундирование, медицинская помощь и скромный продовольственный паек [2, с. 1013].

В 1775 г. региональный контроль за набором рекрут от губернаторов переходил к специальным присутствиям при казенных палатах [27, с. 55]. В процессе своей деятельности они столкнулись с рядом сложностей, особенно в городах.

Отягощение коммерсантов противоречило государственной политике по наращиванию торгово-промышленного потенциала. Тем не менее, освободить посадских, и без того обремененных многочисленными казенными службами, от рекрутчины было невозможно. Компромисс достигли за счет апробации незначительных послаблений. В 1766 г. в обиход вошли рекрутские квитанции. Купив такое свидетельство (стоимость варьировалась в пределах 120 руб.), горожанин освобождался от раскладки [2, с. 997]. Первоначально правом на ее приобретение пользовались только фабриканты, а с сентября 1776 г. оно

распространялось на всё купечество. Однако покупка зачетной квитанции для простого торговца обходилась втрое дороже [24, с. 416] приравниваясь к годовому окладу городничего или председателя губернского магистрата [9, л. 8–9]. На мещанство это право не распространялось. Стоимость квитанции менялась в зависимости от внешнеполитической ситуации. В 1783 г. солдатская вольница обходилась в 500 руб. [25, с. 906], а в 1793 г. снижалась до 400 [26, с. 462].

Раскладка повинности среди горожан осуществлялась на общем сходе под контролем магистрата. Количество новобранцев от той или иной общины рассчитывалось путем сопоставления данных по последней ревизии и текущей статистики, хранящейся в магистрате [9, л. 8]. Согласно ведомостям Курской казенной палаты, ежегодно от уездных центров наместничества призывалось не более 10–11 рекрут [3, л. 438 об. – 439, 449 об. – 450]. С учетом малонаселенности городов эта цифра была внушительной. Например, в 1782 г. в губернском Курске было зарегистрировано 1 883 купца и 2 246 мещанина, от которых подлежало призыву 9 человек [3, л. 449]. К 1795 г. этот показатель возрос до 5 804 душ с рекрутированием 11-ти новобранцев [там же]. При Екатерине II стали более ответственно подходить к материально-техническому оснащению новобранцев и оценке их физического состояния. Рекрутированных отправляли в магистрат, где они подвергались обязательному медицинскому освидетельствованию [2, с. 1001], а по прибытии в полк их дополнительно осматривали командиры [2, с. 1005].

Длительность срока службы лишала надежды на возвращение. Неудивительно, что в демографических сводках солдаты заранее вносились в графу «убылых» наряду с умершими и увечными [3, л. 475]. Положительным моментом для города являлось избавление от маргинальных элементов. Наместническое правление поощряло отправку в армию пьяниц, распутников и других личностей, «...обществу не полезных» [3, л. 48]. В противном случае им грозил смиренный дом, что считалось менее пристойным. Неслучайно мещанка К. Н. Маслова просила о зачислении в рекруты ее «...погрязшего в бесчинствах...» [7, л. 19] сына. А купец Картамышев подобным образом пытался уберечь брата от долговой ямы [4, л. 3]. Дело в том, что долги рекрут погашались «всем миром», что подтверждает рапорт гражданского старосты И. Машнина в Курский городской магистрат от 10 ноября 1780 г.: «...подушные и штрафные деньги, причитавшиеся с рекрута Евдокима Богданова, взяты у сборщика доимочных денег Данилы Климова и отданы в казну» [5, л. 761]. Чтобы уменьшить отягощение общинников, 25 ноября 1799 г. Курская шестигласная дума велела за обнаружением партикулярных или вексельных долгов на шесть месяцев сажать новобранцев в тюрьму. За это время магистрат описывал их источники доходов и только после этого передавал долг общине для погашения остатка [8, л. 20].

Тем не менее, горожане всячески избегали призыва, особенно при объявлении «добавочных» сборов [9, л. 45]. Для пресечения дезертирства рекрут содержали в тюрьме, закованными в железо [12, л. 2], а к присяге приводили под конвоем [2, с. 999]. В судебной практике имеется масса примеров дезертирства, количество которых не уменьшалось даже несмотря на тяжесть санкций (штраф, каторга, порка).

В декабре 1790 г. обоянский магистрат рассматривал дело о намеренном самолинчевании пяти мещан, определенных в рекруты. После медицинского освидетельствования увечия четверых из них признавались совместимыми со службой, поэтому наказания не последовало. Сложности возникли с мещанским отроком П. И. Бочеровым, обвиняемым в самоотрубании среднего пальца на левой руке. Угроза порки подтолкнула подсудимого к борьбе за свое честное имя [14, л. 1]. При опросе свидетелей изюмских купцов С. Г. Сотникова и Н. С. Бочерова выяснилось, что «пальцы ему повредили лошади... в обеих руках по одному персту, кои срослись, но владения он ими не имеет» [14, л. 9]. Приговором магистрата П. И. Бочеров был реабилитирован, а общинникам рекомендовалось подобрать другого кандидата [14, л. 9]

Были и случаи суицида. Например, в 1780 г., когда «больной рукой» [5, л. 333] курянин К. Маслов, несмотря на увечье признанный годным к военной службе, решил отравиться «испанским ядовитыми мухами», которых приобрел у купца Я. В. Антимонova [5, л. 331]. В итоге оба фигуранта – и обвиняемый, и поставщик – понесли заслуженное наказание [5, л. 332].

Желая оградить своих близких от рекрутской доли, мещане решались на подкуп. В феврале 1790 г. за злоупотребление должностными полномочиями судили магистратского сторожа В. Г. Мартакова. Поводом послужила попытка подсудимого организовать побег своего сына из магистратской тюрьмы [12, л. 2]. Пойманный с поличным, на суде сторож набросился на купца А. Зиборова, помешавшего ему совершить задуманное. В процессе следствия выяснилось, что по предварительному сговору с градским головой Г. Сагоровым и ключником И. Скуратовым Мартаков неоднократно организовывал побег. Более того, за определенную плату он заменял одних кандидатов на других. 6 марта 1790 г. Мартаков приговаривался к порке батогами с последующей ссылкой на галеры [12, л. 12].

Призывная кампания вызывала массу сложностей, усугублявшихся нарушением закона. За защиту интересов купцов и мещан отвечал первый (уголовный) департамент губернского магистрата [15, л. 20]. Основным поводом для обращения в суд становились ошибки при раскладке повинности. Правовой основой судопроизводства служила III часть Генеральных учреждений 1766 г., в которых детально прописывались возможные санкции [2, с. 1003–1006].

Судебные дела магистрата, состоящие на хранении в Государственном архиве Курской области, можно разделить на две категории. Первая включала иски от бездетных или малосемейных граждан, права которых на отказ от рекрутчины были нарушены. Например, 11 декабря 1789 г. в магистрат обратилась курская мещанка К. Н. Мухина, прося освободить от повинности ее приемного сына Илью. Взяв мальчика на воспитание, бездетные Мухины положили его в мещанский оклад и обучили портному мастерству. Поскольку воспитанник являлся единственным законным наследником супругов, магистрат приказал городничему Удаму заменить его другим кандидатом [7. л. 2]. К таким заявлениям в обязательном порядке подшивалась копия ревизской сказки [7. л. 3 – 3 об.].

Как показывает практика, при рассмотрении жалоб магистрат учитывал не только количество потенциальных наследников, но и их способность вести семейное дело. Так, 23 мая 1785 г. в Обоянский городской магистрат поступила жалоба от купца Ивана Суханова, требовавшего освободить от рекрутчины его младшего сына Федора. Свою просьбу торговец аргументировал невозможностью доверить семейный капитал старшему отроку из-за падучей болезни, а среднему по причине «слабоумия» [10, л. 12]. Поскольку социально-экономическое благосостояние города зависело от материального положения коммерсантов, после согласования с казенной палатой магистрат удовлетворил прошение [10, л. 12 об.].

Вторая категория жалоб касалась умышленной фальсификации результатов раскладки посадским сходом. Например, в ноябре 1789 г. городничий Удам сообщал в Курский городской магистрат, что за причисленным в мещанство поляком Петром Азаренковым «... *общество усмотрело распутство ...*» [7, л. 19], отчего решило от него избавиться посредством службы [там же]. Однако девять мастеров чеботарного цеха, в котором состоял потерпевший, заявили, что «...*он поведения хорошего...*» [7, 48], и общинники совершили самоуправство, не спросив их мнения. В итоге, на общество градское было оштрафовано на 200 руб., а вместо Петра в армию определили пасынка мещанки К. Пересветовой [7, л. 49, 50]. На случай замены общинники часто прибегали к уловке: принимали новых членов, которые тут же попадали под раскладку. Чаще всего ими выступали крестьяне или иноверцы. Подобная участь в сентябре 1793 г. постигла крещенных турков Николая Богданова и Александра Вяпитова [6, л. 48].

Стоит отметить, что послабления предусматривались не только для малосемейных граждан, но и для малых городов. По данным казенной палаты 5-и из 15-и уездных центров Курского наместничества из-за низкой плотности населения не могли участвовать в призыве. Например, в Фатеже на момент V ревизии проживало лишь 298 купцов и 92 мещанина, а в Богатом и Новом Осколе 9 и 103 и 6 и 39 соответственно [6, л. 438 об. –

439, 449 об. – 450]. Поскольку от других армейских повинностей (рекрутский сбор, размещение полков) они не освобождались, магистрат должен следить за законностью исполнения предписаний. Согласно указу от 18 ноября 1775 г. к каждой губернии приписывался полк, заботы о расквартировании и снабжении которого возлагались на горожан [29, с. 309]. Задачей магистрата было пресекать расселение гарнизонов в административных зданиях и домах обедневших и именитых горожан [5, л. 78].

В процессе расквартирования возникало множество спорных вопросов. Так, в марте 1780 г. генерал-поручик Севского пехотного полка Нащокин просил курский магистрат «... отвести конюшни под лошадей и в городе квартиры» [5, л. 727]. Но, спустя месяц, местное купечество подало иск, что «... от квартирования в городе Севского пехотного полка обыватели весьма стеснены» [5, л. 729]. Более того, гражданский староста Иван Машнин настаивал «... на переводе полка из Курска в другой город» [5, л. 736]. В итоге, судьям пришлось лавировать между соблюдением сенатских предписаний и удовлетворением претензий горожан.

Помимо прочего, магистрат контролировал сбор налога на содержание рекрут и процесс возмещения вексельных и налоговых задолженностей новобранцев [5, л. 752]. Например, в 1790 г. суд обязал обоянское градское общество удовлетворить вексельную претензию купца И. Ф. Такорева на рекрутированных мещан П. Ф. Сагорева и В. Г. Мартакова [13, л. 4]. В отношении этих лиц сход исполнил предписание, а возместить долги новобранца Д. С. Крикловенкова перед курским мещанином В. П. Колмаковым категорически отказался, переложив ответственность на отца солдата. Посчитав это несправедливым, старший Крикловенков обратился в магистрат. Решением от 4 апреля 1791 г. суд постановил часть долга взыскать посредством аукционной продажи имущества векселедавца, а оставшуюся сумму погасить из общинной кассы [11, л. 30].

Таким образом, количество и характер жалоб, подаваемых горожанами в магистраты наместничества, свидетельствуют о негативном отношении мещанства к воинской повинности. Причины были как общие – нежелание жертвовать своей жизнью, так и сословные – рекрутчина вредила коммерции. Ситуация усугублялась давлением, оказываемым на горожан обязанностью исполнять служилое тягло. Последнее вынуждало ежегодно избирать людей для неоплачиваемой работы в государственных учреждениях, отрывая от ремесла и торговли. В сложившейся ситуации магистраты играли важную роль в поддержании стабильности социальной обстановки. отстаивая интересы торгово-ремесленного сословия, они следили за справедливостью раскладки рекрутской повинности, включая соблюдение принципов очередности и неотягощения. При исполнении названных полномочий они совмещали судебные и административные функции, действуя в тандеме с городничими и губернаторами.

Источники и литература

1. Генеральное учреждение от 23 декабря 1757 г. № 10786 «О ежегодном сборе рекрут» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIV.
2. Генеральное учреждение от 29 сентября 1766 г. № 12748 «О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинно поступать будет» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 338.
4. ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.
5. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 88. Л. 761.
6. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 629.
7. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 838.
8. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1937.
9. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 123.
10. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 135.
11. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 532.
12. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 533.
13. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 546.
14. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 550.
15. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 686.
16. Иванов Ф.Н. Раскладка рекрутской повинности в России: законодательство и представления населения о «справедливости» // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2010. № 11.
17. Именной указ, объявленный памятью окольничему Великаго Гагину, да дьяку Алексею, от 11 мая 1656 г. № 177 «О взятии в службу даточных людей с 30 крестьянских и бобыльских дворов по человеку, а за излишние дворы и где безлюдство деньгами» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. I.
19. Именной указ от 26 ноября 1718 г. № 3245 «О введении ревизии, о распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании земских комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска и о счеде земских комиссаров в собираемых ими деньгах и припасах» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. V.
20. Именной указ, данный Сенату, от 19 сентября 1776 г. № 14509 «О сборе рекрут с 500 душ по одному человеку» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX.
21. Именной указ, данный Сенату, от 18 сентября 1793 г. № 17154 «О наборе рекрут с 500 душ по одному человеку» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII.
22. Именной указ от 9 февраля 1710 г. № 2251 «О сборе рекрут по губерниям губернаторам, о ведении соляного сбора головам и целовальникам, о рассмотрении и решении поместных и вотчинных дел в губерниях, в коих те поместья и вотчины за вотчинниками состоят, и о подписании челобитен о справе поместий в Ближней Канцелярии, а не в Поместном приказе» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. IV.
23. Именной указ от 30 января 1699 г. № 1675 «Об учреждении земских изб для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадским людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III.
24. Именной указ, данный Сенату, от 19 сентября 1776 г. № 14509 «О сборе рекрут с 500 душ по одному человеку» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX.
25. Именной указ, данный Сенату, от 3 мая 1776 г. № 15721 «О сборе с купечества по 500 рублей за каждого рекрута» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXI.

26. Именной указ, данный Сенату, от 18 сентября 1793 г. № 17154 «О наборе рекрут с 500 душ по одному человеку» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII.
27. Кривоченков Р.С. Военные реформы Алексея Михайловича // Вестник Чувашского университета / под ред Л. П. Куракова. Чебоксары, 2008. Вып. IV.
28. Указ Сената от 20 ноября 1718 г. № 3240 «О сборе в губерниях вновь рекрут с пятидесяти дворов по человеку» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. V.
29. Указ Сената от 18 ноября 1775 г. № 14398 «О доставлении рапортов Сенату от Военной Коллегии по окончании рекрутских наборов ос собранном провианте» // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX.

Т. Н. Потаскаева

ХУДОЖНИК ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ СОЛОМАТКИН: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Выдающийся самообытный русский художник Леонид Иванович Соломаткин был уроженцем Курской губернии. Несмотря на то, что в наше время его произведения хранятся в художественных музеях, галереях, выставках, о Соломаткине не так много известно, как его соратниках художниках Шишкине, Перове и других.

Соломаткин – личность неординарная в искусстве XIX в., с только ему присущим сочетанием иронии и трагичности. Соученик живописца А. Ледаков вспоминал: «В первых числах сентября, поступив в Московское училище живописи ваяния, я, в числе прочей учащейся молодежи уселся рисовать поставленную профессором гипсовую голову Эскулапа. Рядом со мной разместился, также из вновь принятых поступивших, лет 16–17, мужественный, плечистый, рослый, здоровый, с вьющимися белокурыми волосами молодой человек. Мой сосед принялся, как бы машинально, чинить карандаши и пристально всматриваться в задумчивое склоненное лицо гипсовой головы Эскулапа.

– Это что за персона будет? Не отрывая глаз от Эскулапа, с сильным малороссийским акцентом, шутя, спросил мой сосед. ...Я был поражен его мощным, чудесного тембра баритоном, не верилось, что такие мощные звуки... льются из груди 16–17-летнего юноши... Я объяснил, что это Эскулап.

– Нехай его будет Эскулап, – ответил мой сосед...». В этих воспоминаниях будущий живописец предстает еще малообразованным, но вдумчивым, способным, ироничным юношей [1].

В работах художника прослеживается четкость рисунка, контраст света и тени, яркость цвета. Именно цвету и его передаче он уделяет много внимания, оставляя сюжету незатейливость. Из всех работ, написанных автором, уцелело немного. Испытывая нужду, он писал небольшие картины, многократно их повторял, добавляя или убирая персонажей, детали и меняя название. Так картина «У трактира», написанная в 1865 г.

была повторена в 1873 г. с названием «Утро у трактира», в которой были изменены некоторые детали. Или картина «Славильщики» (1864), за которую автор получил серебряную медаль на академической выставке, стала очень популярной и художнику неоднократно заказывали ее повторение. Он писал ее много раз, меняя незначительно основную сцену и детали. Известна более поздняя картина (1872) этого автора с таким же названием, а также «Славильщики-городовые» (1867) и «Городовые-христославы» (1872).

В своих произведениях он показывает жизнь и быт простого люда. Это видно с первых работ начинающего художника. В 1861–1866 гг. – вольноприходящий ученик Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге. В это время он пишет картины «Охотники» (1861), «Именины дьячка» (1862), за которую получил медаль Императорской академии художеств.

Ряд картин посвящены теме пьянства: «В погребке», «У питейного дома», «В трактире», «В корчме», «Пирушка», «Питейный дом». Была интересна художнику тема лицедейства, театра: «Репетиция в сарае (Детский театр)», «Артисты на привале», «Бродячие музыканты», «Бродячие актеры», «Бродячий музыкант», «Странствующие музыканты», «Петрушка».

В его работах находит отражение трудная жизнь простого народа, его бедность и нужда: «Рыбная ловля острогой ночью», «Нужда скачет, нужда плачет, нужда песенки поет», «Торговка», «Художник под дождем», «Еврей-коробейник».

Изображал художник на своих полотнах сюжеты обрядовых сцен и события, происходящие, опять же в жизни простых людей: «Вечеринка у приказчика», «Пирушка», «Пожар ночью в селе», «Игра в карты», Именины у дьячка», «Губернаторша, входящая в церковь», «Невеста», «На клиросе», «Свидание», «Крестный ход» [2].

В данной статье хотелось бы пролить свет на некоторые факты происхождения художника, на его семью. Н. Шахов пишет, что Л. И. Соломаткин родился в г. Судже в 1837 г. в семье мещан. Оставшись без родителей в раннем детстве, испытал на себе все тяготы, которые выпадают на долю сироты. Ему приходилось работать подпаском, погонщиком скота. Работая чумаком, он исходил с обозом товара всю Украину, бывая на ярмарках, видел дешевые лубочные картинки и книжки, которые и произвели сильное впечатление на будущего художника. В 1855 г. направился из Николаева в Москву, где поступил в училище живописи [3].

В своей книге «Запечатленное на века» Юрий Бугров пишет, что Л. И. Соломаткин происходил из бедной мещанской семьи, до учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества проживал в г. Николаеве. В 1855–1857 гг. проходил обучение в Москве [4, с. 25].

Благодаря документам курского архива удалось выяснить, некоторые новые сведения о семье художника. В переписи податного населения г. Суджи 1858 г. имеется ревизская сказка «1858 г. апреля 9 дня Курской губернии города Суджи мещанина Леонида Иванова сына Соломаткина». В семье записан сам Леонид Иванович, 26 лет и его незамужние сестры: Мария – 34 года, Прасковья – 33 года. Подала сказку, за отсутствием брата, одна из сестер – Мария Ивановна. Исходя из этой записи, следует, что Леонид Иванович родился в 1832 г. в семье помещичьих крестьян помещика Анненкова, без указания населенного пункта. К сожалению, не удалось проследить историю семьи и найти точное место рождения художника.

В 1850 г. по решению Курской казенной палаты был причислен к мещанскому сословию. На 1858 г. в Судже не проживал, но числился и подушный оклад платил. Объяснение этому мы находим в описании его биографии, где сказано, что он находился на учебе в Москве [5, л. 809–811].

Достоверных фактов о жизни Соломаткина немного, к ним относятся воспоминания Ледакова, лично знавшего Леонида Ивановича, а также упоминание в некоторых письмах. Так в письме П. М. Третьякову от 29 января 1867 г. А. Г. Горавский писал: «Картину Соломаткина “Будочники-славильщики” удалось мне вчерашним днем приобрести за 50 рублей серебром от позолотчика Иванова – и если бы часом позже я приехал бы к Иванову, то она была бы уже в иных руках. Забавный случай с сей картиною – Соломаткин выставлял ее на постоянную выставку и оценил ее во сто рублей – и вдруг ему понадобились деньги Соломаткин вчерашним утром взял свою картину и отдал ее без рамы за 25 рублей серебром Иванову позолотчику».

Соломаткин жил в очень стесненных условиях, помогать своим сестрам, оставшимся в Судже, у него не было возможности. Письма в Суджу приходили от него все реже и с конца 1860-х гг. он обрывает связь с родственниками.

В 1875 г. Мария Соломаткина разыскивала своего брата, написав в Академию художеств «...Более восьми лет он писал мне, что получил серебряную медаль и представлен к золотой; но получил ли он ее и жив ли, с тех пор и до настоящего времени нет никакого известия... Нас две сестры девушки, живем без всяких средств, надеялись на него...».

В воспоминаниях Ледакова описана последняя встреча с художником, обессиленным нуждой и болезнями. Умирающему от чахотки, оглохшему и ослепшему художнику помочь было нельзя. 4 июня 1883 г. Соломаткин умер и был похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге [1].

Творчество Леонида Ивановича не открылось до конца широкому кругу широкому кругу любителей живописи. Ценность его произведений еще постигается. Наследие живописца оживает на его полотнах,

показывает жизнь трущоб, бедноты, давая рассмотреть ее без украшательства, с присущим автору юмором.

Источники и литература

1. Нестерова Е.В. Леонид Иванович Соломаткин – жизнь и творчество // Библиотека искусствоведа. Новые исследования. СПб., 1997 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=156943&p=4> (дата обращения: 13.10.2020 г.).
2. Соломаткин Леонид Иванович. Работы автора // Артпоиск [Электронный ресурс] // URL: http://artpoisk.info/artist/solomatkin_leonid_ivanovich_1837/gallery/ (дата обращения: 13.10.2020 г.).
3. Шахов Н. Соломаткин Леонид Иванович (1837–1883) // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/book/zemlaki/solomat.html/> (дата обращения: 13.10.2020 г.).
4. Бугров Ю. А. Запечатленное на века//Очерки истории изобразительного искусства Курского края. Курск, 2008.
5. Государственный архив Курской области. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1054.

Л. С. ЛАСОЧКО

ТОВАРИЩЕСТВО «БРАТЬЯ НОБЕЛЬ» В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В конце 70-х гг. XIX в. на Российском промышленном рынке появилась крупная нефтяная компания – «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» (с 1879 г. – «Товарищество братьев Нобель») [1, с. 243]. Основателем и первым председателем компании был Людвиг Эммануилович Нобель – сын известного в Санкт-Петербурге промышленника Эммануила Нобеля. Соучредителями были братья Людвиг Альфред и Роберт. Толчком для создания компании стала поездка Людвиг Нобеля в Баку и знакомство с русскими нефтяными богатствами на Апшеронском полуострове. Нобель понял, какое значение может иметь бакинская нефть для России. Необходимо было только усовершенствовать и четко организовать работу по перевозке нефти.

Транспортировка нефти была серьезной проблемой. До всех нововведений Нобеля сырая нефть и керосин разливались в большие двадцатипудовые деревянные бочки и из Баку на парусных судах отправлялись в Астрахань, оттуда уже на разных судах переправлялись в Нижний Новгород, а затем развозились разными способами в другие города России.

Нобель предложил перевозить нефтяные продукты по Каспию и Волге в наливных железных пароходах и баржах, а по железной дороге – в цистернах. Земляные ямы, служившие для склада нефтепродуктов в бочках, предложил заменить железными резервуарами.

В 1878 г. братьями Нобель был построен первый в Российской империи нефтепровод с паровым насосом длиной в 9 км, а с 1881 г. компания начала перевозить нефтепродукты в железнодорожных цистернах, что значительно уменьшило утечку нефти, мазута и керосина.

Вследствие всех нововведений, примененных при обработке нефти и ее транспортировке, русский керосин вытеснил из России американский керосин и стал общедоступным и недорогим продуктом. Керосином начали пользоваться в крестьянской среде. К этому времени относится появление и распространение недорогих керосиновых ламп, которые активно распространяла компания. В крупных городах России появляются нефтяные склады.

Строительство нефтепроводов нередко предполагало отчуждение земельных участков. Так, в 1901 г. [2, л. 1–1 об., 5 об.] «Товарищество братьев Нобель» арендовало участок земли близ станции Воронеж Юго-Восточных железных дорог для устройства на нем склада керосина и нефтецистерн. Трубы для перекачки керосина и нефти должны были пересечь путь Московско-Киево-Воронежской ж. д.

Для прокладки труб под полотном железной дороги потребовалось разрешение Управления МКВЖД. Такое разрешение было получено за арендную плату. В 1908 г. [2, л. 11] «Товарищество братьев Нобель» обратилось в Управление общества Московско-Киево-Воронежской железной дороги в Курске с просьбой разрешить покупку земли в г. Ливны Орловской губернии у купца Шилова для постройки «среднего склада для хранения керосина и нефтяных продуктов». Разрешение на сооружение керосинового склада было получено с условием, что «керосиновые и нефтяные резервуары, а также склады порожних бочек будут отодвинуты не менее как на 20 саженей вглубь от передней черты арендованного участка» [4, л. 12 об.].

В архивном фонде «Акционерное общество «Московско-Киево-Воронежская железная дорога» хранятся дела, свидетельствующие о регулярной проверке качества нефтяных продуктов. По техническим условиям нефтяные остатки, предназначенные для смазки паровозов, вагонов, не должны иметь несгораемых остатков. 26 ноября 1909 г. Общество МКВЖД забрало на ст. Конотоп 8 цистерн мазута из-за низкой температуры вспышки (вспышка произошла при температуре 59 °С при норме выше 70 °С) [3, л. 3, 6].

Сведения о том, что из себя представляли резервуары для нефти, можно найти в документах архивного фонда «Курская городская дума».

8 июня 1910 г. на заседании думы был заслушан «Доклад о расширении центральной станции электрического освещения в г. Курске» [4, л. 122]. Устроенная в 1901 г. станция для электрического освещения в г. Курске к 1909 г. оказалась очень перегруженной, в связи с чем прием новых абонентов, пожелавших устроить в своих квартирах электрическое освещение, был прекращен, и многие горожане были лишены такого блага.

Одним из условий увеличения мощности станции было устройство резервуара для нефти длиной 8,6 м, шириной 4,8 м, высотой 2 м [4, л. 122].

В представленной 2 июня 1910 г. на рассмотрении в Курскую городскую управу смете указывалось: «Резервуар для нефти будет поставлен на бетонном фундаменте. Форма резервуара будет цилиндрическая; стены из листового железа в $\frac{1}{4}$ толщиной и будут окрашены снаружи; крыша резервуара будет из листового железа в $\frac{1}{8}$ толщиной и будет снабжена громоотводом. Емкость резервуара – 84 м³, диаметр резервуара – 5 м и высота его – 4,3 м. Резервуар будет снабжен указателем уровня и прочими приспособлениями для наполнения его нефтью и для стока нефти на станцию» [4, л. 132].

После революции 1917 г. многочисленные нефтяные базы были национализированы.

В Курске была создана Курская губернская контора Московского районного нефтяного комитета (МРНК) «Губнефть» в ведении Главного нефтяного комитета. Располагалась контора в Курске на ул. Ленина в здании Губпродкома [5, л. 40]. Заведующим конторой стал мещанин г. Курска Муссель-Лонштейн Исаак Яковлевич. В архиве сохранился его формулярный список, из которого следует, что Исаак Яковлевич является инспектором Курской, Орловской и Брянской губерний, имеет 35-летний стаж «при нефтяном деле», на службу в данное учреждение поступил в 1918 г., а до этого служил в Курском нефтескладе «Братья Нобель», проживает при Курском нефтескладе в слободе Стрелецкой на Гунатовской улице» [6, л. 83–83 об.]. Штат сотрудников состоял из 12 человек [7, л. 40].

В ведении губернской конторы были нефтесклады не только Курской, но и Белгородской, Брянской, Орловской губерний, о чем свидетельствуют сохранившиеся сметы расходов нефтескладов за 1921–1922 гг.

В архивном фонде «Нефтяные склады» частично сохранились формулярные списки работников [6]. Так, известно, что Курский нефтесклад в 1920 г. возглавлял Быстряков Георгий Павлович, 1902 г. р., поступил на службу в 1917 г.; а его помощник Сидоров Иван Тихонович, бывший прежде приказчиком, работал с 1908 г.; заведующий Белгородским нефтескладом Литкевич Николай Гаврилович на службе «в нефтяном деле» с 1913 г.; заведующий Обоянским нефтескладом Хорош Александр Иосифович с 1907 г., а заведующий Елецким нефтяным складом Васильев Семен Александрович состоял на службе с апреля 1908 г.

Штат работников нефтескладов состоял из заведующего, счетовода, весовщика, 1–2 рабочих, сторожей. Таков, в частности, был штат Щигровского нефтесклада в 1922 году [8].

Сохранившееся описание «Склада бывшего Бр. Нобель» дает представление о находившихся на территории склада строениях. В числе

построек числятся: жилой одноэтажный деревянный дом, обложенный кирпичом на кирпичном фундаменте, крыт железом, 46 кв. саженей; бондарная кирпичная, крыта железом, 12,24 кв. сажени; кирпичная разливная, крыта железом, 10,99 кв. саженей; деревянная платформа у разливочной; кирпичный сарай для бондарной посуды; кирпичный подвал, крытый железом; сарай пожарный деревянный, крытый железом; погреб хозяйственный кирпичный со сводом, посыпан землей; деревянная насосная будка, крытая железом; лестница для спуска со склада к насосной будке; колодезь железобетонный под деревянным навесом; забор деревянный вокруг склада; 5 стоячих резервуаров; вентели, соединяющие трубопроводы с резервуарами [8, л. 123 об. – 125].

Нефтесклады подлежали охране. В архивном фонде «Курский городской административный отдел» сохранилось распоряжение начальника Курского городского отдела управления от 27 июля 1920 г. о назначении охраны «к бывшим трем складам «Нобель-мазут» и Тускарной электрической станции «ввиду поступления нефтепродуктов». Однако, распоряжения не всегда четко исполнялись, вот и в данном случае из гормилиции поступило сообщение, что «выставить охрану у складов быв. Нобеля и у электрической станции не представляется возможным из-за неимения людей» [9, л. 12–12 об.].

Прошло более столетия, но и в нашем XXI веке используются резервуары, некогда предложенные и построенные компанией «Братья Нобель».

Источники и литература

1. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 46. Оп. 35. Д. 4.
3. ГАКО. Ф. 46. Оп. 44. Д. 37.
4. ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 2. Д. 5.
6. ГАКО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 2. Д. 25.
8. ГАКО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 6.
9. ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 28.

А. С. Лисной

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЗЕМСКОГО УЧИТЕЛЯ
Н. Ф. КРИВЦОВА**

В октябре 2019 г. мне удалось посетить село Зимовенька Шебекинского района, где на самом высоком месте располагается Воскресенский женский монастырь. Центральной частью монастыря является величественный, переливающийся на свету Воскресенский храм. Недалеко от входа в храм, одиноко, под деревом располагались 2 захоронения. Одно из них можно идентифицировать по надписям на табличке, расположенной на надгробном кресте и гласившей: Кривцов Николай Фомич (1871–1935). Второе захоронение оформлено так же, но без обозначений. Обратившись через социальную сеть к монахиням Воскресенского женского монастыря, я получил несколько рабочих версий, которые оказались местными легендами. Чуть позже сестры монастыря дали подсказку, что этот человек связан с образованием. Это послужило нужным и верным ориентиром для определения его личности. Исследовав документы по образованию, из фондов Государственного архива Белгородской области удалось установить, что это был учитель местной школы.

Николай Фомич Кривцов родился по старому стилю 16 мая 1871 г. в Фатежском уезде Курской губернии [6, л. 121]. При этом по другим данным он значился мещанином города Курска [7, л. 13]. О ранних годах его жизни и юности практически ничего не известно. Он окончил Марьинскую низшую сельскохозяйственную школу. В дальнейшем на протяжении 4 лет Кривцов обучался в Курской учительской семинарии. В целом, по предметам у учащегося Кривцова были удовлетворительные оценки [8, л. 22]. Учительскую семинарию он окончил в 1892 г. Это было первое учебное заведение в Курске, готовившее учителей начальных школ. Вскоре молодой педагог был направлен по распределению в слободу Зимовенька Корочанского уезда.

Школа в Зимовеньке имеет давнюю историю. Она открылась в 1866 г. и в ней было 2 комнаты для обучения. Из-за ветхости школы и близкого расположения к месту планируемой постройки Воскресенского храма ее рассчитывали снести с 1902 г. Новое школьное здание уже имело кирпичный фундамент, а лесной материал для благого дела сначала выделила местная графиня Бобринская в количестве 100 дубов. А в дальнейшем, лес обещал выделить граф Бобринский под условием постройки школы Корочанским уездным земством. Данное условие было выдвинуто из-за неспособности Зимовеньского общества взять на себя финансовые обязательства по постройке школы из-за бедственного положения [9, с. 56]. Дата окончательного строительства школы не

определена. Известно, что в 1914 г. выделялось единовременное денежное пособие Николаю Кривцову в качестве поощрения за полезную деятельность по надзору за постройкой Зимовенской школы [12, с. 13].

В начале XX в. Корочанское уездное земское собрание учредило постоянные стипендии для талантливых детей, выходцев из крестьянской среды, прошедших конкурсное испытание и поступивших в Корочанскую гимназию. Как свидетельствуют документы, немногие учителя откликнулись на инициативу в подготовке крестьянских детей для средней ступени образования. Среди неравнодушных был отмечен учитель Зимовенской школы – Кривцов [10, с. 37]. Руководство отмечало его активное, деятельное участие в области образования и в 1909 г. Кривцова назначают заведующим Зимовенской школы. Работая в этой должности 3 года, он одновременно преподавал для детей уроки пения [11, с. 120].

В годы Первой мировой войны, в 1916 г. его призывают на службу, как запасной нижний чин. Прослужив всего 2 месяца, Николай Фомич был отпущен по болезни. Вернувшись в Зимовеньку, он не сидел без дела на месте, а проводил в жизнь знания по сельскому хозяйству, способствовал распространению сельскохозяйственных орудий и прилагал усилия по кооперированию населения. В тоже время Кривцов не бросал и преподавательскую деятельность. С 1917 по 1925 г. он участвовал в уездных и губернских учительских съездах, и конференциях [3, л. 22 об.].

При обследовании Зимовенской школы Белгородского уезда в 1924 г. была ей дана следующая характеристика: «Школа по оборудованию и состоянию лучшая в уезде. Надворные постройки имеются... Уклона большого к советизации не видно, но ученики выказали довольно хорошие познания по русскому языку и математике. Письменные работы останавливают на себе внимание замечательной каллиграфией и грамотностью. Проходило также мироведение и обществоведение. Последняя группа знает довольно хорошо совконституцию... Учитель пользуется большим авторитетом среди населения. Необходимо ввести самоуправление» [4, л. 99 об.].

Помимо выполнения повседневных школьных обязанностей Николай Фомич являлся членом сельсовета, пожарным старостой, а также входил в местный комитет профсоюзной организации работников просвещения. В обязанность пожарного старосты входило соблюдение и контроль за пожарной безопасностью населенного пункта, проверка средств пожаротушения, что является достаточно ответственной должностью и по современным меркам. Замечания, вынесенные пожарным старостой Кривцовым, старались исполнять. Но в тоже время встречались и явные нарушители, относившиеся халатно к пожарной безопасности. Президиум волостного исполнительного комитета, согласно докладу Кривцова, отмечал нарушения в селе Лихой Поляне, Марьинском хуторе и ряде других населенных пунктов и выносил решения по устранению недочетов [2, л. 79]. Будучи членом волостного комитета, он активно

разъяснял местному населению значение советской всеобщей переписи населения 1926 г. [2, л. 131]. Из личных карточек учителей можно узнать о том, что в конце 1927 г. Н. Ф. Кривцов трудился не только штатным работником, а занимал должность заведующего школой [6, л. 121 об.].

Информации о личной жизни Н. Ф. Кривцова в документах сохранилось немного. Известно, что Кривцов был женат на Анне Георгиевне (предположительно девичья фамилия ее Погребная). При анализе архивных документов выявилось разночтение в отчествах жены Кривцова. По одним данным она имела отчество Георгиевна, по другим же Юрьевна. Это связано с тем, что имя Георгий имеет греческое происхождение и использовалось в церковных документах, а Юрий – производное от этого имени и является более светским и удобным, обиходным именем. У супругов было два сына – Михаил и Георгий, и дочь Анна. На хранении в Государственном архиве Белгородской области частично имеются метрические книги слободы Зимовенька, согласно которым удалось установить, что сын Георгий родился в 1899 г. [1, л. 110]. Он обучался в Корочанской мужской гимназии, а дочь Анна в женской гимназии того же уездного города. В дальнейшем Анна начнет свою трудовую деятельность в родной Зимовенской школе, наравне со своим отцом, преподавала общеобразовательные предметы [5, л. 59].

Среди списка школьных работников 1920-х гг. села Зимовеньки, помимо Н. Ф. Кривцова, его дочери и жены, значится некая Фекла Константиновна Зиборовская [5, л. 59]. Фамилия достаточно известна для этого населенного пункта и принадлежит семье священнослужителей Зимовеньки. При исследовании метрических книг церкви слободы Зимовеньки, удалось обнаружить запись о рождении Феклы в 1901 г., восприемницей (крестной матерью) которой была жена учителя Кривцова – Анна Георгиевна [1, л. 84]. А двумя годами ранее при крещении вышеуказанного сына Николая Фомича Кривцова – Георгия, крестным отцом выступил священнослужитель Самуил Никонович Зиборовский [1, л. 110]. В данном случае стоит говорить о наличии социальных связей среди местной сельской интеллигенции. Дружеские связи между семьями учителя Кривцова и священнослужителей Зиборовских были достаточно крепкие. Таким образом, Кривцов мог поспособствовать в 1920-е гг., чтобы устроить к себе в школу дочь своего друга и товарища.

Возвращаясь к вопросу захоронений на территории Воскресенского монастыря, можно сделать предположение, что во второй безымянной могиле покоятся останки жены Кривцова – Анны Георгиевны. Кто как не жена могла находиться рядом со своим мужем.

Учитель Николай Кривцов оставил о себе добрую память среди своих односельчан, как наиболее уважаемый, авторитетный человек, внесший значительный вклад в развитие своей родной слободы Зимовеньки. Видимо поэтому он был удостоен чести обрести вечный покой рядом с Воскресенским храмом.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 89.
2. ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 429.
3. ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 2Л. Д. 116.
4. ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 4. Д. 4.
5. ГАБО. Ф. Р-533. Оп. 2. Д. 42.
6. ГАБО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 290.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 193. Оп.1. Д. 230.
8. ГАКО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 246.
9. Журналы заседаний XXVII очередного Корочанского уездного земского собрания за 1901 год. Курск, 1902.
10. Журналы заседаний XLIII очередного Корочанского уездного земского собрания за 1907 год. Курск, 1908.
11. Журналы заседаний XLVII очередного Корочанского уездного земского собрания за 1911 год. Курск, 1912.
12. Журналы заседаний L очередного Корочанского уездного земского собрания за 1914 год. Курск, 1915.

В. В. Раков

КУРСКИЕ ДАЧИ И ДАЧНИКИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Широко известна фраза, произнесённая чеховским Лопахиным из «Вишнёвого сада»: «До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще и дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...» [1, с. 10].

Дачный отдых, как сезонное средство пополнения здоровья и укрепления нервной системы городской части населения в пригородной или, вовсе, сельской местности, зародившийся с появлением первых загородных домов для элиты под Санкт-Петербургом в XVIII в., с начала XIX в. начал стремительно набирать популярность. Первые дачные местности стали образовываться вокруг обеих столиц: Гатчина, Северская, Красное село, Дудергоф – под Санкт-Петербургом; Останкино, Перово, Кунцево, Сокольники – под Москвой. К середине XIX в. дачный отдых становится весьма распространенным явлением и в провинциальных городах, к числу коих, несомненно, относился и Курск.

В отличие от привычных временных пребываний (в основном, в весенне-летний период) в собственных имениях дворян, живших в большую часть календарного года в городах, а также гостевавших у них

родственников и приятелей, для дачного элемента существовал некий обязательный видовой признак: съемная жилая площадь (усадьба, дом, часть дома, комната) за городом с целью сельского отдыха в теплое время года. В нашем случае, как нельзя, кстати, будет четверостишие из «Курского листка», принадлежавшее местному стихотворцу, скрывавшемуся под псевдонимом «*Мефистофель*»:

«Уж давно у нас известно,
Что лишь взглянет май на двор,
Полетят на дачи люди
Как от булочника вор...» [2, 1895. 7 сент.].

В 1844 г. «Курские губернские ведомости» писали: «Всем известно, что загородная жизнь, чистый воздух, удобства семейной жизни, спокойствие и ежедневное телодвижение, доставляемое прогулками и телесным упражнением, сельскими работами в саду, в огородах и на полях, имеют, в отношении поддержания здоровья и продолжению жизни, величайшие преимущества перед жизнью в больших городах, где народонаселение многочисленно, а улицы узки, дома тесны, неудобны, воздух нечистый, нередко спертый, испорченный, а жизнь суетная, сопровождаемая волнениями страстей, огорчениями... Для всякого, кто понес ущерб в здоровье от сидячего образа жизни у письменного стола, в государственной службе, от бедности и несчастий, от действительных или воображаемых недостатков к содержанию себя, от моды и изнеженности, нет ничего благотворнее и лучше, как поездка в деревню и пребывание там в течение нескольких недель, причем помогает лечению следующее: надобно вставать рано, делать много телодвижений на вольном воздухе, устранять всякие заботы, стараясь не думать о тягостных домашних и должностных занятиях, развлекаться работою в саду, огороде, на поле, ездить на охоту, по лесам и лугам, вести простой род жизни: каждый день есть землянику, вишни, свежее пахтанье, и избегать всякой возбудительной и горячительной мясной пищи, вина и пряностей» [3, 1844 Прибавление к «Курским губернским ведомостям». 11 марта. № 11. Часть неофиц., с. 115–116].

Этой статье, помещенной в губернской газете в разделе «Народная медицина», созвучна публикация, вышедшая несколькими месяцами позже и посвященная здоровью городских детей: «Существенную разницу между городом и деревнею составляет преимущественно чистота и свежесть воздуха. Воздух в городах только зимою, когда земля покрыта снегом, достаточно чист и свеж; однако в больших и многолюдных городах, особенно с тесными улицами, воздух на высоте от земли в человеческий рост и зимою даже не совсем чист.

В городах весною, летом и осенью воздух вообще нечист; особенно ближе к поверхности земли. Испарения, большею частию от гниения

разнородных веществ, более или менее напитывают воздух, который между строениями не может очищаться скоро. В сухое, теплое время, воздух наполняется еще пылью, которая в некоторых городах южной России бывает неимоверно тонка и несносна.

Нечистота воздуха значительнее, если город многолюден, расположен на низменном месте, имеет дома высокие, каменные, дворы тесные, неопрятные; если в городе мало садов и огородов, много немощеных улиц, где застаивается вода после дождей, много переулков тесных, неопрятных; если нет подземных труб для стока воды; если город подвергается наводнениям, особенно весною; если внутри города фабричные заведения, бойни и т. п. В таких-то городах жить нездорово и взрослым людям, а уж тем более детям, потому что они лишены возможности дышать всегда свежим, чистым воздухом, и наслаждаться выгодами деревенской жизни. Сколько бывает еще причин, весьма часто неудобоустраняемых, по которым воздух в самых жилых комнатах делается нечистым и несвойственным для дыхания!

... Пусть эти бледные, чахлые, слабосильные, так сказать безжизненные дети, проживут в теплое время на даче или в деревне; пусть они наслаждаются всеми дарами благотворной весенней и летней природы, и вы увидите, как они без всяких медицинских пособий поправятся в здоровье. Если дитя, от природы или обстоятельств хилое, слабосильное, всегда будет в городе, особенно при неудобствах, неразлучных с городским местопребыванием, то оно обыкновенно впадет в какую ни будь важную скоротечную болезнь, от которой иногда и умереть...» [3, 1844 Прибавление к «Курским губернским ведомостям». 2 декабря. № 49. Часть неофиц., с. 667–680].

Массовый характер дачная жизнь стала приобретать после отмены крепостного права. Русский художник, историк искусств А. Н. Бенуа писал: «Возникнув, как форма организации жизнедеятельности, усадебная, а впоследствии дачная традиция, формирует особый тип личности, к которому принадлежали все главнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта, такого спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда» [4, с. 504–505].

В 1880-е гг. дачи стали использоваться не только для семейного отдыха, но и в учебно-воспитательных целях. Показательно, в этом плане, объявление учебного заведения Н. Е. Васильевой, размещенное в «Курских губернских ведомостях»: «Цель учебного заведения подготавливать детей обоего пола для поступления в средне-учебное заведение в первый класс. Принимаю учениц для подготовки в институты и гимназии до 3-го класса; летом ученицы эти могут жить со мной на даче» [3, 1888. 29 марта. Часть неофиц.]. К слову сказать, само учебное заведение располагалось на углу Московской и Первышевской ул., в доме И. П. Беседина, с отдельным входом с Первышевской улице.

Топография дачных зон. Интерес к дачному отдыху стал особенно заметным на рубеже XIX–XX вв., хотя первые дачи на территории Курска появились гораздо раньше. Первоначально куряне старались обзавестись дачами непосредственно в городской черте, выбирая живописные уголки на берегах Тускари, в балках и пойме Кура. Свободных мест здесь было совсем немного, поэтому возможности для дачного строительства были ограничены, дачи приходилось снимать у местных жителей.

Дачными местами становились окраины Курска, как правило, из числа бывших городских слобод (Солдатская, Черкасская, Рассыльная) и пригородные слободы – Пушкарная, Стрелецкая, Казацкая и Ямская. Традиция сдачи помещений под дачный отдых на окраинах Курска сохранялась и в начале XX в. Для лиц, занятых в городе, предлагались роскошные дачи с огромным садом в 7 мин. ходьбы от конечной остановки трамвая и в 3-х мин. – от реки Тускарь – в самом конце улицы Никитской [2, 1913. № 107].

Газета «Курская быль» за 1913 г. опубликовала объявление следующего содержания: «Очень дёшево сдаётся по Староостроженской улице, д. 7 дача о 5-ти комнатах со всеми удобствами, полторы десятины покоса, крыжовник, смородина и др. Спросить дворника» [2, 1913. № 107]. Дачи начинались и за Московскими воротами. Так в «Курском листке» в июне 1893 г. было размещено объявление следующего содержания: «Кухарка нужна хорошая. Ахтырская у., дача генерала Ключёнау» [2, 1913. № 107].

Немногим дальше от центра города располагались дачи пригородной слободы Пушкарной. При въезде в город по Московскому шоссе через Пушкарную слободу, можно было спуститься к реке Кур. Здесь находилась, так называемая, Аверинская дача – от имени уроженца курского края Петра Ивановича Аверина, бывшего обер-прокурора III департамента Сената, ранее состоявшего в службе при курском генерал-губернаторе А. А. Беклешове.

В последней четверти XIX в. с легкой руки неизвестного курянина в народе это местечко стали называть «Кинь-грусть!» [2, 1913. № 107]. В то время оно ассоциировалась, прежде всего, со Стезевой усадьбой, располагавшейся в 1^{1/2} версты от конечной остановки у Московских шпилей только, что введенного в эксплуатацию трамвая. На Стезевой даче, как стали именовать это место после открытия там минеральных источников, под дачи предлагались особняки и квартиры от 3-х до 10-ти комнат с печами. В рекламе особо отмечались достоинства этой зоны отдыха горожан: «Прекрасное, возвышенное местоположение, большой парк, купанье, железисто-щелочные источники для питья, гретые ванны». И всё это по цене от 40 до 400 руб. в год [2, 1904. 15 июня].

На курских минеральных водах, в парке, имелись три источника, два для питья и один для ванн. Вода била из-под фосфоритных плит, а температура воды летом составляла +17 – +18 град. по Реомеру (+21 –

+22 °С). В 1892 г. здесь был устроен курорт для лечения больных. По исследованию доктора Кашкадамова, вода этого минерального источника богата содержанием солей железа и в этом отношении занимает одно из первых мест в ряду не только русских, как говорится в исследовании, но и зарубежных курортов. Употребление воды Курских источников рекомендуется врачами при всех тех болезнях, при которых признается полезным введение в организм препаратов железа. Сюда относятся анемии всякого рода и последствия различных хронических заболеваний (желудка, нервной системы и других). Воду можно пить прямо из источника и в газированном состоянии. Воды эти, по словам исследователя, стоят наряду с источниками Спа, Пирмонта и Дрибурга. На высоте холма выстроен большой, красивой архитектуры дом, с нумерами для дачников, по скату холма – аллеи и, у берега Кура, главный минеральный родник и небольшой пруд с купальнями [7, с. 30–31].

В ближний круг дач входила и Стрелецкая пригородная слобода: «Был еще один используемый жителями Стрелецкой слободы промысел – перевоз людей на лодках через реки, катание праздной публики, сдача многочисленных лодок на прокат. Катание на лодках было любимым развлечением курян, в особенности любило катание курское чиновничество, некоторые из них по этому поводу снимали на все лето себе “дачи” в Стрелецкой слободе» [8, с. 5].

Для многих курян центральной части города привлекательной для летнего дачного отдыха была Казацкая пригородная слобода: «Летом в слободе раздолье, и случайные жители ее пользуются вполне дачной жизнью. Кругом зелень и благоухание расцветающих или расцветших садов, из которых раздаются песни соловьев и других певчих птиц. Как бархатным зеленым ковром покрыты площади улиц; зеленый и закрывая собой часть города, спускается с горы примыкающий к слободе Лазаретный сад, из которого вечерами несутся звуки музыки.

Почти при каждом доме есть плодовый сад, где родятся ягоды всех сортов, яблоки, груши, сливы: некоторые домохозяева от садов получают хороший доход. Когда поспевают ягоды и плоды, их собирают с веселыми, звонкими песнями. Всюду звучат эти песни, по всей слободе несутся они и с щебетанием птиц, с ликующею природой льют в сердце какое-то непонятное радостное чувство.

Одним плохо в Казацкой летом: негде освежиться купанием. Речонка Кур в летнее время почти пересыхает и местами, где поглубже, дно её сплошь покрыто тиной. Вообще слобода бедна водой. Несколько существующих здесь колодцев ранней весной, вследствие разлива Кура, заливаются грязной водой. Жители пользуются водой для чая из городских бассейнов, но обыкновенно для варки пищи берут воду из колодцев» [9, с. 123–124].

Привлекательными для отдыха на дачах «ближнего круга» были факторы близости от места постоянного проживания, возможность часто

выезжать к местам службы или другим делам в город, наличие социальной инфраструктуры (общественный транспорт, базары и магазины). Главными же недостатками являлось дороговизна и сохранение городского ритма жизни.

Но большинство курян все же стремилась покинуть городскую черту. В начале 1870-х гг. дачная жизнь начала перемещаться в ближайшие к Курску местности – пригороды, а с середины 1880-х гг. наметился существенный рост интереса к этому виду сезонного отдыха: «...Теперь каждый год при наступлении весны только и разговоров о том, где лучше поселиться, чтобы провести лето и запасть здоровьем» [З, 1891. 3 июля. № 53. Часть неофиц.].

Центрами притяжения дачников были лес и вода. Но если небольшие леса и лесочки окружали город практически со всех сторон, то водные ресурсы определялись двумя реками: Тускарем, протекающим через Курск, и Сеймом – опоясывающим город в 5–6 верстах с юго-запада.

Лучшими считались дачи, находящиеся на реке Сейм. Причин на то было несколько: живописные пологие берега, песчаные пляжи, относительная удалённость от городской суеты, чистая вода с плавным течением: «Дачи по реке Тускари уступают Семьским прежде всего, в отношении существенной принадлежности дачной жизни – купанья: тускарная вода и мутнее, и тяжелее семьской; семьская вода легка, прозрачна и действует чрезвычайно освежающе. Это всякому курянину известно» [З, 1890. 28 авг. № 65. Часть неофиц.].

Но северо-восточное дачное направление имело и свои козыри: «Что касается местоположения по Тускари, то, по нашему мнению, дачники посемьяне [не] богаты такими открытыми и роскошными видами, какие развертываются, например, с дач села Сапогова, а ещё лучше – с дачи, принадлежащей Курскому женскому монастырю.

Представьте себе: у подошвы горы, на который вы стоите, извивается серебристой лентой Тускарь; далее – луг деревни; затем покинутый и как будто осиротелый старинный Коренской шлях; еще дальше протянулся железнодорожный путь, по которому снуют поезда, а на самом краю горизонта раскинулись леса. Правый берег Тускари, по которому расположены здешние дачи, довольно высок и большею частью покрыт лесом» [З, 1890. 28 авг. № 65. Часть неофиц.].

Первоначально излюбленным местом и центром летней дачной жизни на северо-восточном направлении от Курска являлась деревня Сапогова (именно в такой транскрипции было принято писать название этой деревни до революции). С одной стороны – красивая местность (деревня располагалась на высоких лесистых холмах правого берега реки Тускарь), с другой – относительная близость города (в 8 вёрстах от северо-восточней окраин Курска) делали это место весьма привлекательным для дачников.

В местности под общим названием «Сапогова», ближе к Курску находился участок земли, принадлежавший Курскому губернскому земству, где размещалась психиатрическая больница и некоторые другие земские учреждения. Далее следовала собственно Сапогова – довольно обширное селение; несколько далее шла другая часть Сапогова, иногда называемая хутор Березняки. И, наконец, еще далее на север шли несколько крестьянских усадеб, расположенных отдельно и от деревни с хутором, да и по отношению друг к другу.

Проживали в Сапогова и округе крестьяне – достаточно зажиточные, сколотившие свое благосостояние возделыванием полей и огородов, в том числе и за счет выращивания ягод, сенокосами, добычей камня и т. п. Территория Сапогова располагалась на возвышенном месте, через лог от нее находилась деревня Овсянникова. Но в Овсянниковой уже не было дач, прежде всего потому, что в этом месте река Тускарь далеко отступала к востоку, а наличие водоема было почти неизменным условием дачного сезона.

Напротив Сапогова, за рекой лежала деревня Каменева с белеющим силуэтом церкви и линией московско-курской железной дороги на горизонте. Одним словом, вид был впечатляющий и успокаивающий расшатанные городской жизнью нервы обывателей.

Если сравнивать эту местность с южной и юго-восточной дачной зоной, то ситуация выглядела следующим образом: «Около деревни Сапогова, да и в ней самой находилось довольно много дач – от достаточно больших и дорогих, до маленьких и, понятное дело, не особенно удобных и благоустроенных. Как говорят, каждому – по кошельку... Сначала дачи сдавали только сами владельцы недавно построенных в этой местности дач – Ребиндер и Самойлов. Но уже к началу 1890-х гг. некоторые из крестьян Сапогова выстроили маленькие домики для предложения летнего отдыха. Эти маленькие дачи (горожане называли их в шутку «хижинами») были разбросаны среди садов и лесов, что, несомненно, живописно и практически иллюстрировало главную цель дачного периода – восстановление потерянных за время зимы сил.

В определении места выбора летнего отдыха влияние оказывали многочисленные факторы, в том числе и социальные. Жители Сапогова считались народом спокойным, тихим, так как казенной продажи вина и пивных лавок здесь не было. Не менее существенно было и то, что в Сапогова можно было найти всё, что нужно дачнику: молоко, мёд, овощи «с грядки» и фрукты «с ветки», родниковую, холодную до боли в зубах, воду и палящее солнце, от которого каждый легко мог укрыться в тени садов и перелесков или струящихся водах чистой здесь (до впадения в город) реки.

На левом берегу Тускари, юго-восточнее Сапогова были еще дачи в деревнях Вырки и Щекинка (сейчас эта местность называется Щетинка), но здешние низменные места давали сырость, что делало их слабыми

конкурентами Сапогова. О дачах в Щекинке пишет в своих воспоминаниях И. И. Пузанов (1885–1971), выдающийся зоолог, зоогеограф, поэт и переводчик, уроженец Курска, происходивший из семьи местных купцов: «Начиная с 1893 года, мы стали ездить на дачу не в дальнее Кашино, а в Щекинку, находившуюся на расстоянии всего пяти верст от города. Насколько воспоминания мои о Кашинове смутны и отрывочны, настолько впечатления Щекинки отчетливы и полны. Я и сейчас могу со всеми подробностями нарисовать план усадьбы, деревни и ее ближайших окрестностей. Подобно Кашинову, имение Щекинка перешло из дворянских рук в купеческие. Первыми владельцами ее были помещики Щекины, а после продажи имения – богатые купцы Перепелкины, вернее, вдова Перепелкина Александра Матвеевна с сыном Николаем Федоровичем и дочерьми, из коих я отчетливо помню лишь младшую – очкастую перезрелую деву Софью Федоровну. Перепелкины были богатые мукомолы: в Щекинке у них была огромная турбинная мельница, оборудованная усовершенствованными машинами; в Курске, на Херсонской улице – бакалейный магазин.

Имение Щекинка было весьма благоустроено. Оно было расположено на берегу чистой речки Тускорь, перегороженной в этом месте большой шлюзованной плотиной, поднимавшей воду для питания турбин. На правой стороне реки раскинулся большой сад, вернее, парк, площадью десять десятин. В углу парка, примыкавшем к реке, среди прекрасных цветников, возвышался большой, красивый хозяйский дом – хотя, и деревянный, но весьма стильный и благоустроенный. Хозяева не сдавали его внаем, а жили в нем летом сами» [10, с. 35–36].

Самыми ближними к городу с юга были дачи в Ламоново и Рышково. В «Курских губернских ведомостях» за 1873 г. помещено объявление о найме дач: «В деревне Ламоново, по Курско-Харьковскому шоссе, в 5 верстах от Курска отдаются на летнее время три дачи. Видеть и о цене узнать можно во всякое время в Ламонове от прикащика имения Дурново» [3, 1873. 16 марта. № 21]. О рышковских дачах имеется следующая информация: «При селе, в имении графини Клейнмихель, дачи разбросаны по левому, довольно низменному и сырому берегу Семи. Разбиты дачи отдельными изящными домиками среди леса, расчищенного в виде парка и приспособленного для прогулки дачников, здесь же устроены качели и некоторые гимнастические приспособления, на реке Семи устроены купальни. Сообщение с Курском по шоссе удобное и близкое. Существенный недостаток этих дач тот, что во всякую пору дачного сезона, даже в самую жаркую и сухую, здесь бывает сыро, и, кроме того, комары упорно и ожесточенно одолевают дачников» [3, 1890. 28 авг. № 65. Часть неофиц.].

С 1875 г. существовали дачи Е. Ф. Пожидаевой – жены инженера Курской губернской земской управы А. А. Пожидаева, которые находились в 10 верстах от Курска в имении Дурнева. Лес, купание в

Сейме, сухая здоровая песчаная местность... [6, 1909. 3 июня. № 120]. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. новые дачные строения появились на правом берегу Сейма, по ту сторону Харьковского моста, в деревне Дурневой, в имении помещика А. П. Зеленцова, в местности, которую в Курске обыкновенно называли «Клюквой». Местность здесь более возвышенная и потому более здоровая по сравнению с Рышково. Все дачи в Дурневой были сгруппированы около треугольной площади, и представляли собой, как бы дачный городок. Большая часть дачных домиков была разбита параллельно широкой аллее, в виде стройного ряда закутанных в зелени павильонов. Лицевая (фасадная) сторона дачных домиков была обращена на треугольную площадку, застроенную разного рода гимнастическими снарядами, а задняя их сторона была обращена к лесу, где, замаскированные деревьями, стояли кухни и располагались дачные дворики. Дачи эти нравились курянам, они все были заняты практически полностью [3, 1890. 28 авг. № 65. Часть неофиц.]. Дачные домики А. П. Зеленцова располагались в сосновом и смешанном лесу, через который вела дорога из Курска, располагаясь от нее по правую сторону. Эти дачи представляли собой большие и малые дома, отделанные в русском стиле [3, 1891. 3 июля. № 53. Часть неофиц.].

Там же на правом берегу Сейма, по северную сторону Харьковского моста, в лесу, расположились дачи г. Рудакова. «Дачи эти производят в высшей степени симпатичное впечатление. Берег реки Семи здесь довольно высок и обращен на полдень, вследствие чего здесь о сырости не может быть и речи, точно так же и жарко быть не может, так как дачные домики в тени леса. Купанье здесь под рукой, так как дачи находятся над самой рекою, дачные домики устроены без всяких претензий и покрыты (за исключением одного) соломой. Дачники не заботятся здесь много о своих нарядах. Нигде, таких как здесь – веселых, загорелых и здоровых лиц не встречается», – писали «Курские губернские ведомости» [3, 1890. 28 авг. № 65. Часть неофиц.].

В той же стороне только несколько ближе находились дачи села Лебяжьего. Берег реки здесь также возвышен и сух. Но большим недостатком этой местности являлось отсутствие леса: чтобы погулять по лесу, необходимо было переправиться на другой берег Сейма, а это было не всегда удобно.

Со строительством железнодорожной сети увеличился запрос на дачи, расположенные вдали от всякой городской суеты, конечно, не в глухомани, но достаточно удаленные от крупных населённых пунктов и железнодорожных станций. Вот примеры объявлений о сдаче такого рода дач внаем: «Две дачи отдаются в имении Г. Г. Васильева, в 4-х верстах от ст. Винниково, МКВЖД, меблированные, река, лес. За условием обращаться: Курск, Чикинская ул., кв. г. Рудинского, рядом с женской гимназией» или «Дачи отдаются в с. Букрееве, на реке Сейм, в 10-и верстах от Курска и в 2-х верстах от первого разъезда Курско-Харьковской

железной дороги, в имении Е. Д. Моисеевой. За условиями обращаться письменно: Курск, Золотаревская, Леониду Дмитриевичу Моисееву» [3, 1901. 4 мая. № 96. Часть неофиц.].

Дачная география расширялась по мере роста спроса и строительства дорог. В «Курском листке» часто размещались объявления о таких дачах: «Две дачи отдаются по Курско-Киевской ж. д., у платформы на 43 вер. Об условиях узнать у Павла Николаевича Цыбульского... Дача отдается в 5 комнат, с роялью, и со всеми надворными постройками в 5 вер. от ст. Золотухиной МКЖД, об условиях узнать Чикинская ул., д. Афанасьева у г-жи Ланиной» [2, 1885. 2 мая].

Потребность в таких удаленных дачах формировалась, в том числе, и за счет интереса столичной публики (петербургской и московской). Многие достаточно зажиточные, но не имевшие собственных поместий предприниматели, финансисты желали вывозить свои семьи на достаточно длинный весенне-летний сезон не на юг, а в более умеренные климатические зоны Европейской равнины, к которым, несомненно, относилась и Курская губерния.

Одно из описаний таких дачников содержится в записках М. В. Сабашникова, столичного книгоиздателя, золотодобытчика и сахарозаводчика. Весной 1895 г. он с братом Сергеем навестил свою знакомую, снявшую на лето вместо дачи заброшенную маленькую усадьбу на перепутье между Любимовским сахарным заводом (только, что купленный братьями Сабашниковыми) и железнодорожной станцией: «Белый никольский домик под красной крышей, утопая в зелени, приветливо маячил перед нашими глазами, пока мы, переехав по мосту реку и обогнув глинобитный, крытый соломой сарай, не въехали в обширный, поросший травой двор. Из кустов, обрамляющих двор, неслись, несмотря на дневное время, трели многочисленных прославленных курских соловьев, а из палисадника по ту сторону дома, обсаженного сиренью, находившегося в полном цвету, шел ее упоительный аромат. Окунувшись в эту захолустную благодать, я стал поздравлять Лидию Павловну с удачным выбором дачи. “Вы не видели еще ни вида с нашей дубовой рощи на горе, ни мельницы, у которой, наверно, русалки водятся!”, – ответила мне, смеясь, Лидия Павловна ...» [11, с. 184–185].

Дачная логистика. Дороги... От них зависело многое при выборе дачи. В Сапогова вела отличная дорога, с насыпями в овраге, мощеными булыжником примостовыми подъездами и вырезами на холмах. Эту дорогу для сообщения с лечебницей построило земство: «Через лог проведен хороший деревянный мост. Дорога эта ведет к так называемой колонии, но ею пользуются и дачники, так как от колонии до сапоговского района дач весьма недалеко. По удобству земская дорога не заставляет желать лучшего. Даже из западной части Курска можно доехать в два часа, причем экипаж катится довольно плавно и хорошо... В дождливую погоду также можно доехать безопасно, и городской извозчик не откажется вести

вас за «полтора рублика-съ». А недавно еще путь в Сапогову был ой, ой, ой как трудноват и с большими спотыканиями. Сначала путь шел по московскому шоссе, затем среди полей по крутой, узкой, даже не проселочной дороге, пересекал крутой овраг, где через ручей надо было ехать вброд, катился по местам по неровным, кривым и кособоким колеям, а по другим местам крепко оседал в грязи. Дорога эта называлась «Паровое», кажется, по названию длинного лога, доходящего почти до Курска. Впоследствии проложили дорогу через так называемую «Белую гору», через Кисловскую рощу к скиту Курского женского монастыря. После скита проезжали деревню Щуклинку...» [3, 1902. 29 июня. № 137. Часть неофиц.]. Новая земская дорога значительно сократило время, затрачиваемое дачниками в пути в Сапогова и округу.

В дачный поселок А. П. Зеленцова, в Ключку (10 верст от города) можно было добраться как собственным транспортом или извозчиком, так и линейкой владельца, что было чрезвычайно удобно для курян. А вот к числу главных неудобств этих дач может быть отнесено неблизкое и, благодаря песку, нелегкое сообщение с Курском.

На пригородные дачи, располагавшиеся от города в радиусе 8–20 верст, на лошадях добирались от полутора до трех часов. Уже сама поездка, особенно для детей, вызывала массу положительных эмоций, вызванных возбуждением от самого факта движения и чудесными пейзажами, начинавшимися сразу с городских окраин: «Мои первые деревенские воспоминания связаны с летним пребыванием в деревне Кашиново, в имение купца Дружинина, торговавшего на Московской улице игрушками. Кашиново находилось в двадцати верстах от города, так что, ехали туда часа три» [10, с. 32].

Условия аренды и проживания. Летняя жизнь курян начиналась с утомительного, но обещавшего вскоре приятное времяпрепровождение переезда из городской квартиры на дачу. Прибегнем снова к воспоминаниям И. Пузанова: «Как только становилось совсем тепло, начиналась укладка вещей для выезда на дачу, причем, вещи шли подводой, запряженной добродушным тяжеловозом «Чалым», который верой и правдой прослужил у нас не менее пятнадцати лет. Мы же, дети, с матерью, гувернанткой и мамкой, отправлялись в фаэтоне или даже карете – по необходимости, наемных, ибо и выездных лошадей отец в то время, сколько помню, еще не держал» [10, с. 31].

Такой переезд являл собой, надо сказать, весьма живописное зрелище. Вывозилось множество домашнего скарба и даже городская мебель. По улицам Курска, переваливаясь с боку на бок, тянулись скрипучие возы, загроможденные комодами, шкафами, стульями и прочими пожитками. Пустой дом, без мебели, можно было снять дешевле.

Подробное описание одной из таких дач приводит И. И. Пузанов: «Подъезжая к деревне, приходилось пересекать огромную глубокую долину, или, как у нас говорили, – лог. В имение въезжали по аллее

огромных серебристых тополей. Чтобы подойти к дому – небольшому помещицкому дому с мезонином, который сдавал нам Дружинин, надо было пройти небольшим палисадником. Центральная большая комната дома, полутемная от нависшего балкона и больших деревьев, окружавших дом, выходила в довольно большой сад, за которым простиралось поле. На краю этого поля заманчиво маячила группа диких груш, бывшая, однако, для меня вне пределов досягаемости, ибо мои экскурсии ограничивались садом, палисадником и упомянутой аллеей серебристых тополей. <...> Помню, как меня, городского мальчика, поразил шум листвы величественных серебристых тополей, когда я проснулся утром, на другой день после приезда!» [10, с. 32].

Особенно модными среди дачников считались дома с террасами и балкончиками. Разговор нанимателя с хозяином чаще всего начинался с вопроса: «А терраса есть?». И вот, желая прельстить потенциальных дачников внешним видом нехитрых дачных построек, многие хозяева перестраивали крестьянский дом «под городскую дачу». Надстраивали второй этаж, прилаживали балкончик. «Для красоты» пристраивали наружные лестницы, украшали крышу коньками и петушками. Для многих селян сдача дач <городским> внаем становилась основным источником дохода. Перед окнами дачки вкапывали десяток березок, разбивали небольшой палисадничек, непременно атрибутом которого становилась знаменитая акация. Это неприхотливое растение заменяло дачнику и лес, и рощу, и вообще природу. Двор же оставался во владении крестьянина. В деревне Шуклинка, кстати, предлагались дачные дома и в пять комнат [6, 1913. № 115].

Снять дачу на 3–4 месяца обходилось дешевле проживания в городской квартире. За домик с мебелью, ледником, отдельной кухней, расположенный в Дурнево, в зависимости от площади просили 65, 90 и 100 рублей за сезон [6, 1909. 3 июня. № 120].

Снова прибегаем к воспоминаниям И. И. Пузанова, где он рассказывает об условиях дачного проживания в Щекинке: «Мы занимали небольшой деревянный дом уже за пределами парка, но в ближайшем его соседстве. Задним фасадом дом этот выходил на реку, так что, по утрам на потолке нашей комнаты играли яркие зайчики, отбрасываемые рябью реки. Перед главным фасадом был разбит небольшой палисадник, в который выходила крытая терраса. Здесь мы пили чай, а иногда обедали. Перед домом был большой двор, с колодцем посередине, а по левую сторону двора – хозяйственные постройки: конюшни, коровники, кузня, у дверей которой я часами простаивал, наблюдая работу усатого кузнеца с помощником, здоровенным молотобойцем. Надо сказать, что Н. Ф. Перепелкин был страстный лошадиный и держал завод рысистых лошадей, настолько благоустроенный, что выписывался даже наездник-англичанин.

По ту сторону парка находилась беговая дорожка длиною ровно в одну версту – так называемый «бег», где по утрам тренировали лошадей, запряженных в легкие беговые «американки». По пути к «бегу», примыкая к одной из сторон парка, возвышалась каменная церковь с зеленым куполом, а за скотным двором, по пути к широкому «шляху», ведущему в город, – большая рига и огромные скирды соломы. На север от усадьбы протянулась грязная деревушка Щекинка, в которой, кажется, все избы были с соломенными крышами. Усадьба Переделкиных являла пример большого, благоустроенного помещичьего имения, за долги перешедшего в купеческие руки» [10, с. 36].

Конечно, если речь шла о столичных персонах, желающих отдохнуть в глубинке – Курской губернии, то их условия были более просторны и детализированы. Так, например, В. И. Черницкий, проживавший в Санкт-Петербурге, на Бассейной улице, в доме № 25, в квартире № 3 дал в «Курских губернских ведомостях» 20 октября 1881 г. (заранее!) следующее объявление об аренде помещения на будущий дачный сезон: «Требуется в Курской губернии, на лето, господское имение, близ Курска или уездных городов, не более 10 верст от города и 20 верст от железной дороги. Дом при усадьбе должен в себе заключать: семь чистых комнат вполне меблированных, людские и кухню; 12 кроватей с тюфяками, кухонную посуду, в должном количестве; столовую же не менее как на 20 персон. Кроме того, при усадьбе необходимы: двухместный крытый экипаж и к нему не менее двух лошадей; молочные скопы, как-то: молоко, сливки, яйца, творог и т. д., которые должны быть даны нанимателю не в ограниченном количестве. Внешний вид имения должен быть следующий: при усадьбе сад, если возможно, с цветами, близ усадьбы лес (желательно бы сосновый) [3, 1881. 20 окт. № 81. Часть неофиц.].

Но дачные помещения были достаточно разнообразны, кого-то могли устроить и вполне скромные условия. Точно так же дачники были снисходительны и к другим бытовым проблемам. К примеру, все лето приходилось бороться с дачной сыростью. Для борьбы с сыростью главным образом старались сочетать сухое тепло от печки с обыкновенным проветриванием. При этом считалось, что отопление стационарными печами, например, голландскими, малоэффективно и лучше использовать для этого переносные железные или чугунные печки. Существовали и другие, тоже довольно эффективные способы «осушения» дачного жилища. Например, на полу раскладывали в плоские тарелки небольшие куски негашеной извести. Впитывая сырость, известь гасится и распадается в порошок. Вместо извести иногда использовали древесный уголь.

Удачей считалось, если в доме есть хорошая печка, отапливающая сразу несколько комнат. Но в то время многие дачки-хибарки вовсе не имели ни печей, ни соответственно кухонь, и несколько семей стряпали в одной общей печи. Редкие дачники обзаводились для этого отдельной

керосинкой. Воду для приготовления пищи добывали разными способами. Иногда ее брали из речек, еще достаточно чистых в то время. В некоторых местностях пользовались услугами водовозов. Но чаще всего питьевую воду брали из обычных колодцев с деревянными срубами, расположенных почти на каждом участке.

Прочие «удобства» располагались «во дворе». Выгребные и помойные ямы с довольно хлипкими деревянными стенками очищались всего один раз в год, да и то зимой.

На рубеже XIX–XX вв. в тихую и безмятежную, неторопливую дачную жизнь стали вторгаться достижения современной цивилизации. Появились граммофоны, фотоаппараты, велосипеды, автомобили, телефон. Начальник Харьковского почтово-телеграфного округа, во время своего пребывания в Курске весной 1890 г., имел встречу с городским головою, на которой предложил устроить в Курске телефонное сообщение. Условия пользования телефоном были следующие: за один телефон с протяжением провода не более 3 верст – 100 рублей в год, а за второй телефон помещающемся у абонента на этом же проводе – 50 рублей. Допускались и коллективные абонементы, т. е. установка для нескольких лиц одного телефона, под ответственность одного лица, а равно дачные телефоны, для пользования лиц, живущих летний сезон за городом. Городской голова выразил свое сочувствие предполагаемому доброму делу. [3, 1890. 3 июня. № 120. Часть неофиц.].

Начало дачного сезона не было привязано к конкретной календарной дате. Все зависело от погоды. И. Пузанов пишет: «Как только становилось совсем тепло, начиналась укладка вещей для выезда на дачу...» [10, с. 31]. Чаще всего, это были конец апреля или начало мая. Как правило, на даче задерживались до конца лета и даже – до первых осенних морозов: «Обычно мы задерживались на даче довольно долго – чуть ли не до первых морозов. В долгие осенние вечера читала мне вслух, причем, особенно мне запомнились стихи любимого ею Алексея Толстого. Перечитывая сейчас его «Алешу Поповича» и «Василия Шибанова», я всегда вспоминаю тесную светелку мезонина и укутанную платком фигуру матери, склонившуюся над книгой...» [10, с. 34–35].

Осень. Серые туманы
Густы по утрам.
Птиц пролетных караваны
Подымают гам.
Ряд начался дней учебных.
Возвратились с дач.
Нет квартир вполне удобных:
Хоть садись и плачь! [2, 1885. 15 сент.].

Но иногда съезжать в город приходилось раньше. Так, например, из-за неблагоприятной погоды (постоянные затяжные дожди) некоторые дачники в 1888 г. из окрестностей начали уже перебираться в свои дома и квартиры в Курске в начале августа месяца [3, 1888. 9 авг. № 60. Часть неофиц.].

Дачная повседневность и досуг. Просыпались поздно, день проводили в праздности, дремали после обеда. Хозяйственную деятельность развивали единицы, разве что разбивали цветочные клумбы. Никаких огурцов, томатов, а тем паче – картофеля. Всего этого и так было вдоволь в окрестных крестьянских хозяйствах, да ещё и дёшево. Конечно, в сезон цены поднимались, но с городскими рыночными они не шли ни в какое сравнение. Разносчики приносили ягоды, и дачницы охотно варили варенье. Сами же дачники в лес за ягодами или грибами ходили редко, хотя случались исключения. Многие местные торговцы в течение всего лета давали овощи в кредит. Время оплаты приходило в конце сезона. Мясники, зеленщики, дровяники и булочники начинали приносить счета. Главы семейств недоумевали, как можно было всего-то за три-четыре летних месяца употребить такое огромное количество еды, зелени и овощей.

Загородная жизнь курской публики состояла в основном из гуляний, купаний, концертов и любительских спектаклей. Непременными атрибутами дачных поселков конца XIX – начала XX вв. были летние театры, концертные эстрады, даже спортивные сооружения – футбольные поля, площадки для крокета и тенниса. Поэтому, несмотря на жалобы дачников на летнюю скуку, их жизнь сейчас представлялась вполне привлекательной.

Часто навещали в гости к соседям, совершая как пешие прогулки, так и поездки в экипаже, а порой и просто в крестьянской телеге, пышно покрытой соломой или сеном и ковриком, уложенным поверх. Друг к другу ходили зачастую вовсе без предупреждений, «запросто» – отказ от городских формальностей создавал атмосферу демократизма. Соседями могли оказаться горожане разного социального статуса, и общение было подчеркнуто дружественным. Однако иллюзия близости сохранялась лишь на время дачного сезона. Правила этикета предписывали «...не придавать большого значения дачным знакомствам...» и не пытаться «...скрепить связь, которая должна быть разорвана переездом в город» [12, с. 111].

Для мальчишек было занятным наблюдать за работой кузнеца или конюха, а девочек привлекали занятия дворни и крестьян по уходу за домашней птицей, кроликами, телятами. И. И. Пузанов пишет: «Как это ни странно, Щекинка единственный раз в моей жизни дала мне возможность ознакомиться с сельскохозяйственными работами и бытом среднерусского крестьянина. Я очень любил смотреть на работу большой молотилки, приводимой в движение конной тягой. Страшная пасть ее, из которой, под

напором усаженного шипами барабана, с хрипом вылетала струя обмолоченной пшеницы, внушала мне уважение, которого не могли внушить мужики и девки, мерными ударами цепов молотившие рядом на току, или синие веялки, приводимые в движение двумя бабами. Несколько раз мы осматривали и огромную трехэтажную мельницу-крупорушку Перепелкиных, оборудованную новейшими машинами с сильными электромагнитами для извлечения железных осколков. Огромные турбины, в которые вода поступала из деревянной «скрыни», напоминали мне механизмы «Наутилуса».

Больше всего сельскохозяйственные работы привлекали внимание осенью, когда приходили на работу партии хохлушек в коротких юбках, с голыми, по колено, ногами. Одной из специальностей этих хохлушек, было замешивание ногами глины и навоза, которыми вымазывались плетеные стены амбаров. Резко отличались от них свои, великорусские девки, часто работавшие в перепелкинском саду. Отличались не только костюмами, но и песнями – частушками вроде «Мировой судья – не папаша, не рассудит дело наше» или «На машине гудок медный, а мой милый худой-бледный». Помню, эти девки как-то пристали ко мне в саду, уча меня неприличным словам, пока я не пригрозил им застрелить их из моего игрушечного ружья, стрелявшего картечью» [10, с. 39–40].

Вообще, летние месяцы на даче положили начало знакомству многих городских детей с природой: гуляние по садам и ближайшим лескам, отдых у пруда или на реке – всё это сопровождалось сбором грибов и ягод, растений и цветов, изготовлением гербариев и первым этимологическим и зоологическим опытом: «Неугомонная Ида Матвеевна [гувернантка. – В. Р.] научила меня ловить бабочек и морить их эфиром, который назывался у нас с ней “эфиром эфировичем”. Гораздо более поучительными были новые для меня опыты по выведению бабочек из гусениц в стаканах, завязанных продырявленной бумагой. Особенно мне нравились полосатые гусеницы, из коих, после длительной стадии горбатой куколки, выходят желтые хвостатые красавцы – махаоны. Однажды Ида поймала и заспиртовала для меня в аптечном пузырьке ящерицу с регенерирующим хвостом» [10, с. 33].

Было и множество других детских развлечений: качели, «гигантские шаги», игры в лапту и городки и др. И. Пузанов пишет: «Однажды отец задумал устроить нам на даче качели, которые и были воздвигнуты за его счет деревенским плотником. Чтобы привести их в готовность, то есть, окрасить, ввинтить крючки и привязать к ним веревки, он привез из города своего дальнего родственника, Худокормова, пропившего свой капитал и занимавшегося малярным ремеслом» [10, с. 34].

Близость воды (Тускарь, Сейм) делало возможным не только купание, но и совершение лодочных прогулок. У кого-то это были частные лодки для личного пользования, как, например, у семьи Пузановых: «... Жизненный опыт мой обогатился частыми поездками на лодке, которые я

полюбил со всей страстью... Собственно говоря, лодка появилась у нас еще в 1894 году. Однажды стены нашего домика заколебались от громopodobных раскатов чьего-то феноменального баса, рядом с которым полный и басистый голос моего отца казался каким-то щебетанием. Оказалось, что голос принадлежал некоему Белохвостову – воспитателю курского реального училища, одновременно владельцу лучших в городе купален и целой флотилии прокатных и продажных лодок. Оказалось, что отец, купив у Белохвостова лодку, пригнал ее вдвоем с ним вверх по Тускорю до самой нашей дачи. Итак, у нас появилась лодка! Так как нижний плес реки, от Щекинки до Курска, живописностью не отличался, надо было перетащить лодку через плотину и поставить ее у перепелкинской пристани, около мельницы, что и было сделано» [10, с. 40].

В других случаях лодки были прокатные, наемные. Но картина, когда по реке лодка с мужчинами на веслах, женщинами и детьми на борту величаво проплывала у селений, была частым явлением. Инициативный Белохвостов в 1890 г. организовал прогулки на большой колесной лодки, ходившей по воскресеньям по реке Тускарь от пристани Белохвостова до Боевой дачи с платою за проезд в 5 копеек с персоны [2, 1890. 9 июня].

Порой в лодки забирались шумные компании подвыпившей молодежи, с гитарами или балалайкой, и тогда добра не жди – часто лодки переворачивались, а находившихся там гуляк, зачастую вместе с дамами, приходилось извлекать из воды случайными очевидцами «оверкилей». К сожалению, дело могло закончиться и трагедией: в то время не только Сейм, но и Тускарь были достаточно глубокими, с сильным течением, водоворотами и омутами. Курские газеты неоднократно сообщали о таких печальных эпизодах.

В конце XIX в. в курских дачных поселках появились зловерные, с точки зрения дачников, «дачные пугалы» – «моменталисты» и велосипедисты. «Моменталисты» – владельцы аппаратов моментальной фотографии, маскируясь под энтомологов, из засады запечатлевали курьезные, а чаще купальные сценки. Разумеется, фотографии были отсылаемы самим персонажам и их ближайшим родственникам. Зачастую, с целью шантажа и получения денежного выкупа. Хотя есть множество примеров формирования семейных фотоальбомов. Известна большая коллекция любительских фотографий семьи Льва Васильевича Киреевского, где наряду с домашним городским бытом запечатлен и летний отдых начала 1900-х гг.

Велосипедистов тоже не любили. Для того чтобы известить этих возмутителей спокойствия с их стремительным передвижением и звонками, дачники нередко перекапывали канавы дороги. Мальчишки травили их собаками, да и взрослые бросали вслед, чем попало. Особенное же возмущение степенных граждан вызывал чрезмерно, по понятиям того

времени, обтягивающий наряд велосипедистов. Но постепенно дачники к ним привыкали и даже сами массово садились на велосипед.

Вероятно, для той части городского населения, которая привыкла к благам цивилизации в виде театров, концертов, балов или традиционных прогулок с демонстрацией костюмов по Московской и Херсонской в Курске, жизнь при таком «ничегонеделании» могла показаться весьма сонной и убогой. Такая дачная атмосфера, полная звенящей пустоты, ярко отражена в стихотворении «Мухи» Саши Черного, написанном в 1910 г.:

На дачной скрипучей веранде
Весь вечер царит оживленье.
К глазастой художнице Ванде
Случайно сползлись в воскресенье
Провизор, курсистка, певица,
Писатель, дантист и девица.

«Хотите вина иль печенья?» –
Спросила писателя Ванда,
Подумав в жестоком смущенье:
«Налезла огромная банда!
Пожалуй, на столько баранов
Не хватит ножей и стаканов».

...

Наелись. Спустились с веранды
К измученной пыльной сирени.
В глазах умирающей Ванды
Любезность, тоска и презренье:
«Свести их к пруду иль в беседку?
Спустить ли с веревки Валетку?»... [13].

Но, впрочем, были примеры и иного свойства. Уже в конце 1880-х гг. на даче Н. Г. Самойлова в д. Сапоговой стали устраивать спектакли любители драматического искусства. 28 июня 1888 г. «Курские губернские ведомости» информировали своих читателей: «В Сапоговой, на дачах Самойлова, на вновь устроенной сцене на днях любители драматического искусства начнут давать спектакли: будут идти комедии и водевили; сцена довольно обширная и при ней две уборных. Говорят, одной из первых пьес пойдет «Урок дочкам»» [3, 1888. 28 июня. № 48. Часть неофиц.].

Спектакль состоялся 3 июля. Несмотря на неблагоприятную погоду, а лето было очень дождливым, постановка пьес «Урок дочкам» и «Которая из двух» привлекла внимание зрителей. Публика, к числу которой относились не только дачники, но и приехавшие из города обыватели, провела время весело и оживлённо, устраивая артистам и постановщикам бурные овации с многочисленными выходами на «бис». Особенно много

аплодисментов пришлось на долю режиссера (он же и устроитель театра) С. А. Байкова. А завершился этот театрализованный вечер декламацией широко известного курской публики чтеца Крылова. В общем, как писали газеты «Постановка пьес, аксесуары и бутафорская часть отличались совершенством» [З, 1888. 5 июля. № 50. Часть неофиц.]. По самым скромным подсчетам на спектакле присутствовало более ста человек.

Следующий «дачный» спектакль (уже второй по счету) состоялся 15 июля 1888 г. Благоприятная погода способствовала большому стечению зрителей, большая часть которых прибыла по этому случаю из города, а остальные – жители деревни и дачники. В этот раз были «даны» три пьесы: «На хлеб и на воду», «Доктор – пациент» и оперетта «Школьный учитель». Все спектакли, по мнению присутствующих, прошли удачно: «Ансамбль, срепетовка и постановка были безупречны. На долю исполнителей выпало немало аплодисментов» [З, 1888. 19 июля. № 54. Часть неофиц.]. По окончании спектакля состоялся фейерверк.

Третий спектакль, теперь давали «Провинциалку» И. С. Тургенева и пьесу «Не зная броду, не суйся в воду» прошел 24 июля. Зрителей собралось больше, чем на двух предыдущих. Особая благодарность была выражена и хозяину дачи Н. Г. Самойлову и режиссеру С. А. Бойкову. А по завершении спектакля были показаны живые картины, что также пришлось по душе благодарной публики [З, 1888. 29 июля. № 57. Часть неофиц.].

6 августа состоялся четвертый спектакль любителей драматических искусств. На этот раз были поставлены сцены Трофимова «На песках» и одноактный водевиль Соллогуба «Беда от нежного сердца». Похвала прессы была поскромнее: «пьесы сыграны весьма удовлетворительно», «декорации и обстановка были вполне приличны», но и аплодисменты, и подарок С.А. Байкову свидетельствовали о сохранении зрительской любви к этому летнему развлечению. В антракте оживление вызвал известный в Курске артист Ю. К. Стрешнев, пропевший несколько музыкальных пьес [З, 1888. 9 авг. № 60. Часть неофиц.]. И снова ликование, и снова фейерверк, разорвавшие сельскую тишину. Завершился дачный театральный сезон спектаклем, состоявшимся на даче Н. Г. Самойлова в Сапоговой 15 августа 1888 г. [З, 1888. 19 авг. № 63. Часть неофиц.].

Перед дачами в Ключеве, как мы уже писали, находилось довольно большое открытое пространство, занятое вокзалом – эстрадой для музыки, где дачники встречались для общей беседы и игры в карты – такой своеобразный дачный клуб. Кроме того, здесь устраивались спектакли для взрослых и детей, последние могли также воспользоваться различными аттракционами: гигантские шаги, качели, карусели, крокет и т. п.

23 июня 1891 г. зрителям был представлен домашний (было бы точнее сказать «дачный») любительский спектакль, состоявший из двух частей: водевиль «Лучше никогда, чем поздно» и оперетка в 2-х действиях «Женское любопытство». Этот день стал настоящим праздником не только

для обитателей дач: уже с утра из Курска потянулись пролётки и линейки со зрителями, а к вечеру к «театру» потянулся в большом количестве деревенский люд. Помимо освещения фонарями собственно дач, на площади перед вокзалом на высоких столбах укрепили и зажгли факелы. Только перед сценой были рассажены сотни зрителей из благородной публики, а вокруг толпилось еще множество простого народу, бурно и неподдельно выражавших свой восторг от исполнения пьес. Самодеятельные артисты своею бойкой и свободною игрою заставили присутствующих забыть, что перед ними простые любители, а благодарные зрители восторженно принимали театральное действо [3, 1891. 3 июля. № 53. Часть неофиц.].

С уходом теплых дней и более ранним приходом сумерек менялся и досуг дачников. В долгие осенние вечера для детей (да и взрослых) читали вслух как свои сочинения, зачастую навеянные дачным отдыхом, так и классические произведения. Как видим, несмотря на сетования отдельных дачников на летнюю скуку, дачная жизнь была насыщенной и разнообразной. Ее неуловимое очарование, определяемое временным бытием между прошлым и будущим, зимой и осенью, состоянием ничем не обязывающим и поэтому расслабленным и тягучим, подчеркнул в своем стихотворении А. Блок:

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер –
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Непостижимая заря [14].

Источники и литература

1. Чехов А.П. Вишневый сад. М., 2014.
2. Курский листок: газета общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли.
3. Курские губернские ведомости. Прибавление к Курским губернским ведомостям.
4. Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 5 кн. М., 1980. Т. I. Кн. I-III.
5. Курские губернские ведомости. Часть неофиц.
6. Курская быль: ежедневная газета.
7. Танков А., Златоверховников Н. Путеводитель по городу Курску // Курский сборник с путеводителем по городу и планом города. Приложения / Изд. Курского губ. статистического комитета. Вып. I. Курск, 1901.
8. Курский край. История округа в истории города. Ч. 1.: Научно-исторический журнал. № 11. Курск, 2002.
9. Золотарев Я. Пригородная слобода Казацкая (этнографический очерк) // Курский сборник. Вып. II. Курск, 1902.
10. Пузанов Иван. Мемуары. В 2-х т. Т. 1. Одесса, 2014.

11. Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М., 1995.
12. Жизнь в свете, дома и при дворе: издание редакции журнала «Вестник моды». СПб., 1890.
13. Саша Черный. Собрание сочинений в 5-ти томах. М, 1996. Цит. по: [Электронный ресурс] // URL: <https://klassika.ru/stihi/chernyj/na-dachnoj-skripuchej.html>. (дата обращения: 15.06.2020 г.).
14. Блок А. Поэзия Серебряного века // Литературный портал. Золотая поэзия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.goldpoetry.ru/blok/index.php?p=855>. (дата обращения: 15.06.2020 г.).

В. В. Раков

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК РУССКОМУ АКТЕРУ (ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА М. С. ЩЕПКИНУ В СУДЖЕ)

Весной 1894 г. в центральных и местных периодических изданиях появилась информация об открытии в городе Судже Курской губернии памятника знаменитому русскому артисту Михаилу Семеновичу Щепкину. Заметки об этом событии обошли большинство провинциальных и столичных газет. В них, наряду с краткой информацией о самом факте открытия памятника, содержалось описание бюста актера и пьедестала, на котором он был установлен, и даже ... торжества по поводу открытия памятника. Все публикации, посвященные предстоящему событию, отличались единодушной позитивной оценкой как творчества М. С. Щепкина, так и самого факта открытия памятника актеру.

Общее настроение ярко выразил А. А. Ярцев: «Событие это было не только редким, но и небывалым явлением в нашей общественной жизни и, конечно, должно было остановить на себе внимание общества. Насколько оно было неожиданно, настолько же и отрадно по своему внутреннему смыслу. Впервые на русской земле воздвигнут памятник русскому актеру, впервые заслуги деятеля сцены признавались, как заслуги общественного деятеля, и память его в потомстве навсегда увековечивалась монументом. Это ли был не праздник для современных деятелей и любителей русского театра, а вместе с ними и для всего русского общества, на котором отражается просветительно-воспитательное влияние серьезной сцены?!...» [1, с. 18].

Интрига, по мнению общественности, заключалась не только в том, что слишком уж неожиданно случилось это событие – без широкого и длительного обсуждения в печати, без пересудов в театральных и околотеатральных кругах, но и в самом событии, которое состоялось без них. Многие сценические деятели и театралы впоследствии искренне сожалели, что они ничего не знали заранее и не смогли принять, по этой причине, активного участия в строительстве памятника и торжествах по его открытию.

Но удивительным было совсем другое: ко времени обсуждения этого резонансного события памятник еще не был вовсе открыт. Оказалось, что официального открытия памятника Щепкину еще не было. Кто-то из газетчиков принял за это торжество обед, которое местная общественность устроило в честь инициатора установки памятника, который, к тому же, оказал городу полную материальную поддержку на изготовление памятника и его установку. Но корреспонденты других газет тут же подхватили эту «новость» и разнесли по всей матушке России. Примечательно, что к тому времени еще и надлежащего разрешения на установку памятника получено не было.

Если же обратиться к истории возникновения идеи установки памятника М. С. Щепкину в г. Судже, то она кратко была изложена в речи председателя распорядительного комитета С. И. Жекулина, произнесенной на торжествах по поводу открытия памятника: «В годы 1891 и в 1892 мне приходилось говорить со многими местными деятелями, что память о М. С. Щепкине следовало бы увековечить, в виду истечения столетия переселения его в уезд, так как это переселение сделало, как его родителей и родственников, так и его самого, жителями Суджанского уезда. До сих пор родственники фамилии Щепкиных существуют в Суджанском уезде, и у них хранятся даже письма покойного Михаила Семеновича к их отцам, от того времени, когда Щепкин уже стоял на вершине своей славы. Это показывает, что Михаил Семенович до глубокой старости сохранял свою связь с Суджанским уездом» [1, с. 18].

Гласные Суджанского уездного земского собрания, жители уезда и города однозначно высказывались за необходимость почтить память великого земляка, но расходились при определении формы, которая была бы желательна для реализации намерений. Большинство склонялось к идее учреждения какого-либо училища, носящего имя М. С. Щепкина, в котором могли бы учиться дети простых тружеников, из среды которых происходил и сам известный актер. Но загоровшаяся было среди широких кругов населения идея, была отложена на неопределенный срок: неурожай и последующий голод 1891–1892 гг., сопровождавшиеся болезнями и другими бедствиями поставили земство перед громадными расходами и заботами.

Совершенно неожиданно реализовать задуманное помог Н. Л. Марков. Николай Львович Марков, русский инженер путей сообщения, предприниматель и общественный деятель (был гласным Моршанского уездного и Тамбовского губернского земских собраний, а также почетным мировым судьей Моршанского и Щигровского уездов и Курской губернии), происходил из потомственных дворян Тамбовской губернии. В последствии он станет членом Государственной Думы III и IV созывов, где получит наименование «Марков – 1», в отличие от своего курского однофамильца – Маркова Николая Евгеньевича, которого назывался, соответственно, «Марков – 2». После 25 лет службы по

железнодорожному ведомству, в 1888 г. он вышел в отставку, перейдя на частную службу председателем правления Киево-Воронежской железной дороги, занимавшийся устройством железной дороги до города Суджи.

И вот, предполагая окончить свои дела на местной железной дороге, Н. Л. Марков решил отблагодарить Суджанский уезд каким-то образом. Предложение было для земского собрания неожиданным, но, как говорится, пришлось суджанам по душе: Н. Л. Марков заявил о своем желании сделать подношение Суджанскому уезду в виде памятника Михаилу Семеновичу Щепкину. Позже, А. А. Ярцев, собиравший материалы для написания биографии знаменитого артиста и являвшийся автором небольшой книги «М. С. Щепкин, его жизнь и сценическая деятельность в связи с историей современного ему театра» [1, с. 17–71], обратился к инициатору и жертвователю на сооружение памятника с вопросом, что же побудило его на эти действия. На что Н. Л. Марков ответил: «Дело о постановке памятника пришло мне в голову при посещении города Суджи, перед которым я только-что прочитал Вашу брошюру о Щепкине, купленную мною в 1893 году. Следовательно, правильнее считать Вас за причину осуществления, а меня лишь за орудие сего» [1, с. 24]

Алексей Алексеевич Ярцев (1858–1907) – в молодые годы актер, а впоследствии известный историк русского театра, критик, библиограф и краевед. Уроженец г. Зарайска Рязанской губернии, он в 1880-е гг. был актером украинской труппы М. Л. Кропивницкого, но вскоре оставил сцену. В 1888 г. в Москве вышла в свет первая брошюра А. А. Ярцева «М. С. Щепкин в русской литературе», положившая начало его деятельности историка русского театра и критика. В последующие годы, вплоть до 1900 г., он опубликовал ряд монографий о выдающихся деятелях русской сцены актерах, драматургах, композиторах, таких как Ф. Г. Волков, М. С. Щепкин, П. С. Каратыгин, князь А. А. Шаховской и другие.

Суджанское уездное земское собрание на своем заседании 11 октября 1893 г. заслушала заявление гласного Н. А. Абазы о сделанном пожертвовании Н. Л. Марковым бюста актера М. С. Щепкина. По итогам обсуждения уездное земское собрание постановило: «...На устройство постаменты, ограды вокруг него, расчистку места в земском саду, постановку фонарей и на торжество открытия памятника Щепкину ассигновать 500 руб., каковую сумму внести в смету на 1894 год» [2, л. 16].

24 октября 1893 г. Суджанская городская Дума в составе 14 гласных заслушала предложение городского головы Н. И. Шустова об ассигновании определенной суммы денег на устройство бюста артисту Императорских театров М. С. Щепкину. Гласный Ф. М. Тахтомиров заявил, что Щепкин происходил из крепостных крестьян помещика Волкенштейна с. Графовка Суджанского уезда. Здесь же, в Суджанском уездном училище он впервые вышел на сцену. Поскольку Суджанское

уездное земство уже ассигновало 500 рублей на бюст артиста, то он также призывает городскую Думу принять участие в покрытии части расходов по установке памятника.

Городская Дума приняла решение выделить триста руб. для этих целей, а также ходатайствовать перед вышестоящим начальством о переименовании Покровской улицы г. Суджи, на которой будет установлен бюст, в «Щепкинскую» [2, л. 8–9].

В своем обращении к Курскому губернатору от 7 апреля 1894 г. Суджанская уездная земская управа испросила разрешения губернатора на торжественное открытие памятника М. С. Щепкину 27 апреля 1894 г., одновременно приложив к прошению текст надписей на памятнике [2, л. 16–16 об.].

18 августа 1894 г., в Петергофе Министр внутренних дел, статс-секретарь И. Н. Дурново представил проект памятника актеру М. С. Щепкину тяжело болевшему в то время Императору Александру III (Император скончается 1 ноября 1894 г.). Предварительно, 16 августа 1894 г. этот проект был рассмотрен и одобрен Техническо-строительным комитетом МВД, о чем была сделана соответствующая запись за № 320 в журнале Комитета. Вероятно, проект памятника прошел экспертизу, т. к. в правом нижнем углу представленного суджанам плана значится: «Академик архитектур Р. Марфельд. 15 августа 1894 г.» [2, л. 16].

20 августа 1894 г. Курскому губернатору было направлено письмо за № 1216, за подписью Министра внутренних дел И. Н. Дурново, в котором сообщалось: «По Всеподданнейшему докладу, в 18 день сего августа Государь Император Высочайше соизволил разрешить: а) поставить в Земском саду гор. Суджи по составленному чертежу памятник умершему русскому актеру, артисту Императорского Московского театра М. С. Щепкину; и б) переименовать Покровскую улицу в названном городе в улицу «Щепкинскую». О таком Высочайшем повелении имею честь сообщить Вашему Сиятельству с препровождением утвержденного проекта памятника...» [2, л. 13–13 об.].

Бюрократическое колесо закрутилось, хотя медленно и со скрипом. Проект памятника был направлен из Суджи в губернскую земскую управу, оттуда в строительное отделение Курского губернского правления. Пройдет еще более восьми месяцев, прежде состоится долгожданное открытие памятника.

В свою очередь Суджанское уездное земство вновь обратилась к мысли об устройстве в городе учебного заведения, носящего имя М. С. Щепкина. В 1894 г. этот вопрос был переведен в практическую плоскость. Правительство требовало, чтобы земство, приняв на себя все расходы по ежегодному содержанию училища, единовременно ассигновало бы сумму в 8–10 тыс. руб. на устройство училища.

При выполнении этих условий правительство было готово оказать земству определенную денежную помощь. Если первое условие

Суджанское уездное земство готово было принять, то выполнение второго, из-за только, что пережитых тяжелых в экономическом и финансовом положении годов, было практически невозможно. Поэтому вопрос об открытии училища был перенесен на более благоприятное время, а скромное открытие памятника, благо, он был подарен земству, собрание решило скромно отпраздновать в 1894 г.

Инициативу суджан по чествованию знаменитого земляка решили поддержать артисты Императорского Малого театра, решившие направить сбор от специально организованного по этому поводу спектакля для создания фонда стипендий имени Щепкина при театральном училище. Кроме того, было решено организовать еще один спектакль в пользу суджанского земства для учреждения в Судже ремесленного училища имени Щепкина. Мысль о создании такого училища была сочувственно встречена как в Дирекции Императорских театров, так и среди артистов. Было решено все деньги, как с Московского, так и с Петербургского театров передать Суджанскому земству. А с разрешения Дирекции, артистами Московского Малого театра было решено дать спектакль в городе Судже с той же целью – увеличения фонда для создания ремесленного училища имени Щепкина.

7 января 1895 г. в Большом театре состоялся утренний спектакль в память об артисте М. С. Щепкине [6, с. 259]. Сбор от этого спектакля предназначался в пользу фонда на образование стипендии имени М. С. Щепкина в городском училище города Суджи [3, с. 253].

«Московские ведомости» разместили на своих страницах достаточно подробное описание этого мероприятия: «Спектакль этот можно считать приблизительно юбилейным: около ста лет тому назад в Судже, уездном городе Курской губернии, ученики местного училища разыграли, под руководством своего учителя, комедию Сумарокова “Вздорщина”. В ней роль слуги Розмарина играл восьмилетний ученик, сын крепостного человека, будущий знаменитый артист, гордость и слава русского театра Михаил Семенович Щепкин. Спектакль устроили в помещении классов <...> Прошло сто лет – и перед нами иная картина. Снова мы слышим имя Щепкина, снова слышим название города Суджи, но меняется и обстановка, и действующие лица картины. Вместо бедного помещения уездного училища – роскошный зал Императорского Московского Большого театра, вместо скромных зрителей провинциального захолустья и их детей – блестящая публика Москвы и учащаяся столичная молодежь» [4].

В этот день в Большом театре шла трагедия Шиллера «Орлеанская дева», в переводе А. А. Жуковского. В спектакле приняли участи: Багров (Карл VII, король французский), Яблочкина 1-я (королева Изабелла), Яблочкина 2-я (Агнесса Сорель), Горев (Филипп Добрый, герцог Бургундский), Южин (граф Дюнуа), Лавров (Ла-Гир), Корсак (Дю-Шатель) и др. Сбор от этого спектакля составил 3 909 рублей 60 копеек.

Когда публика заполнила все места в зале, под звуки музыки был поднят театральный занавес и глазам зрителей на экране представилось изображение памятника М. С. Щепкину, каким оно виделось в Судже. После этого открылась вся сцена, на которой, обитые сукном и коврами ступени вели к убранному тропическими растениями возвышению, над которым был помещен портрет М. С. Щепкина, работы И. Е. Репина. У подножия ступеней разместились артисты Императорских театров, спевшие под аккомпанемент оркестра «Славу» Михаилу Семеновичу Щепкину. В этот момент из-за кулис началось шествие депутаций с венками. Первыми лавровый венок от труппы Малого театра несли артистки А. П. Щепкина, Г. Н. Федотова, Н. М. Медведева и Н. А. Никулина в сопровождении других артистов театра. Затем венок, от оперной труппы, несли А. И. Барцал и У. И. Авранек. За ними с венком от Общества драматических писателей и оперных композиторов следовали И. В. Шпагинский и П. М. Невежин. Заканчивалась торжественная процессия венком от редакции журнала «Артист» [4].

Аналогичная акция в поддержку городского училища в Судже прошла и в столице. 11 апреля 1895 г. в Санкт-Петербурге, в Александринском театре был дан спектакль, принесший доход в 1 016 рублей 97 копеек. Артистами Императорских Санкт-Петербургских театров была представлена комедия А. Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше» и комедия-балет князя А. А. Шаховского «Батюшкина дочка или нашла коса на камень». В комедии А. Н. Островского приняли участие Савина (Поликсена), Жулева (Барабошева), Стрельская (Зыбкина), Ленская (Фелицата), Давыдов (Барабошев), Сазонов (Платон), Варламов (Грознов), Тройницкий (Мухояров), Шкарин (Меркулыч). В балете задействованы были Мусин-Пушкина (графиня Брезинская), Потоцкая (Любушка), Дюжикова 2-я (Лиза), Читау (Маша, горничная), Аполлонский (Рагдаев), Петров (Сицкий), Ремизов (Глюкман), Усачев (Ремин), Костров (Жемсон), Рокотов (Дешом) и др. [1, с. 28–29]

Суджанское земское собрание, в свою очередь, желая отблагодарить всех лиц, проявивших интерес и участие в деле увековечения памяти великого земляка, пришло единогласно к решению, что «<...> открытие памятника Щепкину должно быть обставлено как можно торжественнее, должно быть произведено за счет уездного земства <...>». Для устройства этих торжеств уездное земство запланировало ассигновать 2 600 рублей [1, с. 22].

Кроме того, Суджанское земское собрание избрало специальный Комитет по устройству торжества открытия памятника М. С. Щепкину, в состав которого вошли: председатель С. И. Жекулин, члены-распорядители князь П. Д. Долгоруков, Н. В. Лукин, Е. К. Монтрезор, В. П. Пожидаев, К. Ф. Тахтамиров, И. Л. Обухов и И. А. Воскобойников. Комитет разослал многим лицам приглашения с просьбой прибыть в г. Суджу 9 мая текущего года. Поскольку гости ехали со всех концов

страны, в приглашении любезно сообщалось, что добраться до Суджи лучше всего по киево-воронежской ж.д., с пересадкой на станции Коренево на узкоколейку и следованием по ней непосредственно до железнодорожной станции Суджа. Кроме того, комитет информировал прибываемых лиц, что «<...> берет на себя заботу об устройстве для приглашаемых помещения» [5, 27 апр.].

29 апреля 1895 г. в «Курских губернских ведомостях», на первой странице, в художественной рамке было размещено пространное объявление следующего содержания: «Комитет, избранный Суджанским уездным собранием по устройству торжества открытия памятника М. С. Щепкину в г. Судже сим доводит до общего сведения, что 9 мая состоится открытие памятника, литературное утро и обед всем приглашенным гостям по подписке господ гласных земского собрания. 10 мая артистами Императорского Московского малого театра будет дан спектакль в пользу фонда для устройства ремесленного училища имени М. С. Щепкина в г. Судже.

Лица, желающие заблаговременно запастись билетами на спектакль, могут теперь же обратиться в Суджанскую уездную земскую управу и к Суджанскому уездному исправнику с просьбой оставить им билеты. Цена билетов за исключением сбора в пользу учреждений Императрицы Марии: 1-й ряд – 7 рублей 90 копеек; 2 ряд – 5 рублей 90 копеек; 3 ряд – 4 рубля 90 копеек; 4 и 5 ряды – 3 рубля 90 копеек; 6, 7 и 8 ряды – 3 рубля 40 копеек; 9, 10, 11, 12 и 13 ряды – 2 рубля 90 копеек; 14, 15 и 16 ряды – 2 рубля 40 копеек; 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25 ряды – 1 рубль 90 копеек. В день спектакля билеты могут быть получены в земской управе, а вечером – при входе в сад.

Комитет считает долгом довести до всеобщего сведения, что в г. Судже, на время 9 и 10 мая, в доме Галашева, по Курской улице будет открыт ресторан, в котором публика найдет для себя все желаемое по умеренным ценам. Для остановки приезжающих имеются комнаты в домах: наследников Богомазовых, Редькина, Дорошковой, Жидкова, Якимова, Меняйленкова, Холявкина, Левченко и Плетнева. Проезд до г. Суджи по узкоколейной железной дороге от станции Кореновой, Киево-Воронежской железной дор. Поезда будут приспособлены к поездкам по линии Киево-Воронежской ж. д. <...>» [5, 29 апр.].

8 мая, в 12 часов дня, скорым поездом из Москвы выехали в Суджу почитатели великого актера и артисты Императорского Малого театра: М. Н. Ермолова, Н. А. Никулина, М. К. Блаرامберг-Чернова, Н. И. Музиль, Н. М. Медведева, О. О. Садовская, А. П. Щепкина, В. А. Макшеев, А. И. Южин, А. М. Кондратьев, И. И. Геннерт, Н. М. Падарин, М. Н. Верещагина, Д. В. Гарин и Е. В. Порошина, а также режиссеры Малого театра С. А. Черневский и А. И. Кондратьев. Вместе с маститыми артистами прибыли и только, что выпущенные из драматических курсов Московского театрального училища Садовский 2-й, Гедике и Семагин. В

числе приехавших были родственники М. С. Щепкина: М. П. Щепкин, Н. Н. Щепкин, Т. Л. Щепкина-Куперник, а также бывшая артистка Императорских театров А. И. Шуберт. С этим же поездом прибыл и инициатор сооружения памятника председатель правления Киево-Воронежской железной дороги Н. Л. Марков [1, с. 32–33].

Декорации, костюмы и бутафорские вещи были отправлены тремя днями ранее. Известный московский садовод Ноев приготовил букеты из живых цветов и громадный лавровый венок для возложения к памятнику [5, 11 мая].

О последних подготовительных работах в Судже пишет в своем очерке А. А. Ярцев: «Большой каменный дом земской управы, на бывшей Покровской, теперь Щепкинской улице – один из лучших в городе. С задней и боковой стороны его раскинулся небольшой садик, отделенный от улицы железною решеткой. В этом садике, носящем название Земского, при входе с улицы, и поставлен памятник Щепкину, лицевою стороною к улице, с которой он виден весь. Когда мы дотащились, наконец, до земской управы, в Земском саду шли спешные и оживленные приготовления к завтрашнему празднику. Около памятника убирали газон, развешивали декоративные украшения, в саду все приводили в порядок. Но самая кипучая деятельность замечалась в глубине сада, где заканчивалось устройство театра-скороспелки. Большая площадка, пустая десять дней тому назад, теперь была занята красивым театральным шатром. Внешняя отделка этого импровизированного театра приходила уже к концу, а внутри работа шла с лихорадочною поспешностью. Распорядители по устройству торжеств и руководители работ усердно хлопотали. Председатель и члены комитета наблюдали за всем ходом работ, делали распоряжения, суетились, беспокоились. Архитектор Н. Г. Науменко, сумевший в несколько дней создать этот изящный, удобный и поместительный театр, продолжал энергично вести дело до конца. В наблюдении за устройством сцены и за подготовкой сценической обстановки принимал активное участие один из заранее приехавших членов Курского общества любителей драматического и музыкального искусств Н. Г. Самойлов, неутомимый хлопотун, оказавший значительные услуги при устройстве спектакля. Главный режиссер труппы Императорского Московского Малого театра – С. А. Черневский также был уже здесь и давал указания по подготовке к спектаклю, заботясь, чтобы не было упущено из вида чего-либо важного и необходимого» [1, с. 32–33].

Ясным и теплым утром 9 мая, экстренный поезд привез в Суджу гостей, приглашенных на торжества. Среди них были курский губернатор – граф А. Д. Милютин, губернский предводитель дворянства – камергер А. Д. Дурново, вице-губернатор Ф. П. Шиповский и артисты труппы Императорского Малого театра. Гости на железнодорожном вокзале встречал суджанский предводитель дворянства С. И. Жекулин. К услугам

всех приглашенных гостей были безвозмездно, на два дня представлены экипажи и извозчики, которые и развезли всех прибывших на празднества по заранее определенным квартирам, кстати, представленным для них так же бесплатно [5, 14 мая].

После того, как гости немного отдохнули и привели себя в порядок, они направились в небольшой домик вблизи центральной площади, где располагалось Суджанское уездное училище, в котором когда-то обучался Щепкин, впервые выступивший здесь на сцене. Здесь, панихидою по знаменитому земляку, совершенной городским духовенством при пении хора местных певчих, согласно программе торжеств и начался праздник. Курское духовенство не разрешило отслужить молебствие у самого монумента и освящение его окроплением святою водою.

По окончании панихиды духовенство и все приглашенные направились к земской управе, в зале которой было совершено еще одно торжественное молебствие о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома.

Затем все присутствующие, включая начальника губернии, перешли в Земский сад, где возвышался памятник, укрытый белым покрывалом. Сюда публика пропускалась по особым билетам, дававшим также право на посещение литературного утра в театре и на праздничное гуляние в саду. Увы, те, кто не имел такого билета, а они составляли большинство, вынуждены были смотреть на происходящее с улицы, из-за решетки садовой ограды.

Со Щепкинской улицы в Земский сад вели ворота с узорчатой верхушкой и надписью «Добро пожаловать». У самого входа, направо – утрамбованная площадка, окруженная мачтами с развивающимися на них хоругвями. Между мачтами и от мачт к деревьям были нанизаны гирлянды разноцветных флажков, кроме того, флажками были украшены деревья, фонари, ворота у памятника. В центре этой декорированной площадки, на небольшом газоне, окруженный по периметру чугунными цепями на каменных тумбах, возвышался обелиск с бюстом великого актера. Гранитные ступени служили подножием пьедестала, на котором была поставлена четырёхгранная колонна, увенчанная бюстом М. С. Щепкина. Постамент из прекрасного лабрадора был сделан в Киеве, в мастерской Островского, а бюст актера выполнен в мастерской преемника Козлова в Москве. Общая стоимость памятника исчислялась в сумме около двух тысяч рублей.

В нижней части памятника, на уступах между пьедесталом и колонами, с четырех сторон были вырезаны следующие надписи. На лицевой стороне, обращенной к улице, значилось: «Михаилу Семеновичу Щепкину, великому русскому актеру, 1788–1863». На противоположной, задней стороне: «В 1801 году в городе Судже ученик уездного училища Щепкин в первый раз выступил маленьким актером в комедии Сумарокова

«Вздорщица», в роли слуги Розмарина»¹. На правой стороне имелась надпись следующего содержания: «Жить для меня значит – играть на сцене, играть – значит жить»². И, наконец, на левой стороне было написано: «Подымать память о лучших людях все то же, что поселять в гражданах любовь к родине». [1, с. 38–39].

Честь открытия памятника великому артисту была представлена курскому губернатору графу А. Д. Малютину: он дернул за шнурок, и, под звуки музыки, овации и крики «Ура!» и «Браво!», с монумента пала покрывавшая его ткань... С маленькой эстрады, установленной у подножия памятника, артист Императорского Малого театра А. И. Южин прочел стихотворение, написанное по этому случаю другим артистом Малого театра М. И. Лавровым:

На службу светлого искусства
Ты ум и душу отдавал,
И гений твой святыя чувства
Полвека в людях пробуждал.

Ты в храме чистых наслаждений
Полвека лучшим был жрецом,
И к делу честных отношений
Ты был высоким образцом.

Рожденный в хижине, в неволе,
В приюте страшной нищеты,
Еще ребенком, к чуждой воле,
К труду, к познанию рвался ты.

Не мало лет среди лишений
Ты жаждал света и страдал.
Прошли года – твой мощный гений
Тебя вознес на пьедестал.

Артист-художник вдохновенный!
Ты тьму стремился победить
И с верой в дело неизменной
Учил прекрасное любить.

Нередко в храм твой, храм прекрасный,

¹ В своих воспоминаниях М. С. Щепкин в 1846 г. писал, что школьный спектакль в Судже проходил «лет пятьдесят назад», т.е. приблизительно в 1796 г.

² Вероятно, это было перефразированное выражение С. Т. Аксакова, сказанное им на 50-летнем юбилее театрального служения М. С. Щепкина: «Жить для Щепкина значило – играть в театре; играть значило – жить».

Убитый горем приходил
И от тебя с душою ясной
Он обновлённый отходил.

Он уходил, забыв мученье,
С надеждой, силою в груди,
С душой, готовой дать прощенье,
С душой, открытой для любви.

Всю жизнь свою, ты, до могилы,
Из мрака к свету звал людей
И отдавал свои все силы
На благо Родины своей.

За труд твой должным воздавая,
Гордясь тобой, себя любя,
Венчает Родина святая
Венком бессмертия тебя [1, с. 35–36].

Депутации от артистов Императорского Малого театра, от драматической группы Императорских Санкт-Петербургских театров, от Русского театрального общества, от Суджанского земства, от г. Суджи, от Курского общества любителей драматического и музыкального искусства, лот журнала «Театр» возложили венки к пьедесталу памятника. На этом первая часть празднования была завершена.

Программа первого дня щепкинских празднеств непосредственно за торжествами по открытию памятника предполагала проведение «Литературного утра», которое состоялось в помещении временного театра, специально выстроенного к юбилею.

Об этом незаурядном сооружении следует сказать особо: «Если открытие памятника Щепкину составляло для Суджи событие необыкновенное, бывающее веками, то и театр для маленького городка представлял явление удивительное. Да и в большом городе, где всегда найдется и материал для всякой стройки, и опытные мастера и рабочие, подобный театр обращал бы на себя внимание. Построенный всего в какие-нибудь полторы недели, театр, однако, не производил впечатления недоконченности. Легкий и изящный, он, вместе с тем, казался солидным и прочным, и, сидя в его зрительном зале, нельзя было и подумать, что это театр-скороспелка.

Театр занимал большую, удлиненной формы, четырехугольную площадь, на которой размещалась обширная сцена и зрительный зал, вмещавший больше восьмисот человек публики. Весь остов театра был сделан из дерева; стену же и крышу составлял брезент, сплошь натянутый и наглухо прикрепленный к деревянным частям. Внешняя лицевая часть

фасада, где находился вход в театр, убрана была с большим вкусом и представляла красиво декорированный портал, опирающийся на четыре колонны.

Драпировки, ниспадавшие между этими колоннами, образовывали три входа в зал – два меньших боковых и один средний, занимавший более половины театра. Верхняя часть портала, над средним входом, была украшена громадным полукруглым щитом из собранной в складки материи, в зубчатой рамке; на нем выделялся транспарант с инициалами М. Щ., обрамленный гирляндой свежей зелени, которая украшала также и всю верхнюю часть портала. Передний фасад увенчивался тремя лирами с развевавшимися над ними хоругвями. На ступеньках среднего входа, у балюстрады, помещены были статуи, поддерживавшие канделябры с лампами.

За драпировкой открывался прямо зрительный зал и сцена. Обширный, гладко вымощенный кирпичом, с наклоном к сцене, зал не представлял собой пустынного и мрачного вида, хотя был совершенно лишен всяких затейливых украшений. Все убранство в нем состояло из зелени, флагов, щитов, которые были очень удачно сгруппированы и давали красивую и веселую картину. Через весь зал, рядами, декорируя стропила, свешивались зеленые гирлянды, ниспадая и по боковым сторонам театра и перемешиваясь с национальными флагами. По обеим сторонам, от входа до сцены, были развешены щиты с вензелевыми изображениями имен артистов Императорского Малого театра, которые должны были принять участие в спектакле» [1, с. 39–40]. Для зрителей в зале были поставлены кресла, стулья и скамьи. В глубине сцены возвышался обвитый зеленью бюст М. С. Щепкина и его портрет.

На литературном утренике выступили артисты А. И. Южин с отрывком из «Записок» М. С. Щепкина, М. Н. Ермолова, прочитавшая стихотворение друга актера Т. Г. Шевченко «Тополь», Н. И. Музиль, прочитавшее стихотворение Шиллера «Артисту», Т. Л. Щепкина-Куперник, с воспоминаниями о своем родственнике, председатель комитета, предводитель суджанского дворянства С. И. Жикулин, ознакомивший зрителей с краткой историей создания памятника.

10 мая 1895 г. произошло событие, пожалуй, единственное в своем роде в истории русского театра. На афишах, расклеенных по Судже, значилось, что в городе состоится «... спектакль в пользу фонда имени М. С. Щепкина, в городе Судже, во вновь устроенном театре в Земском саду, даваемый артистами Императорского Малого театра, с участием любителей Курского драматического кружка» [1, с. 48].

Особенность постановки заключалось в том, что это был, собственно, не цельный спектакль, а действо, состоящее из множества отрывков из разных пьес: 1-е и 2-е действие комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», 3-е действие трагедии Шиллера, в переводе А. С. Шишкова «Мария Стюарт», 3-е действие комедии А. Н. Островского «Таланты и

поклонники», 3-е действие комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», сцены в одном действии «Отрывок» (Н. В. Гоголя) и «Шашки» (Н. Криницкого). Такой репертуар стал следствием желания организаторов привлечь на сцену как можно больше актеров Московского Малого театра.

Реальное распределение ролей, судя по афише, несколько отличалось, в программу и состав труппы были внесены некоторые изменения, вызванные неприбытием в Суджу, в силу разных обстоятельств, некоторых артистов. В сценах из пьесы «Горе от ума» распределение ролей было следующим: Фамусов – В. А. Макшеев (по первой афише – А. П. Ленский), Софья – М. Н. Верещагина (по первой афише Васильева 2-я), Лиза – А. П. Щепкина, Молчалин – И. И. Гедике, Чацкий – А. И. Южин, Скалозуб – Гарин. В сценах из «Марии Стюарт» играли: Елизавета – М. К. Бларамберг-Чернова, Мария Стюарт – М. Н. Ермолова, граф Лейстер – И. В. Пузанов (член Курского Общества любителей драматического и музыкального искусства), граф Шрюсбери – Падарин (по первой афише – Грин), рыцарь Паулет – А. М. Кондратьев, Анна Кеннеди – Е. В. Порошина. В «Отрывке» (второе название «Собачкин») были задействованы: Мария Андреевна – Н. М. Медведева, ее сын – И. И. Геннерт, Собачкин – М. П. Садовский. В «Ревизоре»: Городничий – В. А. Макшеев, Анна Андреевна – Н. А. Никулина, Марья Антоновна – А. П. Щепкина (ранее была заявлена Е. Н. Самойлова), Земляника – И. И. Геннерт, Тяпкин-Ляпкин – С. Р. Пономарев, Добчинский – Гинценберг, Бобчинский – Ганновский (трое последних – члены Курского Общества любителей драматического и музыкального искусства), Хлестаков – П. М. Садовский (по афише – М. П. Садовский), Осип – Падарин (по афише – Кондратьев), Держиморда – И. В. Пузанов, Свистунов – Коротков (оба последних – члены Курского Общества любителей драматического и музыкального искусства). В комедии «Таланты и поклонники» роли были распределены следующим образом: Негина – М. Н. Ермолова, Домна Пантелеевна – Е. М. Садовская, Великатов – А. И. Южин, Бакин – Гарин, Мелузов – М. П. Садовский, Нароков – Н. И. Музиль, Громилов – Падарин (по первой афише – Кондратьев), Вася – Гедике, Матрена, кухарка – Капеллер (член Курского Общества любителей драматического и музыкального искусства). И, наконец, в заключение спектакля шли «Шашки», в которых приняли участие актеры: Прохор Демьянович – Н. И. Музиль, Мила – А. П. Щепкина, Жорж – И. И. Гедике (по первой афише – П. М. Садовский), Гвоздев – В. А. Макшеев, Прокофьевна – Капеллер. [1, с. 48–49].

Увлеченные счастливыми моментами художественного исполнения, растроганные торжественностью небывалого для этих мест события, благодарные за внимание и участие в их празднике таких актеров – зрители наградили исполнителей самым восторженным приемом и самыми искренними овациями. Особенно много аплодисментов выпало на долю

исполнителей главных ролей – артистов Малого театра. К этим шумным приветствиям присоединялся тушь военного оркестра 123 Козловского полка под управлением К. Н. Дзунника, когда на сцену для поклона выходили Н. М. Медведева, М. Н. Ермолова, Н. А. Никулина, О. О. Садовская и А. П. Щепкина, которым были, кроме того, преподнесены изящные букеты цветов. А на саму сцену полетели сотни маленьких букетов ландышей, живописным ковром застелившие всю авансцену. Из артистов-мужчин наиболее горячо приветствовали Н. И. Музиля, В. А. Макшеева, М. П. Садовского и А. И. Южина.

Спектакль окончился во втором часу ночи, но вызовы актеров «на бис» продолжались еще долго. Общий сбор за билеты составил около двух тысяч рублей, и он должен был пойти на устройство в Судже ремесленного училища.

Отдельного слова заслуживают декорации для спектакля. Передний занавес и пять перемен декораций (по количеству сцен) были привезены из Курска Обществом любителей драматического искусства. «Лесные» декорации. Для «Марии Стюарт» были доставлены из деревенского домашнего театра Н. Г. Самойлова. А костюмы для спектакля прибыли из Малого театра.

Более ста лет тому назад, в заключение своего повествования о событиях в Судже, А. А. Ярцев вопрошал: «Но скоро ли наступит то время, когда в маленькую Суджу будут приезжать другие, неприглашенные гости – любознательные путешественники, просвещенные любители искусства – приезжать затем, чтобы посмотреть на местную достопримечательность: первый памятник русскому актеру?..» [1, с. 51]. Как актуально звучат сейчас для нас слова исследователя жизненного и творческого пути великого русского актера Михаила Семеновича Щепкина! Приезжают, чтобы посмотреть...

Источники и литература

1. Ярцев А.А. Первый памятник русскому актеру // Ежегодник Императорских театров: Сезон 1894–1895 гг. Приложения. Кн. 1. СПб., 1895.
2. Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 3. Д. 681.
3. Ежегодник Императорских театров: Сезон 1894–1895 гг. СПб., 1896. 448 с.
4. Московские ведомости. 1895. № 8.
5. Курские губернские ведомости. 1895. Часть неофиц.
6. Артист: Журнал изящных искусств и литературы. М., 1895. Январь. № 45.

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
(1921–1923 гг.)**

В ходе гражданской войны 1918–1920 гг. на железных дорогах РСФСР было разрушено 21 250 верст железнодорожных путей. Некоторые участки с малой интенсивностью движения поездов были разобраны для ремонта рельсового полотна на главных путях. Разрушенными или серьезно поврежденными оказались 3 672 моста общей длиной 89 467 метров, 2 904 стрелочных переводов, 380 стойл в депо, 466 водокачек, 86,5 тысяч верст телефонных проводов, 4 331 телеграфный и 10 896 телефонных аппаратов [21, с.100].

По предварительным подсчетам специалистов, общая стоимость восстановительных работ определялась в довоенных рублях в сумме 2,5 млрд рублей, или 33 % от первоначальной стоимости сооружения железных дорог [17, с. 339]. Помимо невиданного разрушения железнодорожного хозяйства, транспорт в начале 1921 г. столкнулся с жестоким топливным кризисом, голодом, нехваткой квалифицированной рабочей силы, так необходимой для выполнения неотложных восстановительных работ.

На территории Курской губернии, занимавшей основное положение в Черноземном районе РСФСР, протяженность линий железных дорог и их веток составляла к началу 1921 г. 1 363 километра. Наибольшую длину имели участки Киево-Воронежской дороги (с 3 декабря 1921 г. восстановлено наименование – Московско-Киево-Воронежская дорога) – 602 км, Южной – 387 км, Северо-Донецкой – 135 км, Юго-Восточной – 103 км, Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной – 76 км [15; с. 31–32]. С 21 октября 1921 г. согласно постановлению Совета труда и обороны (СТО) Московско-Курская железная дорога была отнесена к первой категории [17, с. 345]. По данным А. Г. Рашина в этот период на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской дороге трудились 60 610 человек, на Московско-Киево-Воронежской – 36 998 человек [16, с. 5]. Эти дороги обеспечивали более 85 % объема всех перевозок в Черноземном районе РСФСР.

IX съезд РКП(б) (март 1920 г.) наметил меры, которые вытекали из «ужасающего распада транспорта и имеют своей задачей не терпящими отлагательства мерами предотвратить полный его паралич и связанную с этим гибель Советской республики» [1, с. 160–161].

27 марта 1921 г. В. И. Ленин, выступая на первом Всероссийском съезде работников железнодорожного и водного транспорта, указывал: «Едва ли есть другая часть пролетариата, которая так ясно входит своей повседневной экономической деятельностью в связь с промышленностью

и земледелием, чем железнодорожники и водники... От работы этой части пролетариата непосредственно больше зависит судьба революции, чем от остальных частей его...» [2, с. 143].

Весной 1921 г. советская республика, приступила к восстановлению железных дорог, доведенных до крайнего разорения империалистической и гражданской войнами. Локомотивный парк дорог тогда состоял из маломощных паровозов. В грузовом движении в основном использовались паровозы серий О и Щ мощностью до 550 и 650 лошадиных сил. Наиболее мощными были паровозы серии Э (1200 лошадиных сил). Но их удельный вес не превышал 4 % в общем парке локомотивов.

На 1 января 1923 г. на железных дорогах СССР работали 19 584 паровоза, из них на Московско-Киево-Воронежской – 655, Московско-Курской, Нижегородской и Муромской – 912. На Московско-Курской дороге преобладали паровозы серий О, Э, С; а на Московско-Киево-Воронежской – ЧН, Щ, Р, Т [7, л. 2].

В этот период парк грузовых вагонов на 98 % состоял из деревянных двухосных вагонов грузоподъемностью 10–16,5 т. Они имели винтовую стяжку, а часть из них была оборудована ручными тормозами. Автоматические тормоза имелись лишь у 1/10 части пассажирских вагонов. Пассажирские вагоны были двух- или трехосными (длиной 12–14 м), жесткими, с деревянным кузовом [3, с. 110].

Январь и февраль 1921 г. ознаменовались для курских железнодорожников значительными трудностями в обеспечении перевозок. Сотни людей ежедневно привлекались для борьбы со снежными заносами. Хронически ощущались перебои с топливом для паровозов.

Так, управляющий Киево-Воронежской дорогой М. М. Рябков, отчитываясь в Ревтрибунале дороги, указывал, что «топливный кризис зависит, главным образом, от недополучения топлива из Донбасса, недостаточно интенсивного подвоза дров в необходимом количестве» [4, л. 15]. Паровозные бригады значительно увеличили расход топлива. На 30 % возрос пережег по сравнению с зимними месяцами 1920 г. Одной из причин этого стало отопление паровозов сырыми дровами свежей рубки, плохо горевшими в топках большинства паровозов.

«Холодные паровозы», изуродованные вагоны сотнями стояли на «кладбищах», тянувшиеся вдоль путей на многие километры. Так, на Московско-Курской дороге более 8 000, а на Киево-Воронежской – 2 560 вагонов были неисправными [3, с. 111].

В ремонтных цехах паровозных депо не хватало запасных частей. Для ремонта машин, работавших в поездах, детали приходилось снимать со стоявших на «кладбищах» (особенно дымогарные и жаровые трубы, соединительные рукава). Производительность труда ремонтников была втрое ниже, чем осенью 1917 г. Это вело к физическому изнашиванию всего локомотивного парка. В докладе службы тяги Московско-Киево-

Воронежской дороги, направленном в НКПС, отмечалось, что на Курском участке из 85 паровозов 41 (48,2 %) относились к категории «больных» и требовали немедленного ремонта. На Львовском участке процент «больных» паровозов был значительно выше и достиг 63 % [5, л. 103]. Так, в докладе службы тяги Управления Киево-Воронежской дороги в НКПС, на дороге насчитывалось 380 здоровых и 246 «больных» (44,6 %) паровозов. Выпуск паровозов из ремонта составил 48 в месяц [7, л. 2].

В статье приводим данные о пробеге локомотивов и обеспеченности их топливом на Киево-Воронежской железной дороге в 1920–1921 гг. [4, л. 19]

Месяц	Месячный пробег паровозов в километрах		Процент получения угля дорогой
	поездных	маневровых	
1920 год:			
Июль	229 317	134 542	33
Сентябрь	316 418	178 990	23,4
Октябрь	400 814	227 164	29,7
Декабрь	276 097	202 654	28
1921 год:			
Январь	250 987	137 658	5,5
Февраль	247 038	125 969	4,5

В начале 1921 г. запасы дров на железных дорогах быстро уменьшались. Их оставалось всего на 12 дней, угля – на 3 дня и нефти – на 19 дней. Среди дорог Московского направления от топливного кризиса наиболее пострадала Московско-Курская дорога. Только летом 1922 г. удалось снизить расход топлива. Так, в июле 1922 г. на 100 паровозо-верст на Московско-Киево-Воронежской дороге он составлял 1,63 куб. сажени, а в августе уже 1,30 куб. сажени [20, с. 120].

Верхнее строение пути в рассматриваемый период было представлено рельсами легких типов, непропитанными шпалами с песчаным балластом. На Московско-Киево-Воронежской дороге более 10 % шпал требовали срочной замены [7, л. 4], а обеспеченность дороги шпалами составляла всего 38,1 %. Значительный объем разрушений в ходе гражданской войны имели многие мосты. Так, на Московско-Киево-Воронежской дороге их было разрушено 147 (или 47 %) [6, л. 2].

Уровень эксплуатационной работы был крайне низким. Не было, по существу, общесетевых графиков движения поездов. Средняя участковая скорость грузовых поездов составляла 13,6 км/час, а средний вес поезда всего 573 т. Необходимо было восстанавливать подвижной состав, разрабатывать систему управления дорогами и предприятиями в условиях мирного времени, покончить со взяточничеством и хищениями грузов. Ведь только в 1921 г. на железнодорожные объекты Киево-Воронежской железной дороги было совершено более 40 бандитских нападений. Были

повреждены 109 пассажирских и товарных вагонов, 12 паровозов [8, л. 129]. За июль – декабрь 1923 г. количество разбойных нападений и грабежей составило 16. Так, 5 ноября 1923 г. на ст. Глушково группа бандитов обстреляла поезд № 3, а на 3-й версте от этой станции конные бандиты пытались остановить состав. Вооруженное нападение было отбито бойцами воинской охраны [9, л. 37].

Многим казалось, что у рабочих, пришедших к управлению железными дорогами страны, не хватает умения и сил. Но в управлениях дорог, на станциях, в депо и дистанциях пути трудились люди с горячими сердцами и большевистским упорством. Необходимо сегодня вспомнить дежурного, (с 1925 г.) начальника станции Курск Антона Васильевича Гайдука, начальников паровозного депо Курск-Северное Андрея Андреевича Латышева, Федора Ивановича Григорьева, Иосифа Григорьевича Фридмана; Василия Кузьмича Бурневского, Василия Андриановича Снимщикова – комиссаров паровозного депо, профсоюзных организаторов – председателя Курского учпрофсожа Андрея Михайловича Михайлова, членов месткома службы движения Василия Георгиевича Насонова, Георгия Николаевича Канина. Активную помощь им оказывали большевики-железнодорожники М. Г. Каширцев, П. М. Бутов, Е. И. Брянцева, В. С. Васин [3, с. 112].

Учитывая решающее значение транспорта в хозяйственном возрождении страны по предложению В. И. Ленина ЦК РКП(б) направляет на транспорт Ф. Э. Дзержинского. 14 апреля 1921 г. постановлением Президиума ВЦИК он был назначен Наркомом путей сообщения, оставаясь председателем ВЧК и Наркомом внутренних дел РСФСР.

ЦК РКП(б) в мае 1921 г. командировал Ф. Э. Дзержинского для руководства подготовкой железнодорожного транспорта к предстоящим продовольственным и топливным перевозкам. Первый маршрут поезда наркома пролегал через Люблино – Курск – Харьков – Александров – Екатеринослав – Николаев. Он знакомился с состоянием железнодорожного хозяйства, проводил оперативные совещания, на месте принимая необходимые меры. В Российском государственном архиве экономики сохранился протокол оперативного совещания руководителей дорог Южного округа по вопросам обеспечения топливом и рабочей силой. 25 мая 1921 г. в Курске его проводил Ф. Э. Дзержинский. В докладе Управляющего Московско-Киево-Воронежской дороги М. М. Рябкова отмечалось, что «дорога обеспечена топливом на 15–17 суток. Железком КВ ж. д. обещает в ближайшие заготовить еще 11 000 кубометров дров» [6, л. 1]. Специалисты Киево-Воронежской дороги доложили наркому о том, что тормозом для открытия сквозного движения поездов остаются значительные разрушения пути в районе Брянска, Сухиничей, повреждения крупных мостов под Конотопом и Ворожбой. В ближайшее время намечалось открыть обходное движение поездов на Москву через Львов.

Незадолго до поездки на Юг Ф. Э. Дзержинский, подписал важное обращение: «Хищникам и ворам народного достояния нет пощады». «В то время, когда усилия трудового народа направлены к борьбе с разрухой и надвинувшимся стихийным бедствием – голодом, в то время, когда дорог каждый вовремя добытый и доставленный нуждающимся голодным кусок хлеба и каждый пуд зерна..., – находятся паразиты и негодяи, которые расхищают народное добро из вагонов, пакгаузов и складов..., указывалось в нем. – Суровые кары, вплоть до расстрела, будут применяться не только к участникам хищений на транспорте, но и к пособникам и скупщикам краденого. Советская власть призывает всех честных граждан на борьбу с паразитическими элементами, ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики...» [10, с. 316–317].

Ф. Э. Дзержинский еще на совещании в Курске поставил вопрос о борьбе с хищениями, сохранением социалистической собственности, проблемам бережливого отношения к путевому хозяйству, запасам рельсов, шпал и путейских приспособлений. Он особо подчеркнул, что снабжение железнодорожников топливом – «вопрос колоссальной важности, от решения которого зависит предохранение многих людей от воровства... Бороться с хищениями можно только тогда, когда железнодорожники будут обеспечены топливом» [6, л. 6].

9 июля 1921 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского декретом СНК РСФСР на транспорте ввели платность перевозок. 16 января 1922 г. СНК РСФСР принял новый декрет «О применении на транспорте начал хозрасчета». Ф. Э. Дзержинский также предложил развернуть оперативную борьбу с происшествиями. Он установил строгое расследование каждого случая, привлекал к ответственности виновных, принимал необходимые меры к предупреждению аварий и крушений. Но достигалось все это ценой огромного напряжения человеческих сил. Так, 2 августа 1923 г. член правления Московско-Киево-Воронежской железной дороги М. М. Рябков подал следующее заявление: «Прошу правление дороги разрешить мне 2-х месячный отпуск по болезни с сохранением содержания и выдачею двухмесячного пособия. Присовокуплю, что прослужив на транспорте 23 года и на М.К.В.ж.д. почти 20 лет, за время службы на дороге имел отпуск лишь в 1906 г. на 10 дней, что дает мне право надеяться на удовлетворение моей просьбы» [11, л. 322].

12 июня 1922 г. Совнарком РСФСР утвердил Устав железных дорог. Были внедрены к руководству новые правила технической эксплуатации. Поднималась трудовая активность железнодорожников.

8 июля 1922 г. Ф. Э. Дзержинский и заместитель председателя СНК В. И. Межлаук подписали приказ о введении с 1 августа в действие нового Устава железных дорог РСФСР. В нем, в частности, отмечалось: «В основу нового Устава положены принципы железнодорожного права, выраженные в основных чертах в действовавшем в продолжении многих лет на русских

железных дорогах. Общем Уставе российских железных дорог изд. 1885 г. В виду этого значительно облегчается для русских железнодорожников понимание и применение нового устава» [17, с. 358]. Новый Устав железных дорог отделил перевозочные операции от складских. Это значительно упростило составление договоров на перевозку грузов. Устав 1922 г. регламентировал организацию городских станций, коммерческих агентств и транспортных контор. В дополнение и развитие Устава было издано несколько положений и правил [17, с. 358; 18, с. 265].

Возложенная на дороги Уставом ответственность за целостность и сохранность груза и багажа заставила руководство НКПС принимать серьезные меры по борьбе с чрезвычайным ростом хищений грузов. 16 декабря 1921 г. Ф. Э. Дзержинский подписал приказ о реорганизации охраны путей сообщения. Улучшилось снабжение личного состава военизированной охраны железных дорог обмундированием и продовольствием. 3 апреля 1922 г. Ф. Э. Дзержинский издал приказ, запрещавший посторонним лицам хождение по железнодорожным путям [18, с. 274].

К 1922 г. усилиями различных судебно-следственных и розыскных органов удалось резко сократить размеры хищений на транспорте. На скамье подсудимых оказались 16 835 человек, из них 13 769 (81,8 %) были осуждены к различным срокам тюремного заключения [18, с. 275–276]. О масштабах преступности, которая развилась к тому времени на железнодорожном транспорте, можно судить по таким фактам: в течение 1922 г. на Московско-Киево-Воронежской железной дороге было похищено 126 060 пудов грузов (0,09 % к общему объему перевезенных грузов), на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской – 120 691 пуд (0,03 % от перевезенного объема) [17, с. 359].

На железнодорожном транспорте невиданные масштабы тогда приобрело взяточничество. Ведь из числа осужденных за хищения и взяточничество 15 % были сотрудниками охраны и ГПУ [18, с. 275]. Еще в 1921 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия в обращении к железнодорожникам указывала: «Советская власть призывает всех граждан, в ком живо гнетущее сознание немыслимого позора и разлагающего влияния взяток, прийти на помощь для обнаружения и извлечения негодяев-взяточников... Пролетарские руки не должны и не могут быть замаранными взятками» [10, с. 233, 234].

15 июля 1922 г. Ф. Э. Дзержинский подписал приказ о повсеместном усилении борьбы со взяточничеством. Он признал, что «взяточничество на путях сообщения достигло за последнее время неслыханных размеров». На транспорте для борьбы с этим злом формировались «тройки» из представителей администрации железных дорог, профсоюза и сотрудников ГПУ [18, с. 275]. Ведомственная печать, в том числе и «Вестник Московско-Киево-Воронежской железной дороги» постоянно информировала о предпринимаемых администрацией дороги мерах, о

причинах такого позорного явления и путях преодоления коррупции на всех железных дорогах.

Наряду с кадровыми пролетариями, в восстановлении транспорта активно участвовала молодежь. Газета «Комсомолец» (орган Курского губкома РКСМ) отмечала: «20 февраля 1922 г. комсомольцы ячейки депо Московско-Курской дороги отремонтировали паровоз имени К. Либкнехта, украсили его портретом и вместе с 5 вагонами подготовили как подарок германскому комсомолу... Вечером в театре состоялось торжественное заседание, на котором были занесены на красную доску и объявлены героями труда 18 рабочих подростков, силами которых был произведен ремонт паровоза и вагонов. Среди отличившихся были слесари Г. Белогуров, Н. Булатников, С. Гладилин, братья В. и М. Карачевцевы, П. Пасько, В. Прокопов, И. Солянин, В. Старосельцев, А. Яковлев и другие» [19].

По инициативе Ф. Э. Дзержинского повсеместно открывались фабрично-заводские школы для профессиональной подготовки железнодорожной молодежи. Так, весной 1922 г. инженеры А. Н. и И. Н. Неведровы создали в Курске ШКУЧ («школу ученичества») с четырехгодичным сроком подготовки специалистов массовых железнодорожных профессий. В школе занималось 95 учащихся (из них 87 – сыновья и дочери железнодорожников) [14, с. 33].

В первые дни существования школы испытывалась острая нужда в инструментах и материалах. В апреле 1924 г. через Курск проезжал Народный комиссар путей сообщения Я. Э. Рудзутак. Тогда группа учащихся во главе с секретарем комсомольской ячейки школы А. А. Терешко (сын дежурного по путям станции Курск А. И. Терешко), обратилась к нему с просьбой – передать неиспользуемые помещения оборотного депо Южной дороги для нужд школы ученичества. В салон-вагоне наркома вопрос был решен положительно [12, л. 30; 13, с. 164].

Первые выпускники Курской школы производственного обучения стали позднее руководителями бригад, смен, цехов и отличными командирами транспорта. Среди них – заместитель начальника паровозного депо Курск по ремонту, дважды почетный железнодорожник С. А. Зикеев, бригадир Н. Е. Старосельцев, передовые машинисты Ф. И. Бережнев, Н. Н. Зиновьев, В. В. Табачков (в 1933 г. В. В. Табачков закончил обучение в Курском вечернем паровозном техникуме). XIII Всероссийская партийная конференция так оценила положение: «Транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования» [1, с. 519].

Несмотря на значительные материальные и финансовые трудности, социально-психологический негативизм, присущий значительной массе железнодорожных рабочих и служащих, на железных дорогах Черноземного района РСФСР к началу 1920-х годов были произведены

значительные объемы восстановительных работ. Это заложило основу для последующей коренной реконструкции железнодорожного транспорта в годы предвоенных пятилеток (1926–1941 гг.)

Источники и литература

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. М., 1984.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43.
3. Манжосов А.Н., Федоров Н.П. Этапы большого пути. Из истории революционных, боевых и трудовых традиций коллектива Курского отделения Московской железной дороги. Ч. I. (1868–1941), Курск, 1991.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 675.
5. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1093.
6. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 31. Д. 1987.
7. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 679.
8. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 810.
9. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 3. Д. 25.
10. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
11. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 25. Д. 4561.
12. ГАКО. Ф. Р-404. Оп. 2. Д. 148.
13. В боях и в труде: Из истории Курской обл. комсомольской организации: (Воспоминания, статьи, очерки, документы). Курск, 1959.
14. Булатников В.Г. Первенец. Курск, 1923.
15. Введенский Е.К. Статистико-экономический обзор Курской губернии. Курск, 1926.
16. Рашин А.Г. Численность и состав работников железнодорожного транспорта к концу 1920 года // Материалы по статистике труда работников транспорта. Вып. 1. М., 1921.
17. Сенин А.С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004.
18. Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009.
19. Косомolec. 1922. 24 февр.
20. Железнодорожный транспорт в восстановительный период. М., 1979.
21. Напорко А.Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. М., 1954.

В. Е. Дурноглазов

ИЗ ИСТОРИИ РЫЛЬСКОГО СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

Одним из старейших средних педагогических учебных заведений Курской области является Рыльский социально-педагогический колледж. В ноябре 1927 г. по решению губернского отдела народного образования из учащихся школы 2-й степени имени Г. И. Шелихова был набран курс для обучения в педагогическом техникуме. Тогда в нем числилось 40 студентов. Занятия вели школьные учителя. В 1931 г. было построено

постоянное здание техникума, где это учебное заведение находится и поныне. В нем было 2 отделения: школьное и культурно-просветительское, которое готовило заведующих библиотеками. В 1932 г. было открыто заочное отделение для учителей, не имеющих специального педагогического образования [1, с. 70].

В техникуме в те годы студентами была организована коммуна, которая обеспечивала их культурный досуг и организовывала работу столовой. Продукты в ней готовились из своего подсобного хозяйства. При педагогическом техникуме были слесарная и столярная мастерские. На каникулах студенты проводили в школах ликбез, вели работу с детьми [2, л. 10]. Великой Отечественной войны часть преподавателей и студентов, ушедших на фронт погибли, а непризванным в армию пришлось перенести все ужасы гитлеровской оккупации. В конце августа 1943 г. Рыльск был освобожден от гитлеровцев и уже 5 сентября в педтехникуме начались занятия. Мебельный инвентарь для него собрали в немецких окопах и землянках. В этом же году Рыльский техникум был реорганизован в педагогическое училище. Студенты наряду с учебой принимали активное участие в общественной жизни города и района: помогали семьям фронтовиков, проводили с населением беседы о положении на фронте, распространяли облигации займа. 23 марта 1944 г. районная газета «Знамя колхозника» опубликовала благодарность И. В. Сталина преподавателям и студентам педучилища за собранные ими в фонд обороны 58 300 рублей [3, с. 7].

В 1948 г. в училище открыли физкультурное отделение. Благодаря усилиям его директора С. А. Лихачева в педучилище прибыли преподавать выпускники Ленинградского института физкультуры имени Лесграфта. Это был большой прорыв в учебной и культурной жизни не только училища, но и всего города. При Сергее Александровиче окрепла материальная база учебного заведения, оборудовались классы, был произведен ремонт здания. В 1958 г. открылось школьное отделение [4, л. 4]. В 1959 г. директором училища стал Д. И. Возгрин. При нем пристраивается крыло к основному зданию с восточной стороны, стоит спортивный зал, новое здание, в котором и сейчас располагаются аудитории для музыкальных занятий и столовая. Начато строительство нового спортивного зала, в 1968 г. вновь открывается физкультурное отделение. В 1963 г. при училище открываются годовичные педагогические курсы, готовившие учителей русского языка и литературы, математики, химии и биологии на базе 10 классов. Студенты после их окончания сдавали выпускные экзамены, которые одновременно являлись вступительными в Курский педагогический институт. В это же время вновь открывается заочное отделение для учителей, не имеющих педагогического образования [5, л. 48].

В 1971/72 уч. г. в педучилище училось 615 студентов. Рыльское педагогическое училище имело два отделения: школьное (готовило

учителей начальных классов и старших пионервожатых) и физкультурное (по подготовке преподавателей физкультуры для школ). На государственном обеспечении находились сироты и бывшие воспитанники школ-интернатов и детских домов. Учебно-материальная база училища находилась на удовлетворительном уровне. В педучилище имелись: учебный корпус – двухэтажное каменное здание, занятия в котором проводились в одну смену, базовая школа. С 1962 г. училище работало по кабинетной системе. Учебные кабинеты имелись по всем предметам. Правда не все из них были оснащены по современным требованиям. В училище были технические средства обучения: 11 киноаппаратов, 26 фильмоскопов, 8 магнитофонов, 30 контрольно-обучающих машин, наборы пластинок с записями выступлений В. И. Ленина, литературных монологов, опер и оперетт, драматических произведений, 119 кинокольцовок и 35 кинофрагментов. Демонстрация кинофильмов находила применение в работе многих преподавателей, особенно на занятиях по истории, литературе, географии, физики, химии и т. д. В Рыльском педагогическом училище широко проводились киноуроки. При нем имелась библиотека с небольшим читальным залом, насчитывающая 16 000 экземпляров различной литературы. Серьезным препятствием в обучении студентов являлось то, что из них только 40 человек имели место в общежитии, а остальные снимали вечерние углы и частные квартиры. В училище был небольшой актовый зал, который также использовался как спортзал, что также было серьезным недостатком. Всего при училище имелось 17 классов для проведения занятий [6, л. 84].

В 1973 г. директором училища стал И. А. Болотов. При нем большое внимание стало уделяться связям педучилища с другими средними специальными учебными заведениями. На базе Рыльского педучилища стали регулярно проводиться семинары их директоров, на которых частыми гостями были представители Министерства просвещения РСФСР. Студенты принимали активное участие в конкурсах научных работ, занимая призовые места. В целях повышения своей профессиональной квалификации преподаватели училища и базовой школы регулярно посещали занятия теоретического семинара по марксистско-ленинской философии. Также его дирекция, партбюро и комитет КПСС создавали необходимые условия для самостоятельной работы преподавателей над повышением своей квалификации. Эта деятельность велась через работу предметных комиссий и методических объединений. В педагогическом училище работали школы передового опыта по математике, русскому языку и литературе, рисования и трудового обучения, музыки и пения. Они применяли следующие формы работы: прикрепление молодых преподавателей к более опытным, взаимное посещение занятий и внеклассных мероприятий с последующим их обсуждением, открытые уроки по трудным темам, совместная разработка тематических планов и новых тем, собеседования, личное ознакомление с качеством знаний

студентов, задания слушателям. В конце учебного года на заседаниях предметных комиссий подводились итоги работы школ передового опыта [7, л. 54].

В Рыльское педагогическое училище поступали в основном выпускники восьмилетних школ, имевшие отличные и хорошие оценки. Однако, как показывали на протяжении ряда лет результаты вступительных экзаменов, поступающие в него выпускники школ имели слабую подготовку по музыке, пению, физкультуре и рисованию. Помимо Курской области, это учебное заведение готовило педагогические кадры для Тувы, Татарстана, Оренбургской, Кемеровской и Новосибирской областей [8, с. 148]. Учебные планы и программы, лабораторные и практические работы по всем предметам и всеми преподавателями своевременно выполнялись. Привлечение студентов 2 и 3 курсов школьного отделения и 2 курса физкультурного отделения к сельскохозяйственным работам негативно сказывалось на качестве преподавания и знаний учащихся. В целях многопланового, глубокого контроля за учебно-воспитательным процессом дирекция опиралась на партийную, профсоюзную организации училища и руководителей предметных комиссий. С целью контроля за качеством знаний студентов один раз в семестр проводились для всех курсов контрольные работы по тексту администрации. Педагогическое училище издавало памятки, планы, рекомендации в помощь руководителям предметных комиссий. Для классных руководителей разрабатывалось множество рекомендаций, конкретных планов проведения политинформаций, конференций и ленинских зачетов, давалась тематика примерных бесед и докладов [9, л. 22]. Лучшими преподавателями Рыльского педагогического училища были: Ю. И. Яхимович, Т. И. Чаплук, И. П. Соколова, А. С. Половкова. Все они были награждены правительственными наградами. Со студентами проводились следующие виды педагогической практики: пробные уроки и внеклассные мероприятия, практика в школе у опытных учителей, практика в пионерских лагерях в качестве пионервожатых, встречи с лучшими пионервожатыми города и села. Ее целями было научить будущих учителей самостоятельно отбирать материал и методы обучения, уметь пользоваться методической литературой, использовать передовой опыт учителей базовой школы, воспитание у практикантов активности и творческой инициативы. В этом учебном заведении преподавались предметы: русский язык и литература, обществоведение, педагогика на школьном отделении, а на физкультурном отделении – теория и методика физического воспитания, обществоведение [10, л. 44].

Велась большая и содержательная внеклассная работа, которая способствовала всестороннему развитию студентов. Работали кружки политинформаторов, молодых лекторов, исторический, юный журналист, математический, физический, изобразительного искусства, кинокружок, мотокружок, кройки и шитья, вязания, юннатский, хоровой, а также

секции: хореографическая, легкоатлетическая, волейбольная, баскетбольная, лыжная, гимнастическая, стрелковая, парашютная. В их работе принимали участие все студенты. Старшекурсники проводили открытые политинформации для учащихся младших курсов, читали лекции и доклады для учеников в подшефных школах. Многие учащиеся занимались одновременно в двух кружках или секциях. В училище проводились встречи студентов с партийными и советскими работниками [11, л. 8]. Исходя из анализа архивных документов, студенты этого учебного заведения показывали хорошую успеваемость. Например, по результатам выпускных экзаменов 1971/72 уч. г. из 189 выпускников педучилища 132 человека успешно закончили его, а 11 из них получили дипломы с отличием. В 1987/88 уч. г. из 500 студентов переводные экзамены на «отлично» сдали 37 человек, «хорошо» – 34 человека, «удовлетворительно» – 34 человека, исключен из-за неуспеваемости один студент. Подавляющее большинство студентов училища показывало на выпускных и переводных экзаменах глубокие и прочные знания. Преподаватели училища оказывали систематическую помощь учителям начальных школ Рыльского и соседних районов. Его методисты проводили семинары-практикумы и консультации для учителей и директоров школ. Они выезжали в районы Курской области для оказания помощи выпускникам этого учебного заведения на местах. Студенты шефствовали над 12 начальными школами Рыльского района и городским детским домом: выступали в них с концертами художественной самодеятельности, проводили октябрятские и пионерские сборы, беседы, спортивные соревнования, готовили для школ наглядные пособия и т. д. [12, л. 245].

В 1982 г. училище возглавил А. П. Усенко. Он обладал богатейшим профессиональным и жизненным опытом. При нем продолжала расширяться и укрепляться материальная база Рыльского педагогического училища. Совершенствовалась учебная работа под руководством заместителя по учебной работе В. С. Крапивновой, человеком большой работоспособности. Особое внимание уделялось профессиональной практике, которой руководила В. С. Михина, а затем заслуженный учитель РФ А. П. Новицкая. Со студентами проводились диспуты, конференции, производственные совещания, открытые партийные собрания, лекции по праву, митинги и общеучилищные линейки, тематические вечера и научно-практические конференции, встречи с лучшими людьми труда, ветеранами Великой Отечественной войны, беседы и лекции по военно-патриотическому воспитанию. Однако в работе Рыльского педучилища имели место отдельные недостатки. Это было: отсутствие систематического повторения материала по некоторым предметам и должной требовательности к студентам, нерациональное использование времени на занятиях отдельными преподавателями, несвоевременное выполнение практических частей учебных программ, пассивность части

членов педсовета училища, их желание отмолчаться и неумение внести конкретные предложения [13, л. 30].

Важный вклад в дальнейшее развитие учебного заведения внес А. В. Кучин, возглавляющий его с 1992 г. Благодаря его усилиям, в училище в 1994 г. вводятся новые специальности: русский язык и литература, учитель музыки в начальной школе, а в 2004 г. была введена новая специальность «Государственное и муниципальное управление». Расширилась дополнительная подготовка по основным специальностям с учетом востребованности на рынке труда, велось систематическое пополнение библиотеки методической и научной литературой, создана локальная компьютерная сеть, укреплена спортивная база [14, с. 198].

На основании приказа Комитета образования Курской области от 27 мая 2004 г. педучилище было преобразовано в государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Рыльский социально-педагогический колледж». С этого года он ведет подготовку по трем специальностям: преподавание в начальных классах с дополнительной подготовкой в области русского языка и литературы, математики, иностранного языка, педагога дополнительного образования, музыкального воспитания; физкультура с дополнительной подготовкой организатор детского туризма; государственное и муниципальное управление. В 2016 г. в колледже училось 500 студентов. Педколледж имеет хорошую материальную базу: 20 учебных кабинетов, компьютерный класс с выходом в Интернет, библиотека с двумя читальными залами, гимнастический зал, зал для спортивных игр, музыкальный корпус, медпункт, столовая на 80 посадочных мест. Работают кружки и спортивные секции. Будущие учителя имеют возможность заниматься в клубе «Автограф», духовом оркестре, молодежном клубе «За здоровый образ жизни», музыкальной лектории «Камертон» [15].

Таким образом, Рыльский социально-педагогический колледж сыграл огромную роль в развитии народного образования области. За годы работы из его стен вышли более 12 000 выпускников. Среди них: Герои Советского Союза Д. П. Боечко и П. М. Плотников, заслуженный учитель, член Союза журналистов СССР Г. Р. Лемешев, мастер спорта международного класса по легкой атлетике О. Дятлов, чемпион России, Европы, мира, мастер спорта международного класса по силовому троеборью В. А. Ночвин [16, с. 96].

Источники и литература

1. Кабанов П.И. Культурные преобразования в Курской области (1917–1967 гг.). Воронеж, 1968.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-40. Оп. 13. Д. 12.
3. Коровин В.В., Манжосов А.И., Золотухин А.Ю. Путеводная звезда памяти (Деятельность общественных организаций Курской области по патриотическому воспитанию молодежи в 50–90-е гг. XX столетия). Часть 2. Курск, 2009.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 801.

5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 608.
6. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1709.
7. ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 3. Д. 2505.
8. История Курского края. Том 17. Курск, 2010.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 123.
10. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1309.
11. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 135.
12. ГАКО. Ф. Р-3325. Оп. 2. Д. 744.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 401.
14. Амоскин А.С., Пронина Т.Д., Яковлева М.К. Прогрессивные педагогические традиции: история и современность. Курск, 2012.
15. [Электронный ресурс] // URL: <http://rspk.org/> (дата обращения: 20.10.2020 г.).
16. Амоскин А.С., Белянский Ю.В., Некрасов В.А. Очерки по истории народного образования Курского края. Курск, 2004.

И. О. Рожковская

**К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ
КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА
В 1930-е гг.**

В начале своего царствования Александр I задумал основать в стране несколько университетов, в том числе в Курске. Но Курская городская управа и дума поспешила сказать, что в своем городе она Университета иметь не желает, так как студенты все безбожники, а университет – это рассадник неверия и вольнодумства. Куряне же до сих пор в своем городе сохраняют благочестие и хотят остаться при нем. Так университет был основан в Харькове...[1, с. 52]

Но на рубеже XIX–XX вв. куряне все также мечтали об открытии в городе университета. Но и вторая попытка окончилась провалом. Имеются сведения, что горожане собрали на постройку деньги и написали прошение царю. Но надежды оказались тщетными. Высочайшая резолюция гласила: «Университет нельзя, тюрьму можно!».

Известно, что еще в сентябре 1934 г. местные органы власти обратились в Совнарком РСФСР и Народный комиссариат здравоохранения с просьбой утвердить в Курской области открытие мединститута, мотивируя это огромным недостатком врачей, а также необходимостью организации высококвалифицированной помощи населению области [2, с. 4].

По воспоминаниям инженера Александра Кепова, в январскую ночь 1935 г. председатель городского Совета П. Д. Кашприн экстренно собрал президиум Совета, на котором присутствовали первый секретарь обкома ВКП(б) Иванов и председатель облисполкома Царев. Через некоторое

время к зданию горсовета подъехало несколько автомашин. Оказалось, что приехал Сталин.

Поздоровавшись со всеми присутствовавшими и извинившись, что в такое неурочное время всех побеспокоил, он сказал, что воспользовавшись сейчас своим проездом через Курск и, помня свою старую задумку, решил поделиться ею с курянами [3, с. 12]. Вождь недоумевал, как так случилось, что при таком бурном росте в стране, в Курске до сих пор нет высшего медицинского учебного заведения, в котором есть острая потребность.

Конечно, все сказанное Сталиным было принято очень горячо, тем более, что вся общественность Курска давно мечтала о вузе. В дальнейшем обсуждении, когда разговор пошел о выборе здания, Сталин сказал, что было бы хорошо для этой цели использовать здание тюрьмы, стоящей при въезде в город: «И не на месте она стоит, и одной тюрьмы для города, я думаю достаточно».

В конце XIX в. в областном центре было две тюрьмы. Одна, на Глинище (ныне улица Пирогова), и в настоящее время является местом лишения свободы временного содержания. Вторая находилась у Московских ворот.

Именно Иосиф Виссарионович распорядился закрыть тюрьму, и началась активная подготовка к устройству мединститута. Учитывая, что срок от февраля до сентября для такого объема работ не велик, а условия работ сложны, председатель Совета народных комиссаров Молотов усомнился в том, что названный срок может быть осуществлен, но куряне были полны энтузиазма.

Прежде всего, было решено использовать весь комплекс зданий тюрьмы за Московским воротами – основное четырехэтажное здание объемом 18 тыс. кв. м, двухэтажное здание тюремной больницы объемом 4 тыс. кв. м, мастерские, надворные постройки – одно 2-х этажное здание, три одноэтажных и сарай, бывшую Ахтырскую церковь. Вследствие того, что Курская область относительно безлесная, Совнарком дает распоряжение о выделении лесной деланки для строительства института в Брянской или Орловской области. Все работы по строительству и реконструкции зданий производит отдел капитального строительства Накркомздрава через директора института.

Совет народных комиссаров РСФСР 9 февраля 1935 г. принял постановление об открытии медицинского института в г. Курске. На основе этого постановления народный комиссар здравоохранения РСФСР Г. Каминский издал приказ, который гласил: «Приступить к организации медицинского института в г. Курске с приемом на первый курс в 1935 году 250 человек и установить началом занятий 1 сентября 1935 года» [4].

Предстояло выполнить огромный объем работ, начиная от внутренней перепланировки помещений до перебивки всех оконных и дверных проемов, которых насчитывалось более тысячи. Проблемой было и освобождение строительной площадки от веками накопившегося мусора,

к тому же в больших количествах пополненного за счет строительного мусора от реконструирующегося здания. Надо учитывать, что в распоряжении строительства не имелось никакой «техники», а только гужевой транспорт и вольнонаемные рабочие. Тем не менее, строители быстро ввели в строй центральную часть – уже в 1937 г. было построено левое крыло, а в 1938-м – правое.

Красивое здание с парными колоннами коринфского стиля, поддерживающими высокий парапет, и большими закругленными фасадными углами простиралось от Десято-Пятницкой площади (теперь ее стали называть Вузовской) по двум сходящимся клином улицам – Ямской Горе (Перекальского) и Карла Маркса [5].

По первому приказу нового мединститута от 21 мая 1935 г. вступил в должность директор (именно директор, а не ректор) врач Виктор Иванович Дешевой, ранее работавший в НИИ г. Москвы [6, л. 1]

Перед руководством вновь организуемого института стояли большие и сложные задачи. Необходимо было, прежде всего, создать материальную базу для учебного процесса и ведения научных исследований, оснастить аппаратурой, обеспечить кафедры учебными пособиями, изыскать возможности для размещения сотрудников и студентов, а также провести прием на первый курс.

Завершение строительства института предусматривалось в 1940 г., но уже к началу первого учебного года было подготовлено все необходимое. Основные теоретические кафедры – анатомии, биологии, общей химии и физики – разместились в зданиях, расположенных рядом с главным корпусом. В них же были оборудованы лекционная аудитория на 300 мест, а также анатомический музей. Первыми заведующими кафедрами становятся кандидаты медицинских наук Л. А. Шангина, А. Д. Бернштейн, М. Ф. Михайлов, В. И. Попов. В качестве ассистентов были приглашены преподаватели медицинского училища и опытные врачи-практики [2, с. 5].

В 1935 г. Курский государственный медицинский институт принял первых студентов. Приоритетное право при поступлении в институт, естественно, было отдано рабоче-крестьянской молодежи, а занятия начались все-таки месяцем позже. Первый набор студентов в количестве 277 человек был произведен в 1935 г., занятия начались 1 октября этого же года.

Материальное обеспечение учебного процесса было постоянной заботой дирекции вуза. Значительную помощь в комплектовании библиотечного фонда, изготовлении наглядных пособий оказали областной библиотечный коллектор, медицинское училище и другие учреждения. Многие приборы и пособия были изготовлены силами преподавателей и лаборантов.

Годовщину своего существования институт отмечал 12 апреля 1936 г. На торжественном заседании с докладом выступил директор

института В. И. Дешевой. Затем огласили приказ наркома здравоохранения Г. М. Каминского, в котором было подчеркнуто, что один из самых молодых в стране Курский государственный медицинский институт уже имеет удовлетворительную материальную базу, наладил учебный процесс, укомплектовал профессорско-преподавательским составом кафедры первого курса и приступил к развертыванию научно-исследовательской работы.

В дальнейшем институт постоянно пополнялся кадрами высокой квалификации. Были избраны по конкурсу и возглавили кафедры опытные педагоги и ученые: А. В. Рудченко, М. И. Равич-Щербо, К. С. Богоявленский, А. М. Брусин, А. С. Брумберг и многие другие.

Одновременно продолжалось создание и совершенствование учебно-научной базы. В легендарные 1937–1939 гг. институт энергично занимался своим благоустройством. В это время здание бывшей тюрьмы превращается в большой учебный корпус, а по сторонам вырастают крылья корпусов в виде красивых полукругов. Облагораживается и внутренняя часть места заточения, появляются новые аудитории и лаборатории [7, с. 3].

За год до войны область получила 186 молодых врачей-профессионалов – 30 июня 1940 г. день первого выпуска.

Война помешала закончить полный курс обучения студентам третьего набора – 1937 года. В сентябре 1941 г. они были выпущены в качестве зауряд-врачей, и 230 выпускников 32 преподавателя ушли в действующую Красную Армию.

Источники и литература

1. Бугров Ю.А. И. В. Сталин – инициатор учреждения Курского медицинского института // Труды 1-й международной краеведческой конференции «Краеведение в Курском крае: прошлое и современность. Курск, 2006.
2. Курский государственный медицинский университет 75 лет. Курск, 2010.
3. Кепов А.Г. Курский медицинский институт. Предыстория // Курские мемуары. 2020. № 1.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4847. Историческая справка.
5. Степанов В. Арестантов сменили студенты // Городские известия. 1992. 5 янв.
6. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 1.
7. Сказание о великих вузах Курских // Молодая Гвардия. 1992. 27 окт.

А. Н. Манжосов, А. В. Крохина, К. В. Кузнецов

**«ПРОСЛАВИЛ ТРУД СТРАНУ СВОЮ И ВРЕМЯ...»
(ИЗ ИСТОРИИ ТРУДОВЫХ РЕКОРДОВ
МАШИНИСТОВ-НОВАТОРОВ
КУРСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА
В 1935–1940 гг.)**

Железнодорожный транспорт с момента его зарождения стал играть стратегическую роль в жизнеобеспечении государства. Своевременное и качественное перемещение пассажиров и грузов оказывает существенное влияние на социально-экономические процессы, обеспечение национальной безопасности и сохранение государственного суверенитета. Эффективность работы железных дорог страны во многом зависит от состояния обслуживающего их кадрового потенциала. Степень заинтересованности работника в результатах своего труда и факторы, влияющие на повышение его эффективности, всегда вызывали научный интерес исследователей, занимающихся проблемами социальной истории. Представленный в статье материал раскрывает особенности зарождения производственного соревнования на железнодорожном транспорте в 30-е гг. XX в. с оценкой роли личной инициативы машинистов-новаторов в достижении максимальной результативности выполнения служебных обязанностей. На конкретных примерах показано значение добросовестного отношения к труду, применения передовых методов обслуживания вверенной техники, стремления к повышению своего профессионального уровня, осознания социальной значимости качественного исполнения стоящих перед работником производственных задач. Статья подготовлена на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников, находящихся на хранении в ведомственных и региональных государственных архивах, а также материалов отраслевой периодической печати.

Летние месяцы 1935 г. стали переломными в истории отечественного железнодорожного транспорта. Они характеризовались массовым развитием соревнования за вождение грузовых поездов с повышенной скоростью и увеличенной форсировкой котла паровоза. Среди донецких машинистов это движение возникло раньше, чем осуществил свой всесоюзный рекорд по скоростной добыче угля забойщик шахты «Центральное Ирмино» (г. Кадиевка) Алексей Стаханов.

Инициатором скоростного вождения грузовых составов стал молодой машинист депо Славянск Донецкой железной дороги И. Ф. Кривонос. 1 июля 1935 г. машинист Кривонос на паровозе Э^у 684-37 провел первый угольный маршрут со средней скоростью 46,5 км/ч, в два раза перекрывая установленные нормы. Он смело пошел на увеличение форсировки котла и вождение поездов, как говорили железнодорожники,

на «большом клапане» [1, с. 83].

В обращении к машинистам Донецкой дороги, опубликованном 14 июля 1935 г. в газете «Железнодорожник Донбасса», П. Ф. Кривонос призвал коллег своей работой доказать, на сколько можно улучшить использование паровозов [2, с. 15]. Перенимая опыт П. Ф. Кривоноса, многие машинисты сети железных дорог СССР стали водить поезда на высоких технических скоростях.

14 ноября 1935 г., выступая с трибуны Первого Всесоюзного совещания рабочих и работниц-стахановцев, П. Ф. Кривонос отметил: «С первых поездок я отказался от дедовских методов езды на локомотиве – стал ездить на подъемах на большом клапане. Вместо технической скорости 23 км/ч я стал давать 47 км/ч. Я не только ездил сам с большой скоростью. Я стал убеждать остальных машинистов, чтобы они следовали моему примеру... Мне большую помощь в этом оказывали газеты “Гудок”, “Железнодорожник Донбасса”. Те, которые раньше не верили в такие возможности, увидели, что высоких показателей добиться можно, и они стали сами давать повышенную скорость. Те, которые говорили о невозможности добиваться такой скорости, в настоящее время перегнали меня» [3, с. 17–19]. Например, в ноябре 1935 г. только на Донецкой железной дороге уже работало 785 последователей П. Кривоноса.

Герой Социалистического Труда, почетный железнодорожник Петр Федорович Кривонос впоследствии вспоминал: «В чем же была сила паровозных машинистов – скоростников в годы первых пятилеток?... В творческом горении, в непрерывном поиске, в стремлении выжать из локомотива все, что он способен дать. Мы, машинисты, действительно стали в соревновании ведущими, задавали тон, побуждали всех “болеть” за наши рейсы...».

Между машинистами росло соревнование. Почин скоростного вождения поездов был подхвачен повсеместно. Газеты тогда писали: «На транспорте произошла революция!...» [4, с. 46–48]. Машинистам-новаторам был необходим длительный безостановочный рейс. «Зеленую улицу» им дал поездной диспетчер Сталинской дороги Николай Тихонович Закорко. Перестроив методы регулирования движения поездов, оборота локомотивов, он сосредоточил усилия всей смены на прохождении поездов с минимальным числом остановок [5, с. 72–73].

В декабре 1935 г. за инициативу в деле развертывания стахановского движения среди железнодорожников машинист П. Ф. Кривонос и диспетчер Н. Т. Закорко были награждены орденами Трудового Красного Знамени [6]. Любимой поговоркой Петра Кривоноса была: «Тот не машинист, кто не прислушивается к пульсу своего локомотива». В своих «заповедях» он подчеркивал: «...работать безаварийно, свято соблюдать правила безопасности движения поездов... Веди счет каждой минуте, используй её для ускорения хода локомотива, уважай график – основной закон транспорта» [7, с. 154–155].

На опыте П. Ф. Кривоноса, на его методах работы в разных депо страны воспитывались сотни машинистов – истинных новаторов производства. Одним из первых последователей внедрения стахановско-кривоносовских методов работы на локомотиве был машинист паровозного депо Курск-Северное Иван Петрович Коршунов.

Прежде чем приступить к характеристике личного вклада И. П. Коршунова в развитие стахановского движения на Курском железнодорожном узле, кратко остановимся на основных этапах его биографии. Он родился 19 апреля (1 мая) 1903 г. в семье слесаря паровозного депо Курск. В мае 1917 г. Иван Коршунов пришел работать в депо Курск-I учеником слесаря. В 1920–1923 гг. он трудился слесарем, кочегаром, с 1923 по 1926 г. – помощником машиниста паровоза. С 10 декабря 1926 г. он самостоятельно встал за правое крыло паровоза в качестве машиниста. 1 декабря 1933 г. ему был установлен I класс машиниста грузового паровоза [8, л. 15–16].

В своей практической работе машинист И. П. Коршунов главной задачей ставил безусловное обеспечение безопасности движения поездов. В воспоминаниях, датированных апрелем 1965 г., он писал: «3 октября 1933 г. в четыре часа ночи, следуя со скорым поездом № 11 на паровозе СУ 200-51 (помощник машиниста В. В. Булатников, кочегар С. В. Мышелов) при въезде на станцию Орел и открытом входном светофоре мы заметили, что навстречу нашему поезду движется маневровый паровоз. Мною были даны тревожные гудки-сигналы и приняты экстренные меры по остановке нашего поезда. Так, благодаря бдительности паровозной бригады и своевременно принятых мер по остановке пассажирского состава удалось избежать крушения с возможными человеческими жертвами» [9, л. 31].

31 августа 1937 г. при въезде на ст. Золотухине со скоростью 70 км/ч сигнал свободного следования «зеленый» неожиданно сменился на сигнал остановки «красный». Машинистом пассажирского паровоза И. П. Коршуновым поезд экстренно был остановлен. При осмотре пути оказалось, что всего в 10–15 метрах от остановленного локомотива был обнаружен излом рельса длиной около 25 сантиметров. Так, благодаря бдительности бригады И. Коршунова было предотвращено крушение курьерского поезда № 1. Приказом № 314 от 19 октября 1937 г. начальник железной дороги им. Дзержинского И. Ф. Кучмин отметил денежными премиями всех членов бригады паровоза ИС 20-55 [9, л. 33].

Но широкую известность среди машинистов железной дороги им. Дзержинского Иван Коршунов приобрел весной 1938 г., когда стал инициатором движения за достижение высоких результатов межпромысловых пробегов паровозов. В апреле 1937 г. для работы в паровозном депо Курск-Северное прибыли мощные пассажирские паровозы серии ИС («Иосиф Сталин»). Работать на первом паровозе, прибывшем в Курское депо, было доверено бригаде старшего машиниста

И. П. Коршунова [10].

12 августа 1937 г. коллектив паровозного депо Курск через газету «Курская правда» обратился с открытым письмом к рабочим и колхозникам области с призывом развернуть социалистическое соревнование по достойной встрече 20-й годовщины Октября. В этот период в депо развивалось соревнование за увеличение межпромывочных пробегов паровозов. Если в октябре в депо Курск работало 14 паровозов, пробежавших более 7 000 км между промывками, то уже к концу ноября 1937 г. их было уже 15 с пробегом свыше 10 000 километров [12, с. 3].

После тщательного анализа своей работы по достижению десяти тысячного межпромывочного пробега бригады ИС 20-50 машинистов И. П. Коршунова и М. П. Афанасьева решили заявить о рекордном пробеге в 30 тысяч километров. Пробег был начат 16 сентября и успешно завершён 2 декабря 1937 г. Паровоз тогда пробежал 38 000 км. Норма пробега между промывочным ремонтом была перевыполнена более чем в семь раз (норматив 5 000 км) [13, с. 7].

9 декабря 1937 г. машинисты паровоза ИС 20-55 И. П. Коршунов и М. П. Афанасьев рассказали о своих трудовых достижениях на страницах дорожной газеты «Ударник Дзержинской». В их статье были подробно освещены технические приемы, которые позволили им достичь высокого межпромывочного пробега. Не останавливаясь на достигнутом рекорде, в январе 1938 г. бригады паровоза ИС 20-55 (машинисты И. П. Коршунов, М. П. Афанасьев, помощники машиниста А. В. Воинов, Н. В. Беспяткин, кочегары Г. И. Болдырев и А. Д. Бобовников) взяли на себя еще более высокие обязательства – к 1 мая 1938 г. довести пробег паровоза до 45 000 км.

24 апреля 1938 г. курскими локомотивщиками был установлен всесоюзный рекорд – достигнут пробег паровоза без захода в депо на промывочный ремонт в 46 471 км. Паровоз ИС 20-55 был передан ремонтникам для проведения обточки колесных пар в отличном техническом состоянии [14].

Достижения курских машинистов И. П. Коршунова и М. П. Афанасьева стали известны на всей сети железных дорог страны. И. П. Коршунов часто выступал с лекциями о стахановских методах работы, рассказывал о достигнутых им пробегах локомотива.

Центральным домом техники НКПС была издана специальная брошюра об опыте работы бригады машиниста И. П. Коршунова. Приведем некоторые отрывки из брошюры, опубликованные в журнале «Паровозник»: «Паровоз ИС 20-55, не заходя в депо на промывку и ремонт, добился 45 000 километров пробега и стал на подъемочный ремонт. Увеличение пробега нами было достигнуто правильным использованием анти-накипина (на 1 тонну воды 55 г смеси анти-накипина), регулярной продувкой котла кранами Эверластинга, своевременной продувкой жаровых и дымогарных труб. Нами достигалось

хорошее парообразование и высокая экономия топлива» [15].

4 июля 1938 г. народный комиссар путей сообщения СССР Л. М. Каганович приказом № 243 наградил машинистов И. П. Коршунова и М. П. Афанасьева значками «Почетному железнодорожнику», а их помощников и кочегаров – именными часами [16].

5 июля 1938 г. в газете «Ударник Дзержинской» была опубликована приветственная телеграмма Л. М. Кагановича, адресованная И. П. Коршунову, М. П. Афанасьеву и членам паровозных бригад ИС 20-55. В ней, в частности, подчеркивалось: «Приветствуя с достигнутыми успехами, выражаю твердую уверенность в том, что вы не остановитесь на достигнутом, а по-большевистски будете бороться за увеличение полезной работы паровоза и отличное его содержание...»

28 июня 1938 г. машинист-новатор И. П. Коршунов был избран по Льговскому избирательному округу Курской области депутатом Верховного Совета РСФСР I созыва. Инициатива бригад паровоза ИС 20-55 в депо Курск породила новый всплеск соревнования за достижение высоких межпромывочных пробегов. Так, бригады машинистов Н. П. Ломакина и В. В. Табачкова, соревнуясь с И. П. Коршуновым, к 15 августа 1938 г. довели пробег паровоза ИС 20-144 до 61 128 км при экономии 115 т топлива [17, л. 75].

Комментируя лекцию машиниста Н. И. Ломакина, опубликованную в 1938 г. в журнале «Паровозник», инженер В. Овсянников писал: «Стоимость каждой промывки в депо Курск составляет 2 700 рублей. Товарищ Ломакин, сделав 60 тыс. км пробега, сэкономил 12 промывок или 31 400 рублей средств. Кроме того, работа паровоза без захода в депо дала возможность депо Курск уменьшить рабочий парк на три паровоза» [18, с. 15].

Но рекорд бригад Н. П. Ломакина и В. В. Табачкова удержался недолго. 7 сентября 1938 г. он был перекрыт бригадами паровоза ИС 20-143 под руководством машинистов А. Д. Кондратьева и И. Г. Сердюкова. Они смогли достичь межпромывочного пробега 66 101 км при экономии 85 т угля, превысив нормы более чем в 13 раз [19, с. 30].

26 сентября 1938 г. приказом народного комиссара путей сообщения № 1069 машинисты Н. И. Ломакин, В. В. Табачков, А. Д. Кондратьев, И. Г. Сердюков были награждены значками «Почетному железнодорожнику». Значками «Ударнику Сталинского призыва» и именными часами наркома были отмечены помощники машиниста В. Г. Бочаров, П. Н. Жильцов, М. А. Зикеев, а также кочегары И. Я. Кочетов, С. В. Азаров, Д. Т. Иванов и П. Е. Бочаров [20, л. 18].

14 октября 1938 г. бригады паровоза ИС 20-145 машинистов А. М. Шаталова и И. В. Жданова достигли еще большего успеха. Их паровоз пробежал 69 528 км без захода в депо на промывочный ремонт, при этом бригадами было сэкономлено 82,5 т топлива и более 10 тыс. рублей денежных средств [21].

Пример старших товарищей – активных участников соревнования взяли на вооружение и комсомольские бригады. В депо Курск-Северное была организована колонна паровозов в честь двадцатилетия комсомола. 2 октября машинисты В. А. Михайлов, Ф. Г. Каширцев, Ф. Яковенко совершили рейс в честь двадцатилетия ВЛКСМ, выполнив на паровозе ФД 20-411 более 10 000 км межпромывочного пробега [17, л. 75].

Машинист-стахановец депо Курск-Западное, член Курского горкома ВЛКСМ И. П. Чуйков на паровозе Эш-4013 совершил 18 000 км пробега, перекрыв нормы почти в пять раз. Иосиф Петрович Чуйков был отмечен именными часами начальника дороги им. Ф. Э. Дзержинского. Отличных успехов добились и бригады молодых машинистов В. Г. Маркина, В. А. Михайлова в 1937 г. отмеченных значками «Почетному железнодорожнику» [23, л. 4]. Члены бригад этих машинистов, помимо достигнутых высоких пробегов, отличались в уходе за локомотивами, достижении высокой экономии топлива.

Инициатива бригады машиниста И. П. Коршунова в 1939 г. также получила новое развитие. Так, машинисты паровоза ФД 20-408 И. П. Коршунов, И. Ф. Водяницкий и Ф. А. Ларин (помощники машиниста А. В. Воинов, И. Н. Булатников, П. Ф. Болотин) добились межпромывочного пробега в 30 100 км сэкономив 288 т угля [11, л. 27]. За 5 дней марта 1939 г. машинист И. Ф. Водяницкий на участке Курск – Орел провел 4 тяжеловесных состава с превышением технической скорости [11, л. 30–31]. В справке политуправления НКПС о состоянии стахановско-кривоносовского движения на железнодорожном транспорте СССР (июль 1939 г.) подчеркивалось: «Отдельные машинисты дают более высокий пробег между промывками. Например, в депо Курск-Северное И. В. Жданов сделал пробег в 15 086 км, Г. Е. Старосельцев – 16 698 км, Н. П. Ломакин 17 209 километров» [22, с. 326].

Самоотверженный труд курских машинистов-новаторов позволил увеличить межпромывочный пробег паровозов ИС на 47,1 %, СУ – на 42,1 %, ФД – на 6,3 %. Более 300 машинистов Курского узла трудились по-стахановски [24, с. 152–153]. 23 ноября 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР И. П. Коршунов и М. П. Афанасьев были награждены орденами Трудового Красного Знамени, А. Д. Кондратьев – орденом «Знак Почета». 19 октября 1938 г. приказом начальника Дзержинской железной дороги А. С. Огнева машинист И. П. Коршунов был назначен начальником паровозного депо Курск [25].

За период работы И. П. Коршунова начальником депо (1938–1940 гг.) в коллективе произошли заметные сдвиги в лучшую сторону. Как указывал 26 ноября 1939 г. в его характеристике секретарь партбюро депо Курск Д. Курихин, «снизился процент “больных” паровозов, произошло снижение простоя паровозов в подъёмочном ремонте, сдвиги в экономии топлива и денежных средств...» [8, л. 23].

Партийная, комсомольская и профсоюзная организации паровозного

депо Курск, возглавляемые Ф. М. Еськовым, Н. А. Вороновским (с 1938 г. – Д. А. Пискловым), В. А. Старосельцевым, проводили политико-воспитательную работу, нацеливая коллектив на выполнение плановых заданий... Было организовано соревнование паровозных бригад с выдачей социалистических путевок на каждую поездку. Проводились производственные совещания при постановке в ремонт и выпуске паровозов из ремонта. «Ремонтники передавали машинистам гарантийные путевки на работу паровоза без захода в депо на межпоездной ремонт», – вспоминал депутат Верховного Совета РСФСР И. П. Коршунов. С целью охвата рабочих соревнованием на досках показателей сообщались итоги работы бригад за каждые сутки... В результате хорошей организации труда и применения прогрессивной технологии в цехе подъемочного ремонта, возглавляемом мастером С. А. Зикеевым и бригадиром Г. Е. Шеповаловым, перевыполнялся план. Коллектив цеха ежемесячно выпускал паровозы из ремонта с уменьшением объема работы за одну смену [9, л. 44–46].

В сентябре 1940 г. И. П. Коршунов был направлен для обучения во Всесоюзной транспортной академии им. Сталина. После ее окончания он работал начальником паровозного отделения на ст. Сызрань Куйбышевской железной дороги, а затем на ст. Спас-Деменск Московско-Киевской железной дороги. После тяжелой контузии, полученной в ходе вражеской бомбежки в 1945 г. И. П. Коршунов был переведен в Курск. Здесь он работал заместителем начальника паровозного депо Курск по маневровой работе [26, л. 18–19].

В 1946 г. по решению Курского обкома ВКП(б) И. П. Коршунов был выдвинут на работу заместителем секретаря Курского горкома ВКП(б) по промышленности и транспорту [27, с. 219]. До ухода на персональную пенсию в 1963 г., И. П. Коршунов руководил рядом предприятий местной промышленности города Курска.

Память о трудовых свершениях И. П. Коршунова и его товарищей по производственной деятельности сохраняется в коллективе локомотивного депо Курск. 3 августа 2019 г. здесь была открыта галерея почетных машинистов. В ней установлены 20 фотографий, в том числе почетного железнодорожника и машиниста И. П. Коршунова. Его жизненный путь стал примером добросовестного отношения к исполнению служебных обязанностей для современного поколения железнодорожников.

Источники и литература

1. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 / под общ. ред. В. Е. Павлова и М. М. Уздина. СПб., 1997.
2. Передовые методы работы железнодорожников. М., 1946.
3. Первое Всесоюзное сообщение рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г.: стеногр. отчет. М., 1935.
4. Кривонос П.Ф. Магистраль жизни. Киев, 1986.
5. Ильинский В.Н. Трудовые награды железнодорожников и транспортных строителей. М., 1988.

6. Правда. 1935. 8 дек.
7. Герои стальных магистралей. Кн. 1 / под ред. Н. Е. Аксененко. М., 2000.
8. Архив Управления Московской железной дороги. Ф. 10. Оп. 2-ЛД. Д. 22239.
9. Государственный архив Курской области. Ф. Р-91.Оп. 1.Д. 47.
10. Ударник Дзержинской. 1937. 9 дек.; 1938. 3 июля.
11. Объединенный архив Московской железной дороги (далее – ОА МЖД). Ф. 3. Оп. 2-ЛД. Д. 105.
12. Паровозник. Еженедельный научно-технический журнал НКПС. 1938. № 12(63).
13. Паровозник. Еженедельный научно-технический журнал НКПС. 1938. №15(66).
14. Гудок. 1938. 4 июля.
15. Паровозник. Еженедельный научно-технический журнал НКПС. 1938. №14(65).
16. Паровозник. Еженедельный научно-технический журнал НКПС. 1938. № 21(72).
17. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-174. Оп. 1. Д. 15.
18. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 2-ЛД. Д. 10.
19. Комсомольцы. К XX-летию ВЛКСМ / отв. ред. С. В. Савина. Курск, 1938.
20. ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 2-ЛД. Д. 5.
21. Курская правда. 1938. 15 окт.
22. Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926–1941 гг.): сб. / [предисл. канд. экон. наук А. Г. Напорко]. М., 1970.
23. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 172.
24. Манжосов А. Н., Федоров Н. П. Этапы большого пути. Из истории революционных, боевых и трудовых традиций коллектива Курского отделения Московской железной дороги. Ч. I (1868–1941 гг.). Курск, 1991.
25. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1676.
26. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 4. Д. 791.
27. Коровин В.В., Новиков В.Н. Роль личной инициативы работников в совершенствовании производственной деятельности предприятий отечественного железнодорожного транспорта в середине XX века.... // Известия Юго-Западного государственного университета Серия История и Право. 2017. Т. 7. № 4(26).

А. А. Пчелинов-Образумов, Т. В. Крылова

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Как известно, в 1935–1953 гг. большая часть современной Белгородской области (образована 6 января 1954 г.) входила в состав Курской области. В фондах областного государственного казенного учреждения «Государственный архив Белгородской области» (ОГКУ «ГАБО») хранятся документы 15 районных военных комиссариатов Курской области: Белгородского, Беленихинского, Боброводворского, Большетроицкого, Валуйского, Великомихайловского, Ивнянского, Корочанского, Микояновского, Новооскольского, Прохоровского, Ракитянского, Саженского, Скороднянского и Шебекинского. Однако

состав документов фондов райвоенкоматов (РВК) существенно различается по видам, количеству, времени создания.

В апреле 1939 г. Курский областной военный комиссариат направил райвоенкоматам предписание под грифом «совершенно секретно»: «Для правильного предъявления местным Советским организациям требований по экономическому усилению территории района, под углом зрения и нужд РККА и для правильного использования местных ресурсов в период мобилизации и войны, Генеральный штаб РККА возлагает на штаб округа, областной и районные военные комиссариаты систематическое изучение и учет экономики района – области. В связи с этим препровождаю форму «военно-экономической справки района», по которой Вам надлежит завести учет военно-экономического описания района и ведения учета экономики к 5-му мая сего года по состоянию на 1-е января 1939 года» [2, л. 2; 7, л. 49].

Военно-экономическую справку района необходимо было составлять строго по препровождаемым формам каждую на стандартном листе (форматом 21 на 31 сантиметр) и представить их в областной военный комиссариат секретным порядком к 15-му мая 1939 г. в двух экземплярах, с приложением всех таблиц также в двух экземплярах. При составлении таблиц военно-экономического описания района нужно было следовать прилагаемой «Инструкции по заполнению таблиц военно-экономического описания района и ведения учета экономики района». Заполнение таблиц производить на основании «официальных, проверенных данных райисполкомов и горсоветов». Особо отмечалось: «На выполнение данной работы обратить сугубое внимание, к работе приступить немедленно по получении настоящих указаний с тем, чтобы эту работу выполнить в срок, никаких запаздываний в представлении сведений в облвоенкомат не должно быть» [2, л. 2; 7, л. 49].

Согласно инструкции таблицы-карточки должны были заполняться на машинке или «от руки, но обязательно четко и аккуратно (без единой поправки или помарки)». В тех случаях, когда цифровой материал требовал дополнительных пояснений, надлежало их сжато излагать на свободных местах соответствующей таблицы, разрешалось вклеивать дополнительные листы бумаги, одинаковые по размеру с другими. Неоконченные строительством объекты включались с обязательным указанием степени технической готовности и срока предполагаемого ввода в эксплуатацию. Материал справки о военно-экономическом состоянии района должен был «освежаться райвоенкомами по состоянию на 1-е января каждого года». Данные об изменениях доносились штабу округа через облвоенкома к каждому 15-му февраля. Облвоенкомат должен был на основе этих данных подготовить сводный документ по области в трёх экземплярах – один из них направлялся в Генеральный штаб, второй в штаб военного округа, третий оставался на месте. Материал предоставлялся «в сброшюрованном виде, в хороших обложках,

соответственно за район и область». Вся информация была строго засекречена, особая пометка на формуляре предупреждала, что «после заполнения справка является секретным документом» [2, л. 3; 7, л. 50, 51].

Военно-экономическая справка по району должна была состоять из 19 разделов. Первый пункт «общие сведения» включал: наименование административного центра, перечень ближайших к нему железнодорожных станций и пристаней с указанием расстояния, площадь территории района, общее количество городского и сельского населения, национальный состав, основное хозяйственное направление района, метеорологические (природно-климатические) условия, рельеф местности, естественные богатства [2, л. 3; 7, л. 51].

В справке должны были быть представлены следующие разделы:

2-й «административное устройство» (типовая жилая постройка, средний размер строений, средняя вместимость человек и лошадей на двор);

3-й «пути сообщения» (железные и грунтовые дороги, водные пути);

4-й «связь» (телеграфные и телефонные станции, радио);

5-й «посадочные площадки для самолетов»;

6-й «промышленные предприятия»;

7-й «ремонтные базы района» (автотракторный ремонт, подвижные мастерские, станции техобслуживания, обозный ремонт, обувной, портновский, шорно-седельный ремонт);

8-й «транспортные средства района»;

9-й «сельское хозяйство и заготовки» (распределение земельной площади по угодьям, посевная площадь, тракторы и тракторные прицепки, повозки и упряжь, машинно-тракторные станции, животноводство, конское поголовье, товарные фермы);

10-й «ветеринарная сеть и ковочные кузницы»;

11-й «складское хозяйство района» (нефтесклады, гаражи, хлебофуражные склады, овощехранилища, холодильники);

12-й «хлебопечение» (характеристика хлебопекарен и их мощности);

13-й «бойни»;

14-й «мельницы»;

15-й «коммунальное хозяйство» (бани, прачечные, водопроводы, артезианские колодцы, канализационная сеть и ассенизационный обоз, электростанции и др.);

16-й «лечебные учреждения района»;

17-й «политпросветсеть» (дома культуры, театры, кинотеатры);

18-й «сеть учебных заведений и печать»;

19-й «рыбное хозяйство района» [2, л. 4–23; 7, л. 52–70].

Подобные военно-экономические справки хранятся в фондах 4 райвоенкоматов – Валуйского (по состоянию на 1 января 1941 г.), Ивнянского (по состоянию на 1 января 1939 г. и обновленные данные на 1 января 1940 г.), Корочанского (по состоянию на 1 января 1941 г.),

Шебекинского (по состоянию на 1 января 1939 г. и обновленные данные на 1 января 1940 г.). В фонде Микояновского РВК имеется сходный документ – «Политико-экономическая характеристика Микояновского района Курской области на 1 декабря 1939 года».

Необходимо отметить, что до 1939 г. работники РВК уже собирали подобные сведения и составляли политико-экономические характеристики по своим районам. Так, в фонде Шебекинского райвоенкомата хранится «Характеристика политико-экономического состояния Шебекинского района ЦЧО» (начало 1932 г.) и «Характеристика политико-экономического состояния Шебекинского района ЦЧО в разрезе сельских Советов» (середина 1932 г.), в фонде Микояновского РВК «Характеристика экономики и административного деления по Микояновскому р-ну Курской области» (5 апреля 1938 г.) [4, л. 22; 6, л. 7, 57].

По данным военно-экономических справок в 1939–1940 гг. территория Микояновского района составляла 740,09 км² и включала 18 сельских Советов (в 1963 г. Микояновский район вошел в Белгородский), Ивнянского района – 797,4 км², 15 сельских Советов, Валуйского района – 810 км², 15 Советов (13 сельских, 1 поселковый и 1 городской), Шебекинского района – 942,6 км², 27 Советов (26 сельских и 1 городской), Корочанского района – 1127,3 км², 33 Совета (32 сельских и 1 городской). В Микояновском районе проживало 36 234 человека, в Ивнянском – 37 026 человек, в Валуйском районе – 57 433 человека, в Шебекинском районе – 67 440 человек, в Корочанском районе – 71 797 человек. Национальный состав районов был в целом моноэтническим: в Ивнянском районе русские составляли 99,9 % населения (0,01% украинцы, 0,003% евреи), в Шебекинском районе – русские до 98 % населения, в Корочанском районе – «преобладающее число русских, имеются также украинцы», по Микояновскому району сообщалось о проживании только русских, по Валуйскому району данные о национальном составе отсутствовали [1, л. 1; 2, л. 27; 4, л. 20; 5, л. 1; 7, л. 72; 9, л. 1].

Среди жилых построек в районах преобладали деревянные, крытые соломой (например, в Шебекинском районе лишь 10 % домов были каменными или обложенными кирпичом). Средний размер строений в сельской местности колебался от 24 до 50 квадратных метров жилой площади. Особо подчёркивалось, что при расквартировании войск на длительный период один двор мог вместить от 2 до 5 человек или от 2–4 до 8 лошадей [1, л. 2; 2, л. 28; 7, л. 72 об.; 9, л. 4].

Наиболее развитым в промышленном отношении был Шебекинский район. В нем находилось 11 промышленных предприятий, 7 из которых располагались в городе Шебекино. Помимо Шебекино промышленные объекты находились в селах Логовое, Новая Таволжанка и Ржевка.

Среди предприятий выделялась группа сахарных заводов: «Профинтерн» (941 работник) в городе Шебекино, Новотаволжанский (426 рабочих), имени Будённого в селе Ржевка (508 рабочих) [7, л. 74].

Вторую группу предприятий составляли меловые и мелоизвестковые заводы. Самым большим был Логовской меловой комбинат, где работало 345 человек. В городе Шебекино действовали завод «Революционная заря» (139 рабочих) и артель «Мелработник» (99 рабочих) [7, л. 74].

Среди предприятий выделялись находившиеся в Шебекино заводы: машиностроительный (729 рабочих), кожевенный «Красный Октябрь» (171 рабочих), спиртовой (145 рабочих) и кирпичный «Профинтерн» (59 человек). В селе Новая Таволжанка действовал маслозавод, на котором трудились 40 рабочих [7, л. 74].

Помимо вышеупомянутых предприятий пищевой промышленности в Шебекинском районе имелось: 8 хлебопекарен (г. Шебекино, Будённовский сахзавод, села Маслова Пристань, Новая Таволжанка, Нежеголь, Устинка, Волково, Неклюдово), 8 скотобоев (г. Шебекино, сёла Нежеголь, Новая Таволжанка, Репное, Маслова Пристань, Неклюдово, Дмитриевка, Муром) и 13 мельниц (г. Шебекино, Боровское, Вознесенка, Дмитриевка, Маломихайловка, Муром, Маслова Пристань, Никольское, Неклюдово, Титовка, Чураево, совхоз «Поляна», Будённовский сахзавод) [7, л. 79 об. – 80].

Большая часть промышленных объектов Валуйского района была сконцентрирована в райцентре. Все 6 предприятий союзно-республиканского подчинения располагались в Валуйках и вблизи них: маслозавод № 5, ликероводочный завод, птицекомбинат, убойный пункт, Росглавхлеб, мельзавод № 13 (в деревне Пушкарка, вошедшей в 1966 г. в черту Валук). В городе находились 8 предприятий промыслово-кооперативной промышленности: артели «Красная швея» (пошив одежды), «Пролетарий» (ремонт обуви), имени Будённого и «Ясная поляна» – хлебопекарные, имени 1 Мая (гужевые перевозки), «Огнеупорстрой» (производство кирпича), «Свой труд» (изготовление колес), имени Красина (выработка поташ). В районе действовало также 4 предприятия областного значения: 3 мукомольные мельницы в слободе Конопляновка, селе Лавы и деревне Симоновка, а также рыбная база в Валуйках. Всего на территории района работали 13 мельниц и 10 хлебопредприятий: 4 в Валуйках, 1 в Соцгородке (в 1966 г. включен в городскую черту Валук), селах Мандрово, Принцевка, Пристенъ, деревнях Тимоново и Рождествено [1, л. 3–4, 21].

В Корочанском районе действовало 6 промышленных предприятий, из них 3 в городе Короча (Маслозавод № 21 республиканского значения (292 рабочих), плодоягодный завод Курского треста легкой промышленности (82 рабочих), сапожно-швейная артель Белгородского Многопромсоюза (70 рабочих); в селе Алексеевка – шубартель (224 рабочих) и деревообделочная артель (45 рабочих); в селе Большая

Халань – шубартель (110 рабочих). На территории района имелось 105 мельниц и 2 кустарные хлебопекарни (в Короче) [9, л. 9, 25, 30–33].

На территории Микояновского района имелось 2 завода – Дмитротарановский сахарный завод мощностью 12 тыс. центнеров сахарной свеклы в сутки близ рабочего поселка Микояновка (с 1958 г. поселок Октябрьский) со среднесписочным числом рабочих 892 человека, и спиртовой завод в селе Веселая Лопань мощностью 190 тыс. декалитров спирта (среднесписочная численность работников – 117 человек). В районе также действовало 3 хлебопекарни и 39 мельниц [4, л. 21].

В селе Ивня Ивнянского района работал сахарный комбинат имени Ленина Курского сахсвеклотреста «Главсахпесок» наркомата пищевой промышленности. Численность рабочих сахкомбината, занятых в сахароварении составляла 562 человека, в свеклосеянии – 300 человек. В Ивне имелось 4 хлебопекарни (2 при комбинате, 1 при сельпо, 1 при райпотребсоюзе), 4 бойни «кустарного, примитивного устройства», 53 мельницы [2, л. 34, 58, 59, 60].

Площадь земельных угодий в Корочанском районе составляла 112 140,53 га (в том числе пашня 65,6 %), в Валуйском районе – 81 802 га (в том числе пашня 53,3 %), в Ивнянском районе – 79 740 га (в том числе пашня 69 %), в Шебекинском районе – 61 867 га (в том числе пашня 68,4 %). По Микояновскому району была указана площадь пашни 57 528 га, специализация сельского хозяйства характеризовалась как «свекловичная». Большую часть земель занимали зерновые и зернофуражные культуры, картофель и овощи [1, л. 13, 14; 2, л. 40, 41; 4, л. 21; 7, л. 75, 75 об.; 9, л. 14, 17].

В Корочанском районе насчитывалось 50 079 голов крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота – 31 799, свиней – 9 244, лошадей – 4 142; в Шебекинском районе – 22 526 голов крупного рогатого скота, 13 187 свиней, мелкого рогатого скота – 12 503, лошадей – 6 415; действовало 5 коневодческих товарных ферм и 57 молочно-товарных ферм; в Микояновском районе – 16 121 голов крупного рогатого скота, свиней – 11 899 голов, овец – 4 002, коз – 2 157, лошадей – 5 201, имелось 69 молочно-товарных ферм, 68 свиноферм, 47 овцеферм, 8 конеферм; в Ивнянском районе – 10 065 голов крупного рогатого скота, свиней – 3 873, мелкого рогатого скота – 3 738, 4 коневодческих и 1 молочно-товарная фермы; в Валуйском районе – мелкого рогатого скота – 14 444, крупного рогатого скота – 12 490, свиней – 6 308, лошадей – 4 840, 10 коневодческих и 56 молочно-товарных ферм. В Валуйском районе в реках Оскол и Валуй в год вылавливалось 7 ц рыбы [1, л. 17, 26, 34, 35; 2, л. 45, 46; 4, л. 21; 7, л. 76–76 об.; 9, л. 39].

В Ивнянском районе имелось 216 тракторов (190 колесных и 26 гусеничных) и 16 двухосных тракторных прицепов, работало 3 машинно-тракторные станции (МТС) с общим количеством 194 трактора и 16 автомашин: Ивнянская (70 тракторов, 4 автомашины), Верхопенская

(67 тракторов, 6 автомашин), Краснооктябрьская (57 тракторов, 6 автомашин). В Шебекинском районе было 215 тракторов (190 колесных и 25 гусеничных) и 26 тракторных прицепов. На его территории действовали 3 МТС с общим количеством 151 трактор и 12 автомашин: Шебекинская (57 тракторов и 4 автомашины), Зиборовская, располагавшаяся в селе Маслова Пристань (48 тракторов и 4 автомашины), Полянская, находившаяся в селе Чураево (46 тракторов и 4 автомашины). В Корочанском районе было 205 тракторов (177 колесных и 28 гусеничных) и 7 двухосевых прицепов, работало 3 МТС с общим количеством 187 тракторов и 13 автомашин – Корочанская (68 тракторов и 4 автомашины), Алексеевская (62 тракторов, 6 автомашин) и Большехаланская (57 тракторов и 3 автомашины). В Микояновском районе имелось 167 тракторов, 41 комбайн, 2 МТС – Толоконовская и Кировская (при Толкачевском совхозе в Черемошнянском сельском Совете). В Валуйском районе было 128 тракторов (100 колесных и 28 гусеничных) и 6 двухосевых прицепов, а также 2 МТС – Валуйская с общим количеством 101 трактор и 12 автомашин (48 тракторов и 6 автомашин) и Принцевская (53 трактора и 6 автомашин). [1, л. 15, 16; 2, л. 38, 43; 4, л. 21; 5, л. 2,3; 7, л. 76; 9, л. 15, 19].

В Шебекинском районе насчитывался 221 автомобиль, в том числе 22 легковых; 190 грузовых (148 грузоподъемностью 1,5 т – так называемых «полуторок» – ГАЗ-АА, 40 тоннажем от 2,5 до 3 т (вероятнее всего – ЗИС-5 – «трёхтонка») и 2 большегрузных – 5 т и выше); 9 специальных машин – 7 автоцистерн, 1 пожарная и 1 санитарная; в Валуйском районе было 172 автомашины (12 легковых, 152 грузовых (в том числе 119 грузоподъемностью 1 – 1,5 т), 8 специальных – 3 пожарные, 3 санитарные, 2 кинопередвижки); в Корочанском районе – 127 автомашин (8 легковых, 116 грузовых (в том числе 90 грузоподъемностью 1 – 1,5 т) и 3 специальных – автоцистерна и 2 кинопередвижки); в Микояновском районе – 165 автомашин (9 легковых и 156 грузовых); в Ивнянском районе (8 легковых, 130 грузовых (в том числе 81 грузоподъемностью 1 – 1,5 т), 6 специальных – автоцистерн). При этом городского транспорта как отдельного вида ни в одном районе не существовало [1, л. 31; 2, л. 37; 5, л. 2, 3; 7, л. 75; 9, л. 13].

Через территорию Микояновского района проходил участок Южной железной дороги (ЮЖД) протяженностью 25 км, через Шебекинский район – 4 одноколейные железнодорожные ветки ЮЖД, через Валуйский район – Московско-Донбасская железная дорога протяженностью 41 км. Через Шебекинский район проходили 6 грунтовых дорог с шириной колеи в 8,5 метров, 5 из них были профилированными (т. е. были построены при помощи профилировочных дорожных машин с приданием земляному полотну определённого профиля). В восточной части Ивнянского района пролегалo шоссе республиканского значения – Москва – Харьков, имелось также 10 грунтовых дорог без специального покрытия. На территории

Валуйского района имелось 9 грунтовых дорог, в том числе 5 межрайонного значения (из них только 1 полностью профилированная – Пушкарка – Вейделевка). Через Корочанский район проходило 8 межрайонных грунтовых дорог. В Микояновском районе было 250 км автогужевых дорог (из них 29 км с каменным покрытием и 129 км профилированных). Посадочные площадки для самолетов имелись: в 4-х километрах от города Шебекино (размером 1 000 000 м²), северо-восточнее города Валуйки (размером 360 000 м²), между слободой Бехтеевка и селом Клиновец Корочанского района (размером 352 800 м²), в 3,5 км от села Ивня (размером 1 160 000 м²), в селе Ольховатка Микояновского района (размер не указан). При этом хорошо оборудованных аэродромов ни в одном из районов не было. Водных путей сообщения в данных районах также не имелось [1, л. 3–4 об., 9; 2, л. 29, 33, 84; 4, л. 20; 7, л. 72 об. – 73 об.; 9, л. 5, 8].

Из средств связи в районах были представлены телеграф, телефон и радио. В Шебекинском районе телефонная связь имела связь со всеми сельсоветами, совхозами и промышленными предприятиями, но лишь с 11 % колхозов, в Валуйском районе также со всеми сельсоветами, с 16 колхозами и 2 совхозами, в Микояновском районе было телефонизировано 14 сельсоветов (из 18), 3 колхоза, 2 совхоза и 2 завода, в Корочанском районе – 79 % сельсоветов, 1 % колхозов, все совхозы, в Ивнянском районе только 3 сельсовета и 1 совхоз. В Шебекинском, Корочанском, Микояновском районах телефонная и телеграфная связь с Курском и Москвой осуществлялась через Белгород, Валуйки и Ивня имели прямую телефонную связь с Курском. Во всех районах действовали радиоузлы [1, л. 6, 7, 8; 2, л. 30, 31, 32; 4, л. 21; 7, л. 73 об.].

В Шебекинском районе насчитывалось 9 электростанций мощностью 9030,5 киловатт, в Валуйском районе – 3 электростанции (мощностью 1012 киловатт), в Микояновском районе – 4 маломощные электростанции, в Ивнянском районе – 2 электростанции (мощностью 47 киловатт), в Корочанском районе – 1 электростанция (мощностью 50 киловатт) [1, л. 52; 2, л. 64; 4, л. 21; 7, л. 80 об., 9, л. 35].

Таким образом, составлявшиеся районными военкоматами военно-экономические справки представляют собой ценный источник, содержащий обширные сведения об административном устройстве и хозяйстве районов Курской области в 1939–1940 гг., т. е. накануне Великой Отечественной войны.

5 рассмотренных районов Курской области (Валуйский, Ивнянский, Корочанский, Микояновский, Шебекинский) могут быть охарактеризованы как аграрно-индустриальные. Большинство населения проживало в сельской местности и было занято в сфере аграрного производства. Даже в наиболее развитом в промышленном отношении Шебекинском районе число занятых в индустриальном секторе – на 11 предприятиях (без учета работников артелей, промыслово-кустарной

сферы, МТС) составляло – 3 457 человек (всего 5,1 % от населения района). В районах отсутствовал городской автотранспорт, парк автомобилей начинал формироваться. Были слабо развиты телеграфная, телефонная и радиосвязь. Число и мощность электростанций было невелики, регулярно снабжались электричеством промышленные объекты и райцентры.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАБО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 12.
3. ГАБО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 51.
4. ГАБО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАБО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 103.
9. ГАБО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 1.

О. А. Черников

«ПРОШУ, ПОШЛИТЕ МЕНЯ НА ФРОНТ...»: ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В год празднования Великой Победы вновь встал вопрос о ее истоках. Вариантов ответа достаточно много, но бесспорным является мужество и массовый героизм советского народа.

Именно его патриотизм, стремление к самопожертвованию, готовность беззаветно терпеть нужду и лишения, способность воевать и трудиться, не думая о себе, сыграли решающую роль в Победе.

Подтверждением этого является массовое добровольческое движение, развернувшееся уже в первые недели и месяцы войны, в том числе и на территории Курской области. В данный период курянами были поданы тысячи заявлений об отправке добровольцами на фронт.

В предлагаемой работе мы хотим обратиться непосредственно к заявлениям курских добровольцев. В архивном фонде Р-3191 «Курский областной и районные военные комиссариаты» ОКУ «Госархив Курской области» сохранилось несколько сотен подобных заявлений по отдельным районам области. И все они словно пропитаны теми эмоциями и чувствами, с которыми были написаны.

Уже 22 июня 1941 г. куряне начали активно подавать заявления. Так политрук запаса Ф. Я. Анисимов пишет: «Прослушав по радио речь заместителя СНК СССР и Наркома иностранных дел тов. Молотова я не могу быть спокойным, когда фашистские правители Германии нарушили

священные границы нашей Родины, нарушили мирный труд советского народа. Я хочу принять самое наивысшее участие в уничтожение злейшего врага страны социализма, нарушившего мирный договор советской страны. Я хочу быть в первых рядах нашей доблестной Красной Армии, а потому прошу откомандировать меня в действующую армию. Надеюсь, что РВК мне в этом не откажет, а я выдержу честь советского гражданина» [11, л. 19–19 об.].

В заявление в военный комиссариат Поньковского района С. И. Зубков пишет: «Прошу послать меня на фронт для разгрома германорумынских варваров, осмелившихся напасть на нашу страну. Считаю весь наш народ как и я выступит для уничтожения германских фашистских гадов для того, чтобы не повадно было совать свое свиное рыло другим в наш «советский огород». Прошу удовлетворить мою просьбу» [10, л. 52].

Не менее ярко звучат слова Н. А. Бобрышева в заявлении на имя военного комиссара Кривцовского района: «Услышав весть о наглой провокационной деятельности германских фашистов-гадов, посягнувших на советские рубежи, я прошу призвать меня под боевые знамена Красной Армии для того, чтобы разрушить наглых фашистов-гадов и их заправителя Гитлера. Прошу послать на поле боя. Я клянусь сражаться с наглыми врагами до последней капли крови за Родину, за Сталина» [7, л. 1].

Но все-таки значительное число заявлений не такие пафосные и очень коротки по своему объему. Это буквально несколько строчек, но, тем не менее, они четко отражают желание человека. Житель Кривцовского района И. В. Озеров: «Прошу райвоенкомат зачислить меня в ряды РККА досрочно» [7, л. 4]. Агроном Л. П. Пещеренко в заявлении на имя Коньшевского райвоенкома: «Прошу направить меня в действующую армию, для борьбы с германскими фашистами» [3, л. 39]. Военнообязанный С. Т. Рыбин «Услышав о подлом нападении фашистов на нашу Родину я прошусь добровольно зачислить меня в ряды защитников Отечества на поле битвы. Прошу удовлетворить мою просьбу» [7, л. 13].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в качестве добровольцев на фронт записывались курыне всех возрастов и профессий, мужчины и женщины. В сохранившихся списках и члены партии, и комсомольцы, и беспартийные [1]. И их заявления очень разнообразны по своему содержанию, но сущность одна – хочу громить врага.

Житель села Беляево Коньшевского района, председатель местного колхоза М. П. Копылов 1898 г. рождения: «В 1917–1918 г. я был красногвардейцем и красным партизаном. В Гражданскую войну командовал взводом и ротой. В данный момент считаю, что больше принесу пользы для Родины в действующей Красной Армии чем в тылу. Буду защищать свою Родину до последней капли крови с своим сыном, который находится в РККа ...» [3, л. 9–9 об.].

Директор Льговского кирпичного завода А. З. Конащенко, член партии: «Убедительно прошу освободить меня от занимаемой лично основной работы директора завода и направить на фронт в ряды нашей армии, желательно в Западную Украину. Я вполне здоров и вполне оправдаю обязанности бойца нашей славной, доблестной Крас[ной] Армии. По военной части я сапер. Еще раз убедительно прошу не отказать мне в просьбе» [8, л. 129].

Юноша И. В. Третьяков (1922 г. рождения): «Я как воспитанник колонии малолетних и круглый сирота в настоящее время работаю временным рабочим на кирпичном заводе ст. Льгов I, поэтому прошу Вас обратить внимание на мое положение и поставить меня на верный жизненный путь, чтобы я учился и работал, или же, по возможности зачислить меня в действующую Красную Армию, т.к. я желаю быть полезным человеком своей Родины. Прошу не отказать в моем прошении» [8, л. 189].

Комсомолка О. Я. Астрашаб: «Я, Астрашаб О.Я., ст[аршая] пионервожатая при Беляевской ср[едней] школе, прошу военный комиссариат зачислить меня в ряды РККА и направить в действующую армию. Год рождения 1923. Член ВЛКСМ с 1939 г. Клянусь комсомольской честью, что если понадобится, то я с радостью отдам жизнь для блага нашего могучего государства, для нашей любимой цветущей Родины. Мой отец был член ВКПб, во время революции был бойцом в Красной Гвардии, боролся за счастливую радостную жизнь. После революции работал на ответственных постах до дня смерти. И я, его дочь, хочу быть такой-же. Я очень прошу военный комиссариат удовлетворить мою просьбу» [4, л. 11].

Следует отметить особую настойчивость отдельных добровольцев. Например, 27 июня 1941 г. на имя комиссара Черемисиновского РВК поступило заявление от жителя д. Дубровка Михайловского района М. К. Логачева 1915 г. рождения следующего содержания: «При призыве в Красную Армию в 1937 г. врачебной комиссией я был освобожден и снят с учета по ст. № 51. В настоящее время я чувствую себя здоровым о чем подтвердила врачебная комиссия при В/Р Вк-т-е 26/VI-41. Я люблю свою любимую Родину и не желаю, чтобы фашистский сапог стал на землю нашей страны. Я добровольно пойду на фронт защищать страну, любимую мою Родину. Прошу срочно пошлите меня на фронт» [11, л. 2–2 об.].

Не дождавшись ответа уже 6 июля он подает новое заявление: «Я к Вам обращаюсь 2-й раз с просьбой послать меня на фронт защищать свою Родину от напавших фашистских псов. Мои оба брата рожд[ения] 1910 и 1922 г. защищают свое Отечество, свою Родину. У меня также много сил и воли пойти отстаивать дело народа, защищать Родину. Прошу пошлите меня на фронт» [11, л. 3–3 об.].

Некоторые заявления содержат не только требования о призыве, но и фактически требования дать объяснения отсутствию повестки. Житель

деревни Нижняя Вабля Глазовского сельского совета Конышевского района Ф. А. Наумов пишет: «Прошу военный комиссариат Конышевского райвоенкомата найти мою учетную карточку, согласно учет[ной] карточки принять меня в ряды Красной Армии, так как мой год давно защищает любимую родину, а почему же я не могу защищать свою родину от проклятого Гитлера, который оказался хищным зверем. Прошу военкомат мобилизовать меня как мобилизуют всех военнообязанных. Прошу не отказать» [3, л. 19].

В свою очередь И. П. Киреев в своем обращении от 4 июля 1941 г. указывает: «В настоящее время прошу выше упомянутый райвоенкомат разобрать мое заявление о том, что я с нетерпением ожидал того часа когда меня партия и правительство пошлет защищать нашу любимую Родину. Я этого не дождался и ожидать терпения у меня больше нет. А поэтому прошу послать меня добровольно в ряды РККА защищать Родину от озверевших гитлеровцев. Я надеюсь, что я свое обещание перед Родиной выполню с честью и враг будет уничтожен ...» [2, л. 28].

Многие проявляли особую настойчивость отказываясь от брони, либо требовали призыва несмотря на то, что были ранее комиссованы или признаны негодными по состоянию здоровья.

Так медработник Липовского роддома Е. В. Извекова в своем заявлении от 30 июня 1941 г. фактически требует: «В следствии того, что я имею среднее медицинское образование и работаю в должности акушерки. Прошу снять бронь и направить меня в военную часть» [11, л. 11].

В. Д. Тимошенко в заявлении от 24 июня 1941 г. пишет: «Прошу военный комиссариат зачислить меня добровольно в ряды бойцов нашей доблестной Красной Армии героически громящей кровавых бандитов германского фашизма. Я комсомолец, служил в РККА. По случаю вывиха руки я был демобилизован. Сейчас я чувствую себя физически крепким для того, чтобы с честью защищать нашу любимую Родину. Я буду бить врага до последней капли крови. Мой агрегат на котором я работал в последнее время приемочной комиссией признан годным для обслуживания РККА. И я сам тоже готов пойти нога в ногу со всем комсомолом на защиту нашей могучей Родины и громить врагов до полной победы партии Ленина, Сталина ...» [7, л. 8–8 об.].

Призывник 1921 г. рождения И.И. Бюзук обращается к Льговскому военкому: «Выполняя долг перед Родиной и в ответ на нападение гитлеровских пиратов зверски напавши, нарушив нашу границу прошу Вас срочно призвать меня в ряды РККА. Я пользовался отсрочкой от призыва по ст. 87 и сейчас себя чувствую вполне здоровым и хочу быть достойным воином нашей любимой Советской страны. Жизни не жалея вступлю в борьбу с фашистами, за Сталина! за Родину! В чем прошу не отказать» [8, л. 197].

Среди сохранившихся архивных документов присутствуют и коллективные обращения. На наш взгляд достаточно интересным является

заявление от жителей села Старая Белица Коньшевского района М. В. Скоморохова, И. А. Бабушева и В. А. Бабушева: «Мы выше упомянутые гр-не просим зачислить нас в ряды трудового ополчения. По обращению нашего вождя товарища Сталина мы желаем выступить на защиту нашей Родины и хотим быть в передовой линии фронта. Но так как мы Скоморохов М. В. и Бабушев И. А. до настоящего времени работали бригадирами тракторных бригад, поэтому и просим дать нам боевую машину (танк) и зачислить нас выше упомянутых трех его экипажем. Но так как мы ранее в армии не служили и не проходили изучения танка, то желаем пройти кратковременное обучение, дабы нам правильно повести нашу машину. Команда наша по нашему желанию должна быть следующей. Я Бабушев И. А. хочу быть водителем машины. Бабушев В. А. командиром башни и Скоморохов М. В. командиром танка. Наше военноучетное положение следующее. Скоморохов М. В. с 1914 г. рождения, комиссией признан годным и зачислен в невойсковое обучение. Стаж работы на тракторе 10 лет. Бабушев И. А. с 1911 г., признан годным и зачислен в невойсковое обучение. Стаж работы на тракторе 11 лет. Бабушев В. А. с 1906 г. В 1940 г. с военного учета снят по статье 58. Бабушев И. А. кандидат в члены ВКПб. В чем просим просьбу нашу удовлетворить и поскорее сообщить результаты». [2, л. 33–33 об.].

Заявлений в который добровольцы просили направить их в конкретную часть или же в определённый род войск были не редкостью. Но выше приведённый вариант достаточно «уникален». Как правило все было намного «скромнее». Так директор межрайонного госпитомника В. П. Киселев обращается к Льговскому военному комиссару от 23 июня 1941 г.: «Я участвовал в боях с басмачами Ибрагим бека и Азим-марка в Таджикистане в 1930–34 гг., под командованием особо-уполном[оченных] по борьбе с басмачами Шестопалова, Волгина и Щукина в доброотряде. Владею конем, клинком и винтовкой. В минуту опасности Родины, которая воспитала меня и дала знания инженера, я чувствую необходимость отдать свои знания, умения и если потребуется жизнь на защиту дорогой Родины. Прошу зачислить меня в ряды РККА в состав инженерных войск или кавалерии» [8, л. 153].

Его земляк И. И. Федин еще более конкретен и лаконичен: «... прошу Льговский райвоенкомат зачислить меня в войска НКВД так как я желаю быть чекистом и буду беспощадно биться с врагами не щадя своей жизни и крови для победы над врагом ...» [8, л. 2].

Особенно же много заявлений с конкретными пожеланиями от девушек и женщин о призыве их в качестве медицинских сестер. Так, В. С. Кривцова пишет: «Враг напал на нашу Родину. Я хочу принять участие в защите. Клянусь, что не пощажу ни жизни, ни крови, и вместе с тремя своими братьями героически защищать буду нашу землю от наглых врагов. Прошу не отказать в моей просьбе принять меня в ряды РККА. Зачислите меня в качестве мед[ицинской] сестры. Я окончила 8 классов на

отлично и имею стаж в комсомоле 2 года. Год рождения 1924» [4, л. 19]. Вторит ей А. А. Куроедова: «Прошу райвоенкомат разобрать мое заявление в ниже следующем. Я акушерка Куроедова Александра Антоновна изъявляю желание вступить в ряды Красной Армии. Моя гражданская специальность акушерка, но я вполне могу работать медсестрой. Я все силы, если это потребуется даже и жизнь отдам за нашу счастливую Родину, буду выполнять все, что встретится у меня на пути. Прошу удовлетворить мою просьбу» [4, л. 6].

Можно продолжать и продолжать приводить разнообразные примеры, но следует сделать главный вывод, что главная черта всех подобных заявлений – это искренне и бескорыстное желание выступить на защиту Родины, подкрепленное общим патриотическим порывом советского народа в борьбе против захватчиков. Вне всякого сомнения именно благодаря этому порыву, воплотившемуся в полном самопожертвовании, и стала возможна будущая победа.

Завершить же хочется достаточно показательным заявлением в Щигровский райвоенкомат (орфография и пунктуация документа сохранена): «... Я гр. Давыденко Надежда Иосифовна. Прошу вас чтобы вы разобрали мое заявление в том, что я гр. Надежда Иосифовна Давыденко хочу идти добровольно на борьбу с фашизмом. С этим ненавистным кровожадным Гитлером. Год рождения мой с 1924 1-го апреля, т. е. мне в настоящее время семнадцать лет. Я вполне смогу дать бойцу первую помощь. Окончила я семилетку в 1940 г. Отец мой Давыденко Иосиф Александрович с 1928 г. член партии и до 1940 года, в 1940 г. постигло несчастье он помер 1940 г. 12 июня. Мать моя с 1929 года работает в колхозе. Нас с мамой осталось четверо.

Брат мой Давыденко Петр Михайлович сражается на фронте. И я хочу идти в одну ногу с братом «За Родину, за Сталина».

Пожалуйста? Разберите мое заявление и дайте ответ. Пожалуйста? Я вас прошу примите меня в качестве добровольца не откажите моей просьбы. Я думаю что не откажите. К сему Давыденко Надежда Иосифовна. 12/VII 1941 г. ...» [12, л. 3–3 об].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 53.
3. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 54.
4. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 55.
5. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 63.
6. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 64.
7. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 65.
8. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 74.
9. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 94.
10. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 101.
11. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 122.
12. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 7. Д. 127.

Е. П. Щукина, В. Б. Поляков

**«МЕРТВЫМ ПАМЯТЬ, ЖИВЫМ – ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ!»
(ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
НАЦИСТОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КУРСКОЙ,
СОВРЕМЕННОЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)**

В Год памяти и славы и 75-летия Победы в Великой Отечественной войне в нашей стране реализуется федеральный проект «Без срока давности», целью которого является сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Проект поддержан Президентом России Владимиром Путиным в ходе заседания российского организационного комитета «Победа».

Липецкие архивисты приняли участие в нем в числе двух десятков регионов Российской Федерации.

В рамках проекта издается федеральный 23-томный сборник документов о преступлениях нацистов против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Управление ЗАГС и архивов Липецкой области совместно с ОКУ «Государственный архив Липецкой области» и ОКУ «Государственный архив новейшей истории Липецкой области» провели огромную работу по выявлению документов, отражающих злодеяния фашистских захватчиков на территории современной Липецкой области за период с ноября 1941 г. по январь 1943 г. В общей сложности выявлено и систематизировано около 500 архивных документов – свидетельств преступлений нацистов и их пособников на оккупированной территории современной Липецкой области.

В региональном томе публикуются документы из фондов ОКУ «ГАЛО», ОКУ «ГАНИ ЛО», Архивного отдела администрации Тербунского муниципального района Липецкой области.

Кроме этого, в связи с тем, что Липецкая область была образована 6 января 1954 года из районов четырех областей: Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской некоторые документы для публикации, территориально относящиеся к населенным пунктам современной Липецкой области, были любезно предоставлены архивистами КУВО «Государственный архив Воронежской области (КУВО «ГАВО») и ОКУ «Государственный архив Курской области» (ОКУ «Госархив Курской области»). Сборник дополняют копии архивных документов из фонда Государственного архива Российской Федерации, раскрывающие зверства нацистов и их пособников на оккупированной территории современной Липецкой области.

По неполным данным на оккупированной территории современной Липецкой области пострадало более 3 000 мирных жителей, из них погибло около 2 000, расстреляно, повешено, сожжено – более 600, угнано в Германию – более 600, погибло во время бомбежек – более 1 000, ранено и изувечено – около 1 500 человек. Общий ущерб от войны городам и районам области составил 1,9 млрд рублей в ценах 1950-х гг.

Наиболее пострадали от немецко-фашистской оккупации три района современной Липецкой области, входившие в состав Курской области: Больше-Полянской (с 1956 года – Тербунский), Воловский и Тербунский.

Воловский район дважды подвергался оккупации – с 26 ноября по 8 декабря 1941 г. и со 2 июля 1942 г. по 31 января 1943 г., Тербунский дважды – со 2 по 8 декабря 1941 г. и со 2 июля 1942 г. по 27 января 1943 г., Больше-Полянский – с 6 июля 1942 г. по 27 января 1943 г.

Курские архивисты предоставили 38 документов в количестве 72 электронных копий, которые дополнили картину преступлений нацистов и их пособников на временно оккупированных территориях этих районов. В распоряжении липецких архивистов оказались неопубликованные ранее документы о бесчинствах и произволе немецко-фашистских захватчиков.

22 июня 1941 г. ничего не предвещало начала войны. На страницах тербунской районной газеты «Вперед, к победе» было помещено постановление VIII пленума Курского обкома ВКП (б) от 12–14 июня 1941 г. «Об итогах весеннего сева, подготовке к уборке и заготовкам сельскохозяйственных продуктов в 1941 году», местные новости.

Но следующий день все изменил. В газете опубликованы: «Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел товарища В.М. Молотова 22 июня 1941 года», Указы Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения, мобилизации военнообязанных, Сводка Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 г.

Началась Великая Отечественная война, которая стала трагическим испытанием для многих миллионов людей. Смерть и разрушения, голод и нужда вошли в повседневную жизнь. Особенно тяжело жилось на захваченных врагом территориях. Отступление Красной Армии в 1941–1942 гг. порой было столь стремительным, что многие не успевали эвакуироваться. Не покидая родного дома, люди оказывались в чужом страшном мире.

Никогда не сотрутся в памяти народа зверства фашистских оккупантов на нашей земле. Казни, поджоги, расправы, гибель миллионов ни в чем неповинных людей. Множество женщин и детей пропали без вести, были угнаны в фашистскую неволю. Убийства и насилия дополнялись массовыми грабежами населения, разрушениями хозяйственных культурных объектов. Разве можно забыть это?

В Воловском районе не было ни одного населенного пункта, где бы не оставили кровавый след фашисты. Они убивали людей, сжигали дома – целые населенные пункты, уничтожали сады.

Из акта о материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками Воловскому району от 30 апреля 1943 г.:

«Расстреляно, повешено, сожжено – 239 человек, среди них 71 женщина и 61 ребенок, изувечено 102, уведено в неволю 71» [1, л. 4].

К этому акту приложен список жертв: Разводов Василий Степанович – Гатищенский сельсовет, расстрелян, Аносов Федот Иванович – Большовский сельсовет, сожжен, Калиничева Зинаида Сергеевна – Больше-Ивановский сельсовет, замучена, Бачурин Сергей Павлович – Воловский сельсовет, расстрелян и другие.

Фашисты жестоко расправились с председателем Замарайского сельского Совета коммунистом Петром Федоровичем Тетякиным, которого каратели схватили по доносу предателя. Его пытали, раздели, выводили на мороз, обливали холодной водой из проруби, затем расстреляли.

В районном центре немецкий офицер убил головой о стену двухлетнего сына Аксиньи Байковой за то, что ребенок плакал (об этом злодеянии будет сказано в выступлении Генерального прокурора СССР Р. Руденко через 4 года на Нюрнбергском процессе, когда военные преступники предстанут перед судом). [2, с. 229].

В селе Набережное фашисты расстреляли девять человек, в селе Нижнее Большое – колхозника Ивана Подоприхина.

Казнили юных героев из Волово – четырнадцатилетних пионеров Володю Бачурина и Колю Пикалова.

Володя Бачурин, хорошо зная местность, дважды переходил линию фронта, незамеченным добирался до Волово и соседних сел, где располагались немцы, приносил командованию сведения о дислокации и перемещении вражеских войск. Когда Володя в третий раз переходил линию фронта, его схватили гитлеровцы... Через несколько дней Наталья Ивановна, мать Володи, от переводчика фашистского лагеря военнопленных, находившего в соседнем селе, узнала, что ее сына расстреляли. Вместе с ним расстреляли и Колю Пикалова.

7 декабря 1941 г. в селе Вышнее Большое фашисты согнали в избу 58 человек – местных жителей и военнопленных солдат. Перед рассветом запалили ее. Люди бросились к выходу, но грянули автоматные очереди. Погибло 56 человек. Спаслись двое: Дорофей Иванович Руднев, спрятавшийся в печи, и неизвестный пленный красноармеец.

Вот, как рассказывал об этом сам Д. И. Руднев: «Я был дома по ранению, и немцы меня захватили. Схватили они и 13 человек односельчан, военнопленных с разных деревень и собрали нас к Гришанову в первый дом. Из этого дома перегнали в нежилую маленькую хатенку, и там мы сидели до ночи. В ночь (немцы) бросили три гранаты в

окно, побили, поранили и начали стрелять. Мы кричали: «Фашисты, паразиты, что вы делаете?!». Они подойдут и опять стрелять. Ну, стреляли, стреляли, а потом на утро, открыли дверь и начали выгонять, кто жив остался за ночь. Осталось мало в доме том людей, человек на 15, и этих остальных немец тоже заметил и выгонял. А затем из винтовки, из пистолета «хлоп, хлоп» расстреляли этих. А я в это время залез в печку и в печке спасся. Они (немцы) в это время отступать стали и зажгли избу, она была соломой крыта. Погорели люди остальные, потолок обвалился, я выскочил и перебежал к Матрене Матвеевне, от нее домой переполз, и вот таким путем я и жив остался».

Из воспоминаний Матрены Матвеевны Пикаловой: «Хорошо помню то утро. И эту хату помню – она стояла рядом с моей, в ней немцы держали лошадей. А потом лошадей вывели и в хату загнали мужиков и совсем еще мальчишек. Плеснули что-то у окон, крича друг на друга “Шнель! Шнель!”. И мигом все отбежали от хаты подальше. Хата горела недолго, но немцы крутились около нее до вечера – грели руки, подставляли к догорающим бревнам спины. А когда они ушли, я и другие бабы осмелились посмотреть. Какой ужас! Сколько людей заживо сгорели! Ахаем – охаем. Вдруг слышим: “Бабы, немцы тут есть?”. Отзываемся: “Ушли”. Из угла, где стояла печь, вылезает человек – “Я свой, Дороша Руднев...”. Занесли Дорофея в сенцы, два дня его прятала, а на третий он ушел» [2, с. 300].

С тех пор село Вышнее Большое называют «воловской Хатынью». На месте трагедии установлен обелиск, на котором начертаны имена 12 погибших в огне. Фамилии остальных так и остались неизвестными. А у подножия обелиска камни – единственное, что осталось от фундамента сгоревшей хаты. Надпись на обелиске гласит: «Мы должны помнить, помнить, чтобы жить».

Свидетельствует очевидец – Владимир Афанасьевич Барабанчиков – огородник колхоза «Волна революции»:

«Село Нижнее-Большое, там осталось сразу 60 семей сиротами. Случилось это так. Немцы собрали на сходку всех взрослых мужчин. А потом бандиты вышли из помещения, заперли дверь и подожгли здание, Все, кто пришел на «сходку», сгорели. Такое же зрелище немцы хотели устроить и в районном центре Волово перед вступлением в него Красной Армии. Собрали они 200 мужчин от 15 до 50 лет, заперли их в народном доме. Начался переполох, но что поделаешь: звери ходили с автоматами. Чуть что не так – очередь и нет человека. Но на этот раз несчастные спаслись: прилетели самолеты с красными звездами и стали бомбить немецкие поезда и автоколонны. Вскоре стали мы слышать артиллерийские выстрелы и разрывы. Поняли, что наши идут. А немцы в панике, видимо забыли об узниках и таким образом ни в чем неповинные люди, обреченные на верную смерть были освобождены» [3, с. 1].

В деревне Шатилово (ныне Ивановка Ожогинского сельсовета) Воловского района, в бывшей конюшне (два здания – барака) фашисты устроили концентрационный лагерь. Здание обнесли забором, обтянули колючкой. Рядом овраг, на краю которого расстреливали узников и прикапывали землей.

Сначала в концлагере содержались военнопленные. На сентябрь 1942 г. их насчитывалось 150 человек. А затем сюда помещались заподозренные в чем-либо жители округа, женщины и даже дети.

Узников заставляли строить линию обороны, рыть окопы, убирать урожай, ремонтировать дороги, зимой очищать их от снега, выполнять другие работы. Кормили их вареным просом. Воду в лагерь возили в бочке на телеге, в которую были впряжены пленные. Медицинская помощь раненым и больным не оказывалась.

К зиме военнопленных в лагере уже не было – осталось одно мирное население – около 200 человек.

Перед наступлением советских войск, когда оккупантам стало ясно, сто им уже не устоять, они попытались уничтожить лагерь вместе с находившимися там людьми. Узников заперли в конюшню, облили ее бензином и подожгли. Пленные, собравшись с силами, навалились на ворота, они сломались, и вся толпа высыпала на улицу. Оставленные несколько немецких солдат расстреляли обреченных. Спаслось около 20 человек. Среди них Фекла Стефановна Полунина из села Яковлево Тербунского района.

Вот как о тех страшных событиях рассказывала Елена Ивановна Исаева: «Наш дом находился напротив концлагеря. Для всех односельчан было испытанием жить рядом с таким местом. Положение находившихся там было тяжелым. Голодные, грязные, оборванные, измученные пытками. Деревенские женщины обливались слезами, глядя на них. Часто, когда не видели немцы, я носила пленным еду. Однажды фашисты устроили облаву, проверяли дома в поисках сбежавших.

Когда началось освобождение района, охранники закрыли лагерь с людьми и подожгли его. Автоматчики следили за тем, чтобы никто не смог им помочь. Люди сломали ворота, выбежали на улицу, но гитлеровцы их расстреляли» [2, с. 337–338].

На месте сожженного концлагеря сейчас стоит памятник с надписью: «На этом месте 25 января 1943 года фашистские оккупанты зверски убили 198 советских граждан. Вечная память погибшим...».

В Больше-Полянском районе немецкими оккупантами расстрелян и замучен 91 человек, среди них: 25 мужчин, 33 женщины и 33 ребенка. В фашистскую неволю угнаны 278 человек, среди которых 128 детей. [4, л. 10].

В Березовском сельсовете после трехдневных пыток и содержания в холодном помещении расстрелян 9-летний Витя Деханов только за то, что взял пустую папиросную коробку. В Березовке расстреляны Тупикин

Василий Михайлович и Корчагина Прасковья, за то, что нарушили комендантский час [4]. В колхозе «Вершина» убит 65-летний старик, в селе уничтожены 7 жителей. В селе Никольское колхозницу Ефремову Марию Петровну вместе 5 детьми выгнали из дома и на окраине села расстреляли, трупы убитых бросили в яму [4, л. 16–17 об.].

Полностью сожжено 8 населенных пунктов.

Из всех районов Липецкой области, бывших в оккупации, именно **Тербунский** понес наибольшие материальные потери. Эта местность волей истории стала одним из последних рубежей отступления, на котором развернулись затяжные оборонительные бои, а потом началось наступление наших войск.

Расстреляно 39 человек, 158 – угнаны в Германию [5, л. 9]. За время оккупации деревни Воейково гитлеровцы насильно отправили в Германию 8 человек: Кузнецову Веру Гавриловну, 1915 г. рождения, Кузнецову Марию Алексеевну, 1935 г. рождения, Кузнецова Николая Алексеевича, 1938 г. рождения, Демину Марию Михайловну, 1882 г. рождения и других. [5, л. 40].

В селе Урицкое фашисты расстреляли 15 человек, подверглись избиениям – 10, так Т. Ф. Мельгунова – за некачественное молоко [5, л. 34].

Полностью сожжены села и деревни Ивановка, Борки, Васильевка, Николаевка, Плехановка, Олымовка, А.-Бибиловка, Становлянка, два государственных элеватора, 18 школ, 4 клуба, 7 изб-читален, 3 больницы, 3 родильных дома, 2 аптеки, 8 магазинов.

Документы свидетельствуют о страшных и горьких событиях прошедшей войны, сколько бед и страданий принес фашизм в каждую семью, какой кровавый след оставил враг на советской земле, в том числе нашей, Липецкой.

Именно сегодня, как никогда следует помнить об ее уроках, о жертвах нацизма.

К сожалению, фашизм не уничтожен. Он возвращается, и вновь угрожает не только России. И как наизидание нам, потомкам, звучит призыв: «Мертвым память, живым – предостережение!».

Источники и литература

1. Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-856. Оп. 1. Д. 13.
2. Антипов В.В. Маленькая родина моя. Липецк, 2016.
3. Социалистический труд (Елецкий район). 1943. 18 апр.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 237.
5. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 293.

Е. А. Мымриков

СУДЖАНСКИЙ РАЙОН ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (МАРТ – ИЮЛЬ 1943 г.)

6 марта 1943 г. части 38-й армии освободили Суджанский район от немецко-фашистских захватчиков. В освободительных боях участвовали 167-я, 240-я и 237-я стрелковые дивизии при поддержке 180-й танковой бригады [9, с. 182]. 3-го марта Красная Армия освободила районный центр. 6-го марта советские войска выбили немцев с территории района [10, с. 840].

Боевые действия и немецкая оккупация нанесли ущерб народному хозяйству Суджанского района. Его восстановление стало основной задачей местных органов власти с марта по июль 1943 г.

Хронологически восстановление Суджанского района можно разделить на два этапа, гранью между которыми является Курская битва. В данной статье мы рассматриваем первый этап восстановления (март – июль 1943 г.). В этот период большая часть восстановительных работ подчинялась военным нуждам из-за прифронтового положения района.

После освобождения началось восстановление населённых пунктов, промышленных предприятий, колхозов, государственных учреждений. Уборка улиц и дворов от грязи и мусора на территории г. Суджи началась только 31 марта. Постановление № 1 Суджанского городского Совета депутатов трудящихся от 31 марта 1943 г. всем гражданам и учреждениям предписывало в обязательном порядке приступить к очистке улиц и дворов от грязи и мусора. Началось восстановление старых бомбоубежищ и сооружение новых [1, л. 1].

Жители восстанавливали народное хозяйство района. По материалам Суджанской районной газеты «Колхоз» за март – июль 1943 г., можно сделать вывод о 49-и действующих колхозах на территории района. Колхозники оказывали взаимную поддержку друг другу. Отступающие немецкие войска полностью уничтожили колхоз «Колос» Черкасско-Пореченского сельсовета. Помощь в его восстановлении оказывали колхозники колхоза «13 год Октября». Они передали пострадавшим 4 ц семенного материала [7, 16 мая]. Восстановительные работы позволили высадить на колхозных полях района к 9 мая 1943 г. 2 911,16 га яровых культур и 396,00 га картофеля [7, 9 мая].

К 4 апреля 1943 г. на территории г. Суджа возобновили деятельность следующие промышленные предприятия: промкомбинат, артель «Ткачиха», артель «Победа». Возобновляли работу предприятия пищевой промышленности. Восстанавливалась система управления. Начали деятельность государственные организации: райсовет, райсобес, районо, нарсуд, госбанк, райотдел связи, прокуратура и др. Помощь населению

оказывали аптека и нарбольница [1, л. 12]. Открывались образовательные учреждения.

Суджанский хлебокомбинат курского государственного треста «Росглавхлеб» в составе двух пекарен был восстановлен и вступил в эксплуатацию 15 апреля 1943 г. [4, л. 1]. За 1943 г. он произвел 361,1 т хлебобулочных изделий. Ассортимент был представлен ржаным хлебом, пшеничным хлебом, сухарями [8, с. 203–204]. Отсутствие транспорта отрицательно сказывалось на деятельности хлебокомбинатов Курской области. Но у суджанского насчитывалось 4 лошади, что являлось самым высоким показателем среди районных хлебокомбинатов после предприятий г. Курска [8, с. 205].

2 июня 1943 г. вступил в строй Суджанский птицекомбинат, который сразу же приступил к заготовке яйца и птицы [5, л. 4]. При этом сокращение поголовья в годы оккупации вызывало сложности в восстановлении данной отрасли и достижении плановых показателей.

После освобождения одной из основных проблем стало наличие большого количества осиротевших детей. Для ее решения в г. Суджа открыли детский дом, рассчитанный на 100 человек [7, 12 мая].

Убыль населения за годы оккупации, наличие нетрудоспособных членов семей, за которыми необходим уход, и низкая трудовая дисциплина в некоторых колхозах порождали проблему нехватки рабочих рук. Ее решали массовым привлечением всего трудоспособного населения района к трудовой деятельности. Основная тяжесть восстановления села ложилась на плечи женщин и пожилых людей [7, 9 мая]. Активную помощь в восстановлении района и хозяйственной деятельности колхозов оказывали трудовые бригады школьников [7, 4 июля]. Так, суджанские школьники участвовали в сельскохозяйственных работах летом 1943 г. и даже стали инициаторами призыва школьников Курской области к участию в сельскохозяйственных работах [6, 6 июля].

Низкий уровень трудовой дисциплины в некоторых колхозах мешал проведению восстановительных работ. Зачастую, неявка колхозников на работы была связана с наличием маленьких детей, за которыми требовался уход. Проблему решали с помощью организации детплощадок при колхозах [7, 9 мая]. Некоторые колхозники не являлись на работы из-за того, что обрабатывали собственные придомовые участки [7, 23 мая]. Большинство уклонистов от мобилизационных работ облагали штрафами [1, л. 1 об. – 2]. Злостных нарушителей наказывали лишением свободы [7, 25 июня]. Против недобросовестных колхозников проводили широкую кампанию в районной прессе.

Серьезной проблемой весны 1943 г. являлся высокий уровень заболеваемости сыпным тифом. Он был вызван отсутствием в достаточном количестве примитивных бань, дезкамер и обмывочных пунктов в колхозах, вследствие чего местным органам власти было сложно организовать санитарную обработку населения и сыпнотифозных очагов

[3, л. 53–54]. Основной причиной этого являлась нехватка ресурсов и квалифицированных рабочих. Так, постройка бани в г. Суджа затягивалась из-за привлечения плотников и каменщиков на другие участки трудового фронта и отсутствия тягловой силы [2, л. 1 об. – 2].

Суджанский район в марте – июле 1943 г. являлся прифронтовым районом, в котором активно шел восстановительный процесс. Он был связан с военными нуждами и проходил в тяжелых условиях. Суджанцам пришлось столкнуться с нехваткой рабочих рук, тяжелой эпидемиологической ситуацией и случаями нарушения трудовой дисциплины. Несмотря на них, местным органам власти удалось восстановить хозяйство района и наладить жизнь населения в условиях военного времени.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3662. Оп. 1. Д. 14.
2. ГАКО. Ф. Р-3662. Оп. 1. Д. 15.
3. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 18.
4. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 432.
5. ГАКО. Ф. Р-5098. Оп. 1. Д. 4.
6. Курская правда. 1943.
7. Колхоз. 1943.
8. Кононов Н.Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: Первые шаги к возрождению. Курск, 2018.
9. Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 / М. Л. Дударенко, Ю. Г. Перечнев, В. Т. Елисеев и др. М., 1985.
10. Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Сб. док-тов, Курск, 2007.

Р. С. Байрамов

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ВОЙСК ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1943 г.¹

Важным фактором победы в Великой Отечественной войне являлось грамотное распределение экономических ресурсов. В переломный момент войны, когда враг был разгромлен под Сталинградом и началась подготовка к Курской битве, вопрос материального обеспечения войск вновь актуализировался. На достижение победы в решающем летнем сражении 1943 г. были затрачены значительные ресурсы, но отдельные тыловые части Центрального фронта сталкивались с проблемами организации своей деятельности. Одной из них стало своевременное и

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90001\20»

качественное продовольственное снабжение, которое, зачастую, в силу некомпетентности и халатности отдельных должностных лиц, периодически нарушалось. В данной работе на основе вновь выявленных документов ЦАМО РФ рассмотрены отдельные проблемы организации продовольственного снабжения войск Центрального фронта весной-летом 1943 года. Проведенное исследование наглядно показывает, что возникавшие проблемы решались оперативно, но руководители на местах своим безответственным отношением к работе зачастую ухудшали ситуацию, не выполняя свои прямые обязанности.

Рассмотрение данного вопроса сегодня наиболее актуально, чаще всего исследователями особое внимание уделяется событиям, происходившим на фронтах, а деятельность по тыловому обеспечению войск остается в тени. Также актуальность данного исследования обуславливается слабым освещением в научной литературе, вопросы продовольственного обеспечения тыла Центрального фронта раскрывались во многих фундаментальных трудах [1]. К более детальному изучению проблемы в территориальных и хронологических рамках в своих работах прибегали О. Н. Аргунов, К. В. Яценко [2, с. 19–23], А. Э. Ларионов [3], но, не смотря на ранее проведенные исследования, данный вопрос остается открытым и его пробельность все еще остается существенной для истории Великой Отечественной войны.

В течение июня 1943 г. бригадой инспекторов Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии проводились проверки состояния продовольственной службы войск фронтов. Результаты показали, что снабжение войск в июне – июле 1943 г. значительно улучшилось, но все еще оставалось не в идеальном состоянии. Почти полностью была ликвидирована задолженность по неполученным в полной мере продуктам за истекший период, предусмотренным постановлением ГКО № 3425 от 24 мая 1943 г. «О результатах проверки положения дел с питанием красноармейцев на Калининском фронте» [4], начальники продовольственных отделов после событий произошедших на Калининском фронте, вместо того, чтобы всецело содействовать обеспечению войск продовольствием начали писать бесчисленное количество телеграмм в Упродснаб (Управление продовольственного снабжения) с заявками на отпуск продукции. Первостепенной задачей начальников продовольственных отделов на местах являлась заготовка продукции из местных средств. Продотделы (Продовольственные отделы) армий располагали всем необходимым для решения вопросов продовольственного снабжения, но некоторые начальники не справлялись с поставленной задачей [5]. Наряду с этим самозаготовки должны были проводиться в рамках плана по специально отведенным нарядам, а изъятые у местных колхозов продукты питания учитываться выдачей чековых требований, которые они могли предъявлять заготовительным органам, а те, в свою очередь, снизить размеры заготовок в зависимости от

количества переданного воинским частям зерна. Однако такой порядок практически никогда не соблюдался. В большинстве случаев самозаготовки были больше похожи на вооруженные ограбления [2, с. 19].

Согласно Постановлению Военного Совета Центрального фронта № 0172 от 20 июня 1943 г. «О ревизии финансово-хозяйственной деятельности довольствующих Управлений, Отделов» были установлены нарушения и недочеты. Так, несмотря на, сложную экономическую ситуацию с командования частей и отдельных лиц не удерживалась стоимость дорогостоящих сортов кетовой икры, белорыбицы, водки, голландского сыра и иных полученных ими продуктов, неположенных по нормам. Таким образом, сумма незаконно полученных продуктов составила 10 247 рублей 24 копейки.

По тарифам железнодорожных перевозок продфуража поставщикам было переплачено 13 642 рубля 39 копеек, также с поставщиков не удерживалась скидка в размере 5,5 % на поставленное для фронта масло. Упродснабом оплачено поставщикам стоимость продовольствия для лагерей НКВД в размере 3 524 рублей 69 копеек. С учетом вышеуказанных финансовых манипуляций сумма переплат составила 18 188 рублей 30 копеек.

В то же время производились множественные железнодорожные перевозки сверх установленных законом норм, которые не были оформлены никакими документами, в связи с этим Упродснаб не могло предъявить претензии к поставщикам или железной дороге, общий ущерб незаконной деятельности составил 261 414 рубля. Также отсутствовал учет тары, поставщикам со складов не было возвращено 823 313 мешков, воинскими частями не было возвращено складам 23 990 мешков.

Помимо финансовых потерь существенными являлись потери животного скота. Например, у заготовителя Шатеркина до передачи скота пунктам продскота погибло 117 голов крупного рогатого скота весом 16 280 кг. Потери были и на пунктах продскота № 6; 55; 90; 91– 219 голов крупного рогатого скота и 4 237 овец. Основной проблемой гибели и истощения скота была не организация фронтового запаса кормов, помимо вышеуказанных потерь на пунктах, скот потерял в живом весе 92 812 кг [6, л. 35].

Помимо гибели и истощения скота Совхозом № 15 было незаконно угнано 10 голов крупного рогатого скота весом 2 500 кг. Также незаконно было передано Военторгу фронта для организации подсобного хозяйства 87 голов крупного рогатого скота, весом 24 900 кг сдано на хранение колхозам и не истребовано обратно 9 голов крупного рогатого скота весом 2 090 кг и 158 голов овец весом 2 697 кг. Общие потери скота фронтового запаса составили 4 837 голов, весом 288 542 кг. Учет, находившегося на пунктах Упродснаба скота, никем не производился. Начальники пунктов списывали потери скота самостоятельно без визы Упродснаба. По факту

данных нарушений никаких расследований не проводилось и, соответственно, к ответственности никто привлечен не был [6, л. 36].

В связи с данными нарушениями Военный Совет Центрального фронта постановил Начальнику Управления Тыла генерал-майору интендантской службы Н. А. Антипенко за допущенные недочеты привлечь виновных к ответственности, генерал-майору интендантской службы Н. К. Жижину было поручено навести порядок с документацией и ученостью в Упродснабе. Материалы дела по потере скота передавались в ведение Военного Прокурора фронта. Должностные лица, виновные в потере скота фронтового запаса, привлекались к ответственности [6, л. 38].

В связи с проблемами, возникавшими в Упродснабе, для обеспечения фронта продфуражем было необходимо принимать дополнительные меры. Привлечение офицерского и рядового состава резерва стало важным элементом восполнения пробелов по заготовке продфуража. За летний период 1943 г. было заготовлено свыше 20 000 т мяса, на что потребовалось 1 157 человек, помимо этого было заготовлено 110 000 т сена с использованием 15 452 человек рядовых и 194 офицера, построено овощехранилища на 70 000 т. Однако мероприятия по привлечению рядовых и офицеров резерва были не узаконены, в связи, с чем возникали трудности. На протяжении всего времени издавались жесткие директивы о снятии людей с хозяйственных работ, что приводило к замедлению производства [7]. В тот же период бригады Управления тыла Центрального фронта при проверке 65-й армии в сводном отчете заостряли внимание на том, что армия не справляется с сенокошением и заготовками мяса ввиду недостатка рабочей силы [8].

В связи с неудовлетворительной работой по заготовкам скота областными конторами «Заготскот» Саратовской, Воронежской и Тамбовской областей и передачей его Полевой конторе № 2 для Центрального фронта. Например, Саратовская область из плана сдачи 3000 т скота в живом весе передала Полевой конторе № 2 всего 450 т, Воронежская и Тамбовская из плана 1 000 т каждая к сдаче скота даже не приступала. Кроме того, на 3-й квартал для Полевой конторы в Пензенской области установлен план 1 000 т скота. В целях оказания практической помощи Полевой конторе в реализации установленного плана в 6 000 т Военный Совет Центрального фронта от 20 июня 1943 г. Постановлением № 0176 обязывал Начальника тыла Центрального фронта генерал-майора Н. А. Антипенко выделить в распоряжение Упродснаба фронта до 1 сентября 1943 г. 100 человек начальствующего состава, 15 ветеринарных работников, в том числе 4 ветеринарных врача, а также необходимое количество автомашин, велосипедов и горючего [9].

Важной экономической составляющей являлся должностной оклад работников отдела заготовок Упродснаба фронта и отделения заготовок продовольственного отдела армии. В Упродснабе по штату числилось 30 человек, начальник отдела заготовок получал 2 000 рублей начальники

отделений (хлебофуражное, мясожировое, овощное, сельскохозяйственное) получали оклад в размере 1 400 рублей, оклад агронома составлял 1 200 рублей, а помощники начальников отделений, наряду с зоотехником и бухгалтером получали 1 000 рублей [10, л. 737]. Месячный оклад работников заготовок отделения армии, штат которого составлял 20 человек, был ниже. Оклад начальника отделения заготовок и агронома составлял 1 200 рублей, все помощники начальника и зоотехник получали по 900 рублей, а машинист получал 425 рублей [10, л. 736].

Таким образом, на примерах работы Управления продовольственного снабжения и продовольственных отделов фронта, мы в очередной раз видим, что зачастую проблемы тылового обеспечения начинаются на местах, где местное руководство расхищает и присваивает имущество, недобросовестно и халатно относится к своим обязанностям. Но и высшее руководство страны создавало проблемы занимаясь бюрократизмом в тех случаях, когда это было крайне не целесообразно, а после сетовало на отсутствие рабочей силы в тылу. Безусловно, все, возникавшие проблемы, пытались решать в кратчайшие сроки, но не всегда приказы высшего руководства выполнялись на местах.

Источники и литература

1. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. [и с предисл.] ген. армии С. К. Куркоткина. М., 1977. 559 с.
2. Аргунов О.Н., Яценко К.В. Хлебозаготовки в курской области в 1943 г.: к постановке проблемы // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 2018.
3. Ларионов А.Э. Продовольственное снабжение войск из местных ресурсов как аспект повседневной жизни рабоче-крестьянской красной армии в 1941–1945 [Электронный ресурс] // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennoe-snabzhenie-voysk-iz-mestnyh-resursov-kak-aspekt-povsednevnoy-zhizni-raboche-krestyanskoy-krasnoy-armii-v-1941-1945-gg/viewer> (дата обращения: 14.09.2020 г.).
4. Постановление ГКО СССР № 3425 от 24.05.1943 г. «О результатах проверки положения дел с питанием красноармейцев на Калининском фронте» [Электронный ресурс] // URL: <https://textarchive.ru/c-2909722-p23.html> (дата обращения: 15.09.2020 г.).
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 226. Оп. 354. Д. 6.
6. ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 427. Д. 3.
7. ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 427. Д. 20.
8. ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 427. Д. 17.
9. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 319. Д. 5.
10. ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354. Д. 7.

**ТОРФЯНОЙ СОЮЗ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1945 гг.**

Как известно, важную роль в развитии промышленных предприятий играла и играет топливная промышленность. В довоенный период топливная промышленность Курской области была представлена 5-ю шахтами, которые находились в Донбассе, Курским топливным трестом, а с 1940 г. – Курским областным управлением местной топливной промышленности, которое контролировало лесные и торфяные разработки, и Торфсоюзом, входившим в систему промысловой кооперации Курской области. В годы войны добычей торфа для собственных нужд занимались и крупные промышленные предприятия.

Торф в годы войны был основным источником получения электроэнергии и тепла для предприятий и населения области. Именно поэтому партийные и советские органы области уделяли развитию торфяной промышленности особое внимание. Вопросы подготовки торфопредприятий к сезону добычи торфа, о мобилизации населения для добычи торфа неоднократно обсуждались на заседаниях бюро Курского обкома партии и облисполкома.

На территории области имелось 1 264 торфоболота общей площадью 37,8 тыс. га (0,7 % территории области).

Запасы сырой торфяной массы составляли 413,9 млн кубм, или около 82 млн т воздушно-сухого торфа. Это только то, что было исследовано.

Больше всего болот находилось в северо-западной, а затем – в западной части области.

В 1940 г. добыча торфа всеми предприятиями области составляла 900 тыс. т. Эксплуатировалось только 230 торфоболот.

В 1943 г. действовало 197 торфоболот, в т. ч. 137 болот промышленных предприятий, 60 колхозных. По Управлению местной топливной промышленности работало 13 торфопредприятий, по Управлению промкооперации – 22 торфоартели на 58 торфоболотах [24, л. 68–70.].

Поскольку в годы Великой Отечественной войны угольные шахты в Донбассе были основательно разрушены, постольку после освобождения Курской области от немецко-фашистских оккупантов особое место в обеспечении топливом предприятий, госпиталей, больниц, воинских частей, школ, различных государственных учреждений и населения топливом заняли Курское областное управление местной топливной промышленности и Облромторфсоюз. Значение добычи торфа в 1943 г. выражалось лозунгом: «Торф добывать – что снаряды бойцам подавать».

Коротко остановимся на характеристике деятельности Облромторфсоюза в 1943–1945 гг., который до войны включал в свою

систему 26 артелей из 226 артелей промкооперации (по другим данным 38 артелей) с общей численностью членов 1 800 человек и производством валовой продукции в неизменных ценах 1932 г. в сумме 4 046 тыс. рублей [1, л. 34]. (В разных источниках даются неоднозначные суммы производства валовой продукции в 1940 г. – Н. К.).

С началом оккупации гитлеровцами Курской области Торфсоюз в октябре 1941 г. прекратил свою деятельность. Оккупанты нанесли значительный урон союзу, который, по далеко неполным данным, выражался в сумме 6 735 000 рублей. Полностью был разрушен промфонд союза, осушительная система приведена в полную негодность, поля сушки захламлены, остатки торфа довоенной добычи находились в разрушенных штабелях и т. п.

Деятельность Торфсоюза была возобновлена после освобождения области от оккупантов 22 февраля 1943 г. С 24 февраля 1943 г. временно исполняющим обязанности оргбюро союза сначала был назначен Александр Иванович Дмитриев, а несколько позже – Константин Николаевич Мирошников.

В соответствии с распоряжением за № 63 по оргбюро Курского облпромторфсоюза от 10 июля 1943 г. и на основании распоряжения за № 77 от 5 июля 1943 г. Уполномоченного при СНК РСФСР по Курской области союз возглавил бывший его руководитель, вернувшийся из рядов Красной Армии, инвалид Великой Отечественной войны Михаил Васильевич Толмачёв. К. Н. Мирошников был назначен его заместителем и заведующим производственным отделом – главным инженером Облпромторфсоюза [2, л. 1; 16, л. 3, 5].

Союз непосредственно подчинялся Управлению промкооперации во главе с Уполномоченным Управления промкооперации при СНК РСФСР по Курской области Соболевым Пансофием Александровичем, 1902 г. рождения, членом ВКП(б), образование высшее [8, л. 1].

Сразу же с организацией Торфсоюза были сделаны первые шаги к возрождению артелей промысловой кооперации, к подбору и расстановке кадров в освобождаемых районах области. В числе первых восстановлены такие артели, как-то: «Свой труд» Стрелецкого района, «Свой труд» Фатежского района, «Красный Кут» Медвенского района. Вскоре было восстановлено 20 торфоартелей с общей численностью членов в 300 человек [7, л. 1–3].

В 1943 г. для восстановления союза и торфоартелей было выделено 112 тыс. рублей капиталовложений, из которых освоено 92 тыс. рублей, или 82,1 % к плановому заданию [9, л. 41, 72].

Причины, не давшие торфоартелям освоить выделенные средства, были связаны с отсутствием проектов, строительных материалов, низкой квалификацией основной массы административно-управленческого персонала и производственных рабочих, поздним выделением самих кредитов, которые не могли быть освоены в короткое время. К тому же,

нередко артели восстанавливались силами своих рабочих, используя субботники, воскресники и т. д., что удешевляло процесс их строительства.

Недоосвоение выделенных государством капиталовложений неизбежно могло сказаться на выполнении Торфсоюзом производственной программы 1943 г. как по валовым показателям, так и по добыче торфа.

В этих условиях партийное и советское руководство Курской области особое внимание уделяло восстановлению топливной промышленности, работе Торфсоюза. В соответствии с решением бюро Курского обкома ВКП(б) от 29 июня 1943 г. по системе Облторфсоюза на 10 июля 1943 г. была проведена следующая работа. Для оказания практической помощи артелям Касторенского, Тербунского, Старооскольского, Ястребовского, Стрелецкого, Тимского, Щигровского, Свободинского, Ленинского (сельского), Фатежского, Бесединского районов направлены ответственные работники системы промкооперации, проведены мероприятия по расстановке рабочей силы и частично по ее увеличению, поднятию производительности труда.

Для торфяников, выполнявших нормы выработки, выделено 4 000 м хлопчатобумажной ткани, отпущено 11 тыс. м тканей на изготовление 2 680 платьев, кожтоваров для пошива 300 пар ботинок, передано 1,5 т хозяйственного мыла и т. п. И все же торфяникам не хватало рабочей силы, наблюдалось неудовлетворительное питание.

Многие члены кооперации трудились на оборонительных работах [25, л. 57].

В течение 3–4 кварталов проведена значительная работа по осушке, корчёвке и плитовке, по заготовке торфинструментов и оборудования (резцов, лопат, тачек, ведер и т. п.), по обеспечению рабочих-торфяников спецодеждой, обувью, постельными принадлежностями.

Несмотря на сложности военного времени некоторые торфоартели сумели наладить идейно-политическую и культурно-массовую работу, организовать соцсоревнование между артелями и внутри артелей, между болотами, бригадами, индивидуальные соревнования между рабочими артелей. Например, в Шабановской торфоартели Тимского района провели 9 собраний, 5 совещаний, создали редколлегии на каждом торфоболоте, выпустили 24 стенгазеты, заключили соцсоревнование с артелью имени Н. Крупской Ленинского сельсовета Курского района. Было заключено три договора на соцсоревнование между болотами, 14 – бригадных, 11 – индивидуальных договоров, проведено 4 собрания с докладами о международном положении [3, л. 5].

Благодаря усилиям работников союза за 1943 г. было восстановлено 28 торфоартелей, в которых на 1 января 1944 г. трудились 1 060 человек. Несмотря на военные действия добыча торфа в сезон 1943 г. производилась в 22 артелях на 55 торфоболотах. Планировалась добыча торфа в количестве 111 000 т, фактически было добыто 80 674 т, или 72,7 % к плановому заданию, пересушено торфа заготовки прошлых лет

53 571 т, а всего за сезон торфодобычи заготовлено 131 274 т. Из добытого торфа в количестве 80 674 т 29 718 т не были заштабелёваны, т. к. торф имел повышенную влажность. Из 30 артелей, планировавшихся к добыче торфа, только 5 артелей выполнили и перевыполнили плановые задания. Хуже других работали такие торфоартели, как «Ударник» Кривцовского района, выполнившая план на 19,6 %, «Свой труд» Фатежского района – на 30 %.

Основные причины невыполнения торфоартелями производственной программы заключались в отсутствии рабочей силы, в отселении населения в ходе военных действий, в отвлечении многих работников на строительство оборонительных рубежей, а также из-за позднего открытия сезона по добыче торфа в связи с военными действиями. В течение сезона артели вынуждены были вести необходимый ремонт осушительной сети и полей сушки. Немало было и организационных неурядиц.

Из 131 274 т заготовленного торфа было реализовано 88 730 т и вывезено – 52 658 т. Как видим, еще много оставалось не вывезенного и не реализованного торфа.

Это также было связано с отсутствием гужевого транспорта (об автомобилях не было и речи), рабочей силы. Так, в мае 1943 г. обеспеченность рабочей силой оценивалась в 28,2 %, в июне – в 60,5 %, в июле – в 79,9 %, в августе – в 86,2 % от требуемого количества в 2 500 человек.

Острая нужда была в кадрах. Из 22-х председателей артелей только 12 были знакомы с торфодобычей. Тоже касалось и десятников. Большинство руководителей и рабочих не знали торфяного производства и учились этому делу на ходу. Всё это привело к невыполнению показателей по росту производительности труда. Планировался ее рост в расчете на день на одного рабочего в 10 рублей 86 копеек, фактически же она сложилась в 7 рублей 18 копеек, или 66,1 % к плану.

Добавим к этому значительную текучесть рабочей силы, плохую организацию труда, неудовлетворительное проведение массово-политической работы во многих артелях, низкую квалификацию рабочих.

Несмотря на указанные трудности, всё же торфяникам удалось сделать многое по добыче торфа, по его сушке и вывозке. Среди работников по добыче торфа немало было и передовиков производства. Только среди стахановцев числилось 282 человека, или 12,2 % от всех рабочих [10, л. 259–260].

В силу указанных выше причин не был выполнен план и по выработке валовой продукции. Так, в 1943 г. Торфосоюзу планировалось выработать валовой продукции в н/ц 1932 г. в сумме 1 559,5 тыс. рублей, а выработано было в сумме 1 133,5 тыс. рублей, или 72,7 % к плану [11, л. 303].

На 1944 г. перед артелями торфяной промышленности были поставлены более сложные задачи. Торфосоюзу планировалось произвести

валовой продукции на 2 247 тыс. рублей [12, л. 4]. Впоследствии эта сумма была скорректирована в связи с отходом 4-х артелей к Орловской области.

Для реализации этой задачи Союзу выделялся один млн рублей капиталовложений [13, л. 120].

Было предписано в этом году восстановить 30 артелей. К середине года восстановлена 31 артель.

Для реализации производственной программы оргбюро Облпромторфсоюза в течение апреля-июня провело выборы органов управления и ревизионных комиссий артелей (до этого председатели артелей были назначены, т. к., не было времени для их избрания). Это повысило ответственность членов правлений артелей перед пайщиками и их активность. Увеличилась численность работников артелей. На 1 июня 1944 г. число пайщиков артелей возросло до 1 651 человека.

Были приняты меры по подбору и подготовке кадров: председателей, техноруков, десятников, бухгалтеров. Нужда в таких кадрах остро ощущалась и в 1943 г. Но тогда в силу идущих военных действиях, необходимости срочного вступления в сезон торфодобычи не было времени на их подготовку. Уже к середине 1944 г. через курсы Облпромторфсоюза, Главтоппрома и курсовые базы Уполномоченного УПК было подготовлено 105 человек, в т. ч.: 48 десятников, 34 бригадира по торфококсу, 9 техноруков, 7 бухгалтеров и др.

Благодаря этой работе к сезону торфодобычи 1944 г. артели в основном были обеспечены десятниками, за исключением 4-х артелей, которые не смогли прислать на курсы своих представителей.

Несколько улучшилась идейно-политическая и культурно-воспитательная работа в артелях. Беседы, читки газет, регулярные обсуждения на артельных собраниях различных постановлений коммунистической партии и Советского правительства, приказов И. Сталина стали обычным явлением.

Все артели активно участвовали в социалистическом соревновании. Были заключены соцдоговора между артелями, бригадами и рабочими артелей. Улучшилось обеспечение рабочих питанием [4, л. 5–6, 11].

Как видим, в 1944 г. работа торфозаготовителей проходила в более благоприятных условиях по сравнению с 1943 г. Враг был изгнан с территории области, что позволило провести некоторую работу по организационному укреплению артелей, по улучшению их кадрами, по обеспечению необходимым инструментом, оборудованием и т. п.

Правда, весна 1944 г. оказалась слишком затяжной, большие остатки не вывезенного торфа не дали возможности всем артелям начать добычу торфа раньше 3-й декады апреля. Из 30 артелей добычу торфа начали 24 артели.

Но и в этих условиях Торфсоюз успешно смог выполнить производственную программу и по валовым показателям, и в номенклатуре. Так по скорректированному плану топливной отрасли

предписывалось выработать валовой продукции в н/ц 1932 г. на 2077,3 тыс. рублей, произведено же её было на 2119,0 тыс. рублей, или на 102,0 % к плановому заданию (без ширпотреб) [23, л. 6].

Торфа планировалось добыть 134 тыс. т, а добыто 148,2 тыс. т, или 116 % к плановому заданию [14, л. 7].

Из всего добытого торфа заштабелёвано 98,9 %, реализовано 31 %, вывезено 14 %.

Немало артелей («Свой труд» Стрелецкого, «Шабановка» Тимского, «Передовик» Щигровского, «Основа» Беловского районов) досрочно выполнили свою производственную программу [5, л. 4].

В то же время ряд торфоартелей ее не сумели выполнить. Так, артель им. Кирова выполнила план на 47,1 %, артель «8 Марта» – на 74,4 %, артель «Красный боец» – на 73,3 % и т. д.

Наряду с выполнением производственного плана Торфсоюз в целом успешно провел болотно-подготовительные работы к сезону добычи торфа на 1945 г. Земляные работы были выполнены на 115,5 %, корчевка – на 129,5 %, плитовка – на 165,6 % [26, л. 1 об.].

Торфсоюз, наряду с добычей торфа, производил ещё швейную, трикотажную, деревообрабатывающую, химическую, кожевенную, металлическую продукцию. Всего же без торфодобычи в союзе было 6 производств, в каждой из которых трудилось от 2 до 13 человек. Они вырабатывали продукцию ширпотреба, которая входила в подсобную деятельность союза и занимала 9,4 % в общем объеме его валовой продукции.

В систему Торфсоюза входило 27 работающих артелей, в которых имелось 105 общих мастерских, в т. ч. в торфодобыче – 85. В них в среднегодовом исчислении трудились 1 472 рабочих, из которых 454 человека были наемными, в т. ч. в торфодобыче – 1 391 и 440 человек. На 1 января 1945 г. в общих мастерских союза состояло на учете 527 человек.

Всего же на 1 января 1944 г. в Торфсоюзе числилось 1 060 человек, на 1 января 1945 г. – 2 079 человек. Все они были сельскими жителями. В период торфосезона численность рабочих возрастала.

Лиц, непосредственно занятых на производстве, насчитывалось 527 человек, среди которых 500 женщин. Учеников в союзе насчитывалось 5 человек, ИТР – 151, служащих – 70, МОП – 136.

Реальный план капвложений на 1944 г. составлял 561 тыс. рублей, из которых освоено 322 тыс. рублей и введено в действие на 247 тыс. рублей. Все эти средства были направлены в торфяное производство.

На капитальный ремонт было направлено 30 тыс. рублей, которые были полностью освоены.

На 1944 г. Союзу планировалось иметь 27 единиц административно-управленческого персонала, фактически же их числилось 20 человек, на 1 января 1944 г. – 13 единиц.

Из 27 артелей 16 были крупными, которые насчитывали от 50 до 200 человек [15, л. 48–143].

Важную роль в выполнении производственной программы, в выработке качественного торфа призвано было сыграть строительство торфобрикетного завода в с. Сараевка Солнцевского района на Дежевском торфомассиве при артели им. 20-й годовщины Октября, на сооружение и оборудование которого из Фонда долгосрочного кредитования (ФДК) Советское правительство выделяло 250 тыс. рублей. Из них освоено было только 68,4 тыс. рублей, или 27,4 % к плану [12, л. 4].

Основанием для строительства торфобрикетного завода были: распоряжение СНК РСФСР за № 70 от 14 января 1944 г., приказ УПК при СНК РСФСР за № 112 от 24 января 1944 г. и приказ УПК Курской области от 5 февраля 1944 г.

Планировалось введение его в эксплуатацию согласно приказу УПК при СНК РСФСР за № 1204 от 20 сентября 1944 г. с 15 декабря 1944 г.

На 10 октября 1944 г. были построены стены завода с верхней обвязкой и проемы для окон и дверей, завезено 4,5 тыс. штук огнеупорного кирпича для кладки печи в сушильном цехе, приступили к клинцовке стен здания завода. На стройке было занято всего 3 плотника. Но с августа 1944 г. стройку остановили из-за отсутствия длинномерного лесоматериала, толи, стекла. Не было завезено и оборудование, которое изготовлялось в Москве.

Поэтому стройку в 1944 г. не удалось завершить. Введение в эксплуатацию торфобрикетного завода было перенесено на 1945 г. [16, л. 3, 6].

В 1945 г. работа Торфсоюза значительно оживилась. В этом году союз включал в свою систему 27 артелей, работавших в 28 административных районах. Все артели были укомплектованы председателями и бухгалтерами. Не хватало техноруков: требовалось 25 единиц, а в наличии было 11, культработников – соответственно 14 и 3, а всего требовалось 93 человека, а в наличии было 68.

По аппарату Союза требовалось 13 единиц, в наличии было 12.

В течение 1945 г. сменилось 10 председателей артелей, 6 техноруков, 10 главбухов. Часть из них сняты, как не справившиеся с работой, и были заменены инвалидами Великой Отечественной войны и вновь подготовленными кадрами.

Среди председателей артелей было 15 членов ВКП(б), 8 инвалидов Великой Отечественной войны и 3 человека, демобилизованные из Красной Армии.

Планировалось подготовить кадров в количестве 75 человек, было подготовлено 50 человек, в т. ч.: младших техноруков 26 человек, завпроизводством – 5, бригадиров – 15 человек и т. д. Но в целом кадрами союз был обеспечен [17, л. 25–27].

Выдвинутые на руководящие должности ряда артелей демобилизованные из Красной Армии воины успешно справлялись с работой. Так, торфяной артелью «Свой труд» Фатежского района стал руководить Сергей Иванович Чаплыгин, член ВКП(б), инвалид Великой Отечественной войны. На основе проведения культурно-массовой и политико-воспитательной работы среди членов артели и организации соцсоревнования план 1945 г. был выполнен артелью 10 июля 1945 г. на 144 %. Артель «Свой труд» в течение сезона торфодобычи дважды получала переходящее Красное знамя Курского облисполкома и денежные премии.

Ряд работников из ранее созданного резерва были выдвинуты на руководящие должности. Например, Дьячкова выдвинута на должность председателя торфоартели «3-я пятилетка» и успешно выполняла свои обязанности [18, л. 4].

Подготовка к сезону торфодобычи началась с весны 1945 г.

В целях проверки готовности артелей к сезону торфодобычи и привлечения к этой работе основной массы членов артелей в феврале-марте 1945 г. проведена работа по созданию спецкомиссий, которые проверили готовность производственных участков и в целом артелей к сезону. Итоги проверок были обсуждены на собраниях работников производственных участков.

На этих собраниях были обсуждены и вопросы о распределении прибылей за 1944 г., о готовности артелей к сезону добычи торфа в 1945 г., утверждены договора о соцсоревновании между производственными участками.

В целом итоги готовности системы союза к сезону добычи торфа 30–31 марта 1945 г. были подведены на областном совещании инженерно-технических и руководящих работников и стахановцев системы с участием председателей артелей и техноруков.

Было учреждено переходящее Красное знамя Торфсоюза, которое ежемесячно вручалось передовой артели, и красные флажки для рабочих, которые ежедневно вручались тем, кто перевыполнял установленную норму выработки.

Еще в III–IV кварталах 1944 г. были успешно завершены болотно-подготовительные работы к сезону торфодобычи 1945 г. Своевременно заготовлены необходимые инструменты и оборудование (резцы, лопаты, вёдра, тачки и т. п.). Позаботились и об обеспечении рабочих питанием, обувью и постельными принадлежностями.

В соответствии с постановлением ГКО за № 6579 от 4 ноября 1944 г. для торфосезона закреплено 2 385 человек. Недостающих 259 человек планировалось изыскать на местах.

В течение сезона добычи торфа для оказания практической помощи в работе артелей работники производственного отдела союза выезжали на места.

В первой половине ноября 1945 г. было проведено очередное областное совещание инженерно-технических и руководящих работников союза с участием лучших бригадиров производственных и молодежно-комсомольских бригад, на котором были подведены итоги работы по добыче торфа в 1945 г.

В 1945 г. были укреплены ревизионные комиссии артелей, которые провели целый ряд обследований и ревизий артелей, в ходе которых были устранены выявленные недостатки в их работе. Виновники в растрате денежных средств были сняты с работы и наказаны.

В 1945 г. особое внимание уделялось развертыванию социалистического соревнования. Наряду с проведением совещаний, собраний по артелям и бригадам с начала года по всем производственным участкам были изготовлены доски показателей, а в конторах артелей – доски почета. На них ежедневно заносились производственные показатели бригад, а в ряде случаев – и рабочих. На досках почета вывешивались фотографии лучших бригад и стахановцев с производственными показателями.

В Торфсоюзе в период сезона работали областная Доска показателей и Доска почета. Ход соцсоревнования артелей и бригад освещался в областных и районных газетах, а также в стенных газетах, «молниях» и в «боевых листках», которых было издано 312 экземпляров.

Для проверки хода соревнования представители соревнующихся артелей посещали друг друга. Было осуществлено 18 таких выездов.

В ходе соцсоревнования лучшим артелям вручались переходящие Красные знамена Курского облисполкома, Курского обкома ВЛКСМ и Торфсоюза (артелям и бригадам) и денежные премии. Передовикам производства за лучшие показатели в работе вручались красные флажки.

После разгрома гитлеровской Германии все артели включились в социалистическое соревнование в честь Победы. Соревнование приняло массовый всеохватывающий характер. Оно носило межартельный, межцеховой, межбригадный и индивидуальный характер.

Идя на встречу 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, все комсомольско-молодёжные бригады Управления промкооперации включились и в предоктябрьское соцсоревнование.

В результате проведенной работы в соревновании участвовали все артели, бригады и большинство рабочих. В соревновании участвовало 26 артелей, 56 производственных участков, 212 бригад с охватом 2 049 человек [6, л. 3–4, 19–22].

Для выполнения производственной программы 1945 г. союз организовал 70 молодежно-комсомольских бригад с охватом 622 человека. Для них были созданы все условия в работе, поощрялся опыт передовых бригад, он передавался в другие бригады и артели путем выезда передовиков на места, в виде направляемых писем, путем проведения

собраний, совещаний. Опыт работы лучших бригад освещался в районных газетах, в областной печати, по радио, в стенгазетах. Передовики поощрялись почётными грамотами и денежными премиями.

Большую роль в этом играли культработники. И там, где активно проводилась идейно-политическая и культурно-массовая работа, там артели и бригады не только выполняли, но и перевыполняли производственную норму. Это относилось к работе культработников артелей «Свой труд» Фатежского района, «Красный Кут» Медвенского района и др.

Благодаря такой работе многие молодёжно-комсомольские бригады выполняли и перевыполняли производственную норму. Например, бригада Стариковой старооскольской торфоартели «Красная заря» за май 1945 г. выполнила производственную программу на 150 %, а сама Старикова выполняла ее на 200–250 %.

Летом – осенью в трудных условиях торфосезона 1945 г. бригада выполняла производственные задания на 200–300 %. Бригада Стариковой нарезала 10 000–12 000 кирпича-торфа при задании в 4,5 тыс. штук при хорошей погоде. За добросовестный труд Старикова была награждена значком «Отличник промкооперации», стала участницей 2-го Всероссийского совещания бригадиров молодежных бригад, на котором поделилась опытом своей работы. Она также была делегатом областного совещания, премирована дважды ценными подарками и деньгами. Ее бригада в соцсоревновании завоевала 1-е место и получила переходящее Красное знамя Курского ОК ВЛКСМ.

По примеру Стариковой в данной артели организовано четыре комсомольско-молодежные бригады.

Ударно трудились молодежные бригады Р. Е. Переверзевой, Р. Е. Медведевой. Их бригады также завоевывали переходящие Красные знамена Курского ОК ВЛКСМ.

Бригада Ходырковского торфоартели «Свой труд» Стрелецкого района выполняла норму на 120 %, бригада Лушина – на 110 %.

Комсомольско-молодежная бригада Анастасии Никитичны Новиковой на сушке торфа выполняла нормы на 260 % и за август 1945 г. получила переходящее Красное знамя Курского обкома ВЛКСМ.

И такие примеры можно было бы продолжить.

В течение сезона торфодобычи выявилось 119 стахановцев, перевыполнявших норму на 200–300 %.

За отличные показатели в работе 10 человек были представлены к награждению значком «Отличник промкооперации» и все его получили [19, л. 1–4, 5–15, 25–27].

Широко развернутое соцсоревнование, подкреплённое культурно-массовой работой, дало свои положительные результаты. Курский облторфсоюз вышел победителем в ходе соцсоревнования с Воронежским торфсоюзом.

В результате производственная годовая программа по добыче торфа при плане в 125 тыс. т была выполнена на 135 776 т, или на 108,6 % к плановому заданию.

Планировалось выработать валовой продукции в н/ц 1932 г. (без ширпотреба) в сумме 1 756,3 тыс. рублей, фактически же было выработано в сумме 1 907,6 тыс. рублей, или 108,6 % к плану.

С учетом производства ширпотреба союзу планировалось выработать валовой продукции на 1 956,3 тыс. рублей, а было выработано на 2 084,9 тыс. рублей, или на 106,6 % к плановому заданию.

Однако план по выработке торфобрикета в количестве 2,5 тыс. т не был выполнен из-за задержки пуска торфобрикетного завода [20, л. 6–7, 133, 242].

Больше других добыли торфа артели «20 лет Октября», «Свой труд» Фатежского района (председатель С. И. Чаплыгин), «Красный Кут» (председатель артели Берлизев), им. Крупской Ленинского района (председатель артели Г. М. Никитин). Артель им. Крупской в 1945 г. за май и июнь была признана победителем соцсоревнования артелей промкооперации области и была награждена переходящим Красным знаменем Курского облисполкома и дважды денежной премией по 10 тыс. рублей.

Однако из 27 артелей Торфсоюза (артель «Ударник» не работала) 7 не выполнили установленную производственную программу. Хуже других работали артели: «Красный боец», «8-е Марта» и «Ясная Поляна» [21, л. 1–3].

В 1945 г. на восстановление артелей Торфсоюза выделялось 578 тыс. рублей капиталовложений, из которых освоено по сметной стоимости на 449,0 тыс. рублей, по фактической стоимости – на 508 тыс. рублей, или на 77,7 % – по сметной и на 113 % – по фактической стоимости.

На продолжение восстановительных работ торфобрикетного завода направлялось 426 тыс. рублей, из которых выполнено по сметной стоимости на 274 тыс. рублей, по фактической – на 326 тыс. рублей, или на 64 % – по сметной и на 120 % – по фактической стоимости.

Как видим, сметная стоимость объектов значительно уступала их плановой стоимости.

На 1 июля 1945 г. построено здание завода, но без крыши, стены оштукатурены глиняным раствором снаружи и изнутри. Потолок не оштукатурен из-за отсутствия алебастры. Задержка строительства завода произошла из-за не поставки оборудования, которое производилось в Москве [22, л. 38, 44, 150–151].

Причины не освоения выделенных капиталовложений были связаны с отсутствием оборудования и строительных материалов, транспорта, с низкой квалификацией рабочих и др.

Итак, в 1943–1945 гг. Облпромторфсоюз Управления промысловой кооперации Курской области провел значительную работу по

восстановлению торфоартелей, по активизации их деятельности для добычи торфа, как важнейшего источника топлива в годы Великой Отечественной войны. И если в 1943 г. торфокооперативами было добыто 80 674 т торфа, то в 1945 г. – 135 776 т, или на 168,3 % больше. На 167,9 % увеличилось и производство валовой продукции в н/ц 1932 г. Однако, учитывая, что в 1940 г. Торфсоюзом было выработано 288 тыс. т торфа, то увидим, что добыча торфа в 1945 г. составила только 47,1% к довоенному уровню [1, л. 34].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 11.
2. ГАКО. Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 186.
4. ГАКО. Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 211.
5. ГАКО. Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 13.
6. ГАКО. Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 25.
7. ГАКО. Ф. Р-4876. Оп. 2. Д. 1.
8. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 117.
10. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 119.
11. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 55.
12. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 121.
13. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 120.
14. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 63.
15. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 61.
16. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 100.
17. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 16.
18. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 20.
19. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 15.
20. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 64.
21. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 15.
22. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 122.
23. ГАКО. Ф. Р-5281. Оп. 1. Д. 63.
24. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3383.
25. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3064.
26. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3697.

М. В. Яценко

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. принесла много горя и бедствий жителям нашего государства. Радость от Великой Победы всегда омрачалась горечью от осознания того, сколько верных сынов своей

Родины было не только убито, но и покалечено в годы войны. После окончания войны, долгом и честью страны стала забота о людях, ставших инвалидами в ходе боевых действий. Принимая во внимание реальные силы и возможности Советского государства в это время, можно с уверенностью утверждать, что для инвалидов Великой Отечественной войны делалось немало. И Курская область не стала исключением.

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 29 августа 1945 г., в Курской области в 1946 г. была развернута работа по точному учету инвалидов Отечественной войны, нуждающихся в долечивании травм и заболеваний, полученных на фронте.

В каждом районе области были организованы врачебно-отборочные комиссии, в задачу которых входило выявление на местах нуждающихся в долечивании инвалидов Отечественной войны, определение им места и характера лечения.

Эти комиссии вели учет тяжело больных инвалидов Отечественной войны и наблюдали за их состоянием путем периодических медицинских обследований на квартирах, для чего районными больницами, городскими поликлиниками были введены особые штатные патронажные сестры, которые проводили систематическое наблюдение и лечение тяжело больных инвалидов Отечественной войны на дому [1, л. 36].

По результатам работы областной врачебно-отборочной комиссии за 1946 г. было направлено в санатории 922 инвалида Великой Отечественной войны, направлен на стационарное лечение 501 человек, направлено в межобластные госпитали 93 человека [1, л. 40].

В межрайонных и районных больницах инвалиды Отечественной войны принимались на стационарное лечение вне всякой очереди, в зависимости от тяжести заболевания и возможностей медицинских работников оказать им медпомощь на месте.

За 1946 г. в межрайонных больницах на специально предоставленные для инвалидов Отечественной войны койки было принято на лечение 1718 больных, которые провели там 21 530 койко-дней [1, л. 36].

Ряд межрайонных больниц проделали исключительно большую работу по количеству принятых больных на стационарное лечение и качеству оказанной лечебной помощи. Из них заслуживают быть отмеченными: Валуйская районная больница, принявшая 515 больных, которые провели в ней 5 253 койко-дня; Иванинская районная больница – 470 больных, проведших 1 890 койко-дней; Белгородская городская больница – 139 больных, проведших 3 781 койко-день; Старооскольская больница – 105 больных, проведших 1 881 койко-день; Дмитриевская больница 73 больных, проведших 2 816 койко-дней [1, л. 36, 39].

Для инвалидов Отечественной войны, которым не могла быть организована медицинская помощь на месте в районе, отдел госпиталей облздравотдела развернул массовую медицинскую работу по их

обслуживанию через областную поликлинику для инвалидов Отечественной войны, где каждый больной, нуждающийся в долечивании, обследовался и при необходимости получал соответствующее направление на спецлечение.

Стоит отметить, что абсолютное большинство инвалидов Отечественной войны нуждались, в основном, в хирургическом лечении. 6 ноября 1946 г. было открыто хирургическое отделение госпиталя на 100 коек. В этом году на стационарном лечении в нем находилось 130 человек. Произведено операций – 91, переливаний крови – 77. В работе стационара госпиталя принимали участие профессор и два ассистента. На базе госпиталя была развернута хирургическая клиника Курского медицинского института [1, л. 40].

Большая работа в деле обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны была проделана Курской областной больницей. Так, в течение 1946 г. при областной больнице было выделено 70 коек для инвалидов Отечественной войны, где получили спецлечение 230 инвалидов Отечественной войны, нуждающихся в высококвалифицированной медпомощи, проводших в ней 7 713 койко-дней [1, л. 40].

Всего за 1946 г. областной больницей было принято на лечение в различных отделениях 714 инвалидов Отечественной войны. Общее количество проведенных ими койко-дней – 21 188 [3, л. 25].

По отделениям и заболеваниям они распределились следующим образом.

В терапевтическом отделении лечилось 90 человек. Самая большая группа из них – 25 человек с язвенной болезнью и гастритом, 16 человек с абсцессами легких. Кроме того, были больные с туберкулезом легких и других органов, заболеваниями почек, ревмокардитами, пневмонией, раком желудка.

В хирургических отделениях лечилось 376 человек, в том числе, больные с трофическими язвами после огнестрельных ранений, с повреждениями периферической нервной системы, хроническими огнестрельными остеомиелитами.

В неврологическом отделении проходили лечение 38 человек с остаточными явлениями после контузии, сотрясений мозга и ранений центральной и периферической нервной системы.

В ушном отделении – 17 человек с заболеванием среднего уха, носа и придаточных полостей, пищевода, травмами челюстей.

В глазном отделении – 76 с травматическими иридоциклитами и катарактами, помутнениями стекловидного тела, ранениями сосудисто-нервного аппарата глаза.

В венерическом отделении – 117 человек, из них 112 человек с различными формами сифилиса и 5 человек дерматологических больных [3, л. 25].

Все инвалиды Отечественной войны подвергались по мере надобности тщательному лабораторному и рентгенологическому обследованию [3, л. 25].

В кабинете восстановительной хирургии поликлиники № 1 города Курска принимались и лечились инвалиды Отечественной войны, как проживающие в городе Курске, так и прибывающие из различных районов области.

На 1 января 1946 г. на учете в этом кабинете состояло 376 инвалидов. За год было принято на учет еще 49 человек. Таким образом, к концу 1946 г. на учете состояло 425 человек [4, л. 28].

Кроме перевязок, оперативного и медикаментозного лечения, инвалидам войны широко назначалась физиотерапия.

В последующие послевоенные годы внимание к медицинскому обслуживанию инвалидов войны не ослабевало.

По состоянию на 1 января 1948 г. в медицинских учреждениях Курской области состояло на учете 11 960 инвалидов Великой Отечественной войны, к концу года осталось – 11 255 [2, л. 51].

Таким образом, в результате лечения инвалидов, а также за счет выбывших из Курской области в другие области, цифра оставшихся инвалидов на учете уменьшилась на 705 человек [2, л. 51].

В целях реализации приказа Министерства здравоохранения СССР № 530 от 27 августа 1948 г. в области были проведены следующие мероприятия:

- 1) во всех лечебных учреждениях области инвалиды Отечественной войны принимались на лечение в первую очередь;
- 2) во всех районных и областных больницах выделялись специальные койки для инвалидов;
- 3) осуществлялся контроль за работой районных больниц по медицинскому обслуживанию инвалидов;
- 4) проводился переучет инвалидов Отечественной войны, нуждающихся в восстановительном лечении [2, л. 53].

10 июля 1948 г. был издан приказ Министерства здравоохранения СССР № 417 «Об обеспечении мотоколясками инвалидов Отечественной войны». К концу 1948 г. через облсобес было получено 17 заявлений от инвалидов Отечественной войны об обеспечении их мотоколясками, по которым все эти инвалиды были вызваны и обследованы. В результате 3 человека были возвращены по месту жительства, как не отвечающие требованиям инструкции о выдаче мотоколясок, а 14 человек обучены и обеспечены мотоколясками [2, л. 53, 54].

По приказу Министра здравоохранения СССР и Министра социального обеспечения РСФСР № 588/595 от 25 сентября 1948 г. проводилась работа по обеспечению инвалидов Великой Отечественной войны протезами [2, л. 54].

Инвалиды, нуждающиеся в сложном протезировании, выявлялись и помещались на стационарное лечение в госпиталь. Первичное протезирование велось так же в госпитальных условиях.

Через врачей районов, ответственных за лечение инвалидов, осуществлялось диспансерное наблюдение за инвалидами, снабженными протезами [2, л. 54].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать определённые выводы. Несмотря на весьма скудные послевоенные ресурсы государства, когда значительная часть страны лежала в руинах, государство не забывало о тех, кто защитил ее от фашистского нашествия, в том числе о тех, кто стал инвалидами, нуждающимися в медицинской реабилитации.

В стране была создана определенная система оказания медицинской помощи инвалидам Великой Отечественной войны, результаты этой работы в первые послевоенные годы мы видим на примере Курской области.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 205.
3. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 313.
4. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 314.

В. Э. Емельянов

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ВЛАСТЕЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН (1965–1975 гг.)

Проблема регулирования цен прослеживалась в большинстве регионов Советского Союза. Недостаточный контроль реализации ценовой политики государства приводил к снижению уровня торгового обслуживания граждан. Несвоевременное определение розничной цены товара и ненадлежащий контроль за ее уровнем приводили к негативным последствиям. С одной стороны, происходило удорожание товаров первой необходимости, на которые должен был быть понижен денежный ценз, в связи с указаниями высших органов власти. Их либо вообще было невозможно приобрести, либо их стоимость была чрезвычайно высокой. С другой стороны, страдал бюджет государства, вследствие неполучения части прибыли от продажи продукции, которая в соответствии с распоряжениями властей должна была становиться дороже.

В Курской области остро стоял вопрос точной реализации ценовой политики и соблюдения установленных розничных цен в торговых предприятиях. Наблюдались нарушения розничных цен в магазинах

области, что негативно сказывалось на покупательской способности населения.

В решении Курского областного Совета народных депутатов трудящихся № 563 от 2 августа 1967 г., основанном на постановлении Совета Министров РСФСР от 23 июня 1967 г. № 467 «О мероприятиях по усилению борьбы с нарушениями государственных розничных цен» [1], отмечалось, что в организациях и предприятиях государственной торговли и потребкооперации имели место факты грубого нарушения государственных розничных цен, обсчет и обмер покупателей. Проверкой, проведенной областным управлением государственной инспекции по качеству товаров и торговле, было установлено, что в ряде случаев товары низших сортов продавались по ценам высших сортов, а уцененные товары реализовывались по ценам, существовавшим до уценки. Особенно много фактов нарушения цен, обмера, обвеса покупателей удалось выявить в Фатежском, Обоянском, Солнцевском, Тимском райпотребсоюзах; Курском «Горкоопторге», «Горпищеторге», ОРСе НОД-9, «Горплодоовощторге». Заведующая универмага Обояни Зарубинова продавала пальто женское по цене 153 рубля 27 копеек вместо 149 рублей 41 копейка. С базы Курского «Горплодоовощторга» в торговую сеть было отпущено 3 195 кг масла животного первого сорта по цене высшего сорта, в результате чего с покупателей выручено свыше 639 рублей. Управление торговли и облпотребсоюз ослабили контроль за применением действующих розничных цен, своевременным проведением инвентаризации и переоценки товаров, не принимали мер к повышению ответственности руководителей торговых предприятий за строгое соблюдение государственных розничных цен и к пресечению случаев обмана покупателей. Только за 1967 г. от завышения цен на товары народного потребления госторгинспекцией было предложено изъять у торгующих организаций в доход госбюджета 1 373 рубля. В ряде торгующих предприятий измерительные приборы находились в запущенном состоянии, нередко использовались неисправные весы, гири, дозаторы и фасовочные аппараты. Серьезные недостатки имелись в деле обеспечения торговых организаций прейскурантами розничных цен [2, л. 122–123].

Для решения проблем, связанных с регулированием цен и стабилизации ситуации, Курским облисполкомом были приняты меры по усилению контроля со стороны руководителей торговых предприятий и регулярному доведению до них цен, установленных Министерством торговли.

В соответствии с решением Курского облисполкома № 563 от 2 августа 1967 г. вводились обозначения розничных цен на все без исключения товары народного потребления, выпускаемые предприятиями без тары и упаковки, по номенклатуре. В секторе цен областного планового управления была организована библиотека прейскурантов и

справочников по розничным ценам и тарифам для обслуживания предприятий и организаций области. При изменении розничных цен новые прейскуранты до торгующих организаций доводились не позднее, чем за 10 дней до срока переоценки товаров. До 1 октября 1967 г. во всех торговых предприятиях предписывалось провести проверку состояния измерительных приборов, дозаторов, фасовочных аппаратов [2, л. 124–125].

Принятые меры не смогли коренным образом изменить ситуацию. Все также в значительном количестве фиксировались факты нарушения установленных со стороны государства розничных цен.

Так, в решении Курского облисполкома № 407 от 16 июля 1968 г., опирающегося на постановление Совета Министров РСФСР от 6 мая 1968 г. № 286 «О фактах грубых нарушений государственных розничных цен и правил торговли в Омской области и Чувашской АССР» [3], были приведены факты нарушения государственных розничных цен, обвес, обсчет и обмер покупателей и в Курской области. Проверкой, проведенной облпланом, управлением торговли, облпотребсоюзом, управлением госторгинспекции, городскими (районными) комиссиями по контролю за соблюдением цен и правил торговли были установлены случаи завышения розничных цен, обвес, обсчет и обмер покупателей в магазинах Суджанского, Кореневского, Касторенского, Черемисиновского, Обоянского райпотребсоюзов, Курского «Горкоопторга», «Горпромторга», «Горхлебторга», «Горпищеторга», «Горплодовошторга», ОРСа НОД-9. В Кореневском райпотребсоюзе из 80-и проверенных предприятий торговли, продажа товаров по завышенным ценам была выявлена в 15-и из них. В Горшеченском райпотребсоюзе из проверенных 140-а предприятий торговли, нарушения правил торговли зафиксировали в 56-и, что составило 40 % от общего числа проверенных торговых предприятий. В магазине № 71 Курского «Горпромторга» в реализации находилось не переоценённое полотно набивное; в магазине № 34 «Горхлебторга» продавался хлеб по завышенной цене [4, л. 60].

В начале 1970-х гг. в стране наблюдалось некоторое улучшение материального обеспечения граждан. Увеличение заработка приводило к росту спроса на промышленные и продовольственные товары, соответственно увеличился товарооборот. В то же время в значительном количестве продолжали фиксироваться факты нарушения государственных розничных цен. Промышленные предприятия области шли на ухищрения, чтобы компенсировать потерю денежных средств при производстве товаров.

Эти факты отмечались в постановлении № 477 от 10 августа 1971 г. Курского облисполкома, принятом в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июня 1971 г. № 378 «О мерах по улучшению практики установления и применения розничных цен на

товары народного потребления и тарифов на услуги, оказываемые населению» [5].

Годовой денежный доход в расчете на душу населения вырос на 61,6 % и составлял 624 рубля. Обеспечивалась стабильность государственных розничных цен на основные товары народного потребления. Тем не менее со стороны областных управлений, отделов и ведомств, горайисполкомов, руководителей предприятий союзного, республиканского и местного подчинения не уделялось должного внимания вопросам установления и соблюдения розничных цен. Трикотажный комбинат, производственное объединение «Швея», хлебозавод № 1, Обоянский и Дьяконовский консервные заводы допускали сокращение выпуска недорогих, но пользующихся у населения большим спросом промышленных и продовольственных товаров. В свою очередь, увеличивали выпуск изделий, не находящихся сбыта и оседающих на складах торговых организаций. В целях получения дополнительной прибыли руководители некоторых предприятий управления местной промышленности, «Росмясорыбторга», завода «Маяк», «Счетмаш», им. Карла Либкнехта предоставляли в ценообразующие органы завышенные проекты розничных цен на товары широкого потребления. Факты обмана покупателей работниками торговли фиксировались в магазинах «Горпищеторга», «Хлебторга», железнодорожного ОРСа НОД-9, Фатежского, Конышевского, Глушковского и других райпотребсоюзов. В 1971 г. было проверено 2143-и предприятия торговли, нарушения были выявлены в 491-м из них [6, л. 100–101].

Повсеместно выявлялось халатное отношение к контролю за соблюдением цен со стороны надзорных структур. Административные органы и комиссии по контролю не принимали должных мер для стабилизации ситуации в ценовой политике.

Так, в упомянутом выше постановлении № 477 отмечалось, что за 1970 г. и первое полугодие 1971 г. с предприятий промышленности и торговли за превышение розничных цен, нарушения рецептур, замену сырья было изъято в госбюджет свыше 60 тыс. рублей. Административные органы недостаточно осуществляли надзор за соблюдением законодательства по ценам, слабо вели борьбу со спекуляцией товарами народного потребления. Созданные при исполкомах городских и районных Советов депутатов трудящихся комиссии по контролю за ценами и соблюдением правил торговли в ряде районов работали неудовлетворительно. В Щигровском городском, Касторенском, Советском, Черемисиновском районных Советах депутатов трудящихся комиссия по контролю за ценами и правилами торговли бездействовали. Аналогичное положение наблюдалось в работе комиссий, созданных при торгах и крупных магазинах. К работе по контролю за соблюдением цен и тарифов недостаточно привлекались представители общественности, профсоюзных организаций, лавочные и ревизионные комиссии

потребительских обществ. В то же время партийные директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. ставили задачу обеспечить стабильность государственных розничных цен на товары народного потребления, а также снижать цены на отдельные виды товаров по мере накопления товарных ресурсов [6, л. 102–103].

Оценивая ситуацию в сфере контроля за установленными государством розничными ценами, следует отметить, что для этого со стороны властей Курской области предпринимались определенные действия. Создавались комиссии по контролю за соблюдением государственных цен; вводились справочники по ценам и тарифам; при изменении прейскуранта цен, со стороны Министерства торговли СССР, в течение 10 дней эти данные доводились до предприятий области. Все это не до конца позволяло стабилизировать ситуацию, и на всем рассматриваемом периоде были замечены нарушения разного рода.

Источники и литература

1. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июня 1967 г. №4 67 «О мероприятиях по усилению борьбы с нарушениями государственных розничных цен» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.10.2020 г.).
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1855.
3. Постановление Совета Министров РСФСР от 6 мая 1968 г. № 286 «О фактах грубых нарушений государственных розничных цен и правил торговли в Омской области и Чувашской АССР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза советских социалистических республик [Электронный ресурс] // URL: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 07.10.2020 г.).
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1958.
5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июня 1971 г. № 378 «О мерах по улучшению практики установления и применения розничных цен на товары народного потребления и тарифов на услуги, оказываемые населению» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза советских социалистических республик [Электронный ресурс] // URL: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 07.10.2020 г.).
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2281.

Д. М. Носов

МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ ПО ТРАНСПОРТУ ПРИ КУРСКОМ ГОРСОВЕТЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В первые послевоенные годы постоянно действующей самостоятельной комиссии по транспорту при Курском городском Совете депутатов трудящихся (с 1977 г. – народных депутатов) не существовало. Вопросы транспортного обеспечения курировала объединенная комиссия по вопросам промышленности, транспорта и строительства [1, л. 8]. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что данные вопросы в восстанавливаемом после немецко-фашистской оккупации и в целом от

последствий военных действий городе должны были решаться в едином ключе. Это должно было обеспечить сбалансированное развитие отдельных городских территорий, привязав к строительству новых промышленных предприятий создание грамотной и современной транспортной системы и новых жилых районов.

Самостоятельность комиссия по транспорту обрела 22 марта 1965 г., когда прошла первая сессия X созыва Курского городского Совета депутатов трудящихся, которая утвердила 13 постоянно действующих комиссий [2, л. 47]. Первым председателем комиссии был назначен депутат от избирательного округа № 19 Кузьма Егорович Костылев. Всего в состав комиссии вошли 24 депутата [2, л. 47]. В тот же день состоялось и первое заседание комиссии, на котором были избраны заместитель председателя (Д. М. Барков) и секретарь комиссии (В. Д. Тарасов) [3, л. 1]. Заседания комиссии проводились с периодичностью раз в месяц, на которых рассматривались различные вопросы, связанные с развитием транспортной системы города Курска, при этом основной упор делался на обсуждение проблем, связанных с обеспечением бесперебойных пассажироперевозок. Основным итогом заседаний комиссии являлась разработка решений и принятие решений, которые становились основой для последующего принятия соответствующих нормативно-правовых актов исполнительным комитетом Курского городского Совета депутатов трудящихся. Также постоянно действующая комиссия могла быть инициатором внеплановых проверок на транспортных предприятиях, тем самым осуществляя контроль за выполнением решений горисполкома.

За годы своего существования постоянная комиссия по транспорту неоднократно переименовывалась (по транспортно-дорожному строительству; по транспорту, дорожному строительству и связи; по транспорту и связи), однако основное внимание депутаты продолжали уделять именно развитию транспортной системы областного центра, как наиболее сложному вопросу. В общей сложности за период, который охватывает наше исследование (с 1965 по 1985 г.), на хранении в Государственном архиве Курской области отложились 14 архивных дел с документами вышеуказанной постоянной комиссии. Подробнее остановимся на содержании этих дел: какую именно документацию содержат в себе вышеуказанные дела.

Наиболее распространенным видом документации, которая отложилась на хранении по результатам работы постоянной комиссии по транспорту, являются протоколы ее заседаний. Большая часть протоколов имеет машинописный текст [например: 4, л. 4–7], однако встречаются и рукописные [5, л. 1–4]. Большая часть протоколов имеет заверительные подписи председателя комиссии или его заместителя и секретаря. Некоторые протоколы заверены только подписью секретаря [4, л. 8–11].

Все протоколы постоянной комиссии по транспорту строились по следующей схеме:

- 1) заголовок, номер протокола, дата проведения заседания;
- 2) список присутствующих членов комиссии (иногда указывались и отсутствующие [6, л. 3]) и приглашенных участников заседания;
- 3) повестка дня (рассматриваемые вопросы);
- 4) краткое описание хода заседания: обозначение вопроса и решение по нему;
- 5) заверительные подписи уполномоченных лиц.

В некоторых протоколах кратко фиксировались выступления членов комиссии по рассматриваемым вопросам. К примеру, серьезная дискуссия между депутатами и приглашенными лицами развернулась на заседании постоянной комиссии по транспорту, дорожному строительству и связи, которое состоялось 10 июля 1972 г. (протокол № 13), по вопросу выполнения мероприятий предусмотренных решением исполнительного комитета Курского городского Совета депутатов трудящихся от 14 января 1972 г. № 1 «О ходе выполнения решений облисполкома и горисполкома по безопасности движения транспорта и пешеходов и благоустройству автобусных и трамвайных остановок». С основным докладом по вопросу выступил депутат А. С. Лебедев, который отметил отсутствие капитального ремонта на многих участках дорог города, обратил внимание, что трест дорожного строительства занимается только ямочным ремонтом и производит его не надлежащим образом, а также на то, что в новых районах города практически отсутствуют транспортные остановки, что серьезно затрудняет движение пассажирского транспорта. Его замечания были поддержаны директором Курского картонажно-полиграфического комбината В. В. Рябченко, обративший внимание присутствовавших на заседании депутатов и приглашенных лиц, что его предприятие функционирует в условиях фактического отсутствия подъездной дороги, которую дорожники не могли построить уже несколько лет. Главный инженер треста благоустройства города В. А. Чаплыгин пытался обосновать столь большое количество претензий к работе его предприятия недостатком строительных материалов, а также сложностями, возникшими на других участках строительства, однако ему возразили, что на ремонт, к примеру, улицы Хуторской было выделено 15 тыс. рублей, а дорожники к работам так и не приступили. Итогом прений стало заключение комиссии о неудовлетворительном выполнении решения исполкома Курского горсовета от 14 января 1972 г. № 1 и об усилении контроля за его реализацией [6, л. 68–72]. Обо всем об этом мы узнаем из кратко зафиксированных выступлений вышеуказанных должностных лиц. При этом в большинстве других протоколов содержание выступлений сводится к обозначению проблемы и резолюции, которая принималась по итогам выступления.

Достаточно редко в изученных документах встречаются полные доклады, которые озвучивались на заседаниях комиссии. Один из немногочисленных сохранившихся подобных документов – доклад

Восполняют отсутствующую в самих протоколах информацию по рассматриваемым проблемам дополнительные документы, которые прилагаются к протоколам. Чаще всего это справки и информации, которые озвучивали на заседаниях приглашенные руководители транспортных предприятий, кратко освещавшие основные результаты деятельности их предприятий за определенный промежуток времени. Характер информации, отраженной в них, а также содержание различны: некоторые составлены достаточно подробно, дают полную характеристику рассматриваемой проблемы. Другие, наоборот, только ее обозначают. Приведем несколько примеров.

Так, развернутую информацию о деятельности Курского трамвайно-троллейбусного управления содержит справка по выполнению постановления бюро Курского горкома КПСС и горисполкома 26 января 1977 г., подготовленная начальником управления В. В. Трубицыным к заседанию постоянной комиссии, которое состоялось 9 января 1978 г. [10, л. 31–35]. Из справки можно узнать, что трамвай для курян в конце 1970-х гг. был более предпочтительным видом транспорта, чем троллейбус, однако создание новой транспортной внутригородской инфраструктуры (трамвайные пути к этому времени были убраны с улицы Ленина и были перенесены на второстепенные улицы) постепенно влекло за собой смену приоритетов в пользовании городским общественным транспортом среди горожан: доходы от троллейбусных перевозок росли быстрее, чем от трамвайных. Также данная справка содержит большое количество сведений об особенностях работы этих двух видов транспорта, об условиях эксплуатации и т. д.

Примером краткой справки может служить документ составленный начальником автоколонны № 1307 И. Д. Двигуном о работе вверенного ему предприятия за пятилетку (1971–1975 гг.) [9, л. 76–79]. Несмотря на небольшой объем данного документа, он весьма информативен, так как отражает основные показатели работы автоколонны (пассажиропоток, открытие новых маршрутов, общая протяженность маршрутов и пр.).

Еще одним важным видом делопроизводственных документов, которые содержат материалы постоянной комиссии по транспорту при Курском горсовете, являются различного рода предписания и рекомендации должностным лицам, в компетенцию которых входит решение тех или иных транспортных вопросов. К примеру, по результатам проверки, состоявшейся в июле 1973 г., членами комиссии хода строительства трамвайной линии от Южной автостанции до политехнического института было установлено, что работы велись с нарушениями сроков. Трамвайным управлением не был решен вопрос о поставках необходимого оборудования, что ставило под угрозу срыва сроков завершения строительства. Поэтому комиссия рекомендовала главному подрядчику – тресту «Курскпромстрой» (директор Л. Н. Абрамов) – совместно с заказчиком – Трамвайно-троллейбусное

управление города Курска (начальник И. В. Юганов) – разработать скорректированный график ввода объекта в эксплуатацию, который необходимо было представить в комиссию к 10 сентября 1973 г. [7, л. 45].

Не менее важной для нашего исследования представляется аналитическая информация, которая также часто прилагалась к протоколам заседаний комиссии. Преимущественно это были статистические сведения о работе тех или иных предприятий в сравнении с предыдущими аналогичными периодами работы. Так, к протоколу № 6 заседания постоянной комиссии по транспортно-дорожному строительству и связи от 12 ноября 1973 г. прилагается подробный анализ работы автоколонны № 1307 Курского транспортного управления по основным технико-экономическим показателям за 1971, 1972 гг. и за 10 месяцев 1973 г. [7, 50–56]. Данный документ условно можно разделить на две части: первая часть представляет собой статистические сведения о деятельности автоколонны, в которые были включены данные по объемам пассажироперевозок, по количеству имеющегося автотранспорта, доходам, прибыли, себестоимости и пр., всего 15 показателей. На основании вышеуказанных статистических данных во второй части документа (ее условно можно назвать текстовой) его автор(ы) составили прогноз развития пассажирских перевозок в городе Курске на 1974–1975 гг., в котором обозначались уже имеющиеся проблемы (недостаточность транспорта, большие простои машин, отсутствие в городе удобных развязок, остановок и пр.) и пути их решения.

Здесь стоит отметить, что подобный аналитический материал в последствие обрабатывался депутатами, обсуждался на заседании комиссии и выносился на обсуждение исполнительного комитета Курского горсовета. Так, вышеуказанный документ лег в основу решения исполкома Курского горсовета депутатов трудящихся от 30 ноября 1973 г. № 450 «Отчет о работе автоколонны № 1307 по перевозкам населения» [8, л. 217–232].

В целом стоит отметить, что приведенными в качестве примеров в настоящей работе материалами документации источниковый потенциал постоянной комиссии по транспорту при Курском городском Совете не исчерпывается. Документы комиссии также содержат большое количество различных планов, докладов, заметок, которые также являются интересными для нашего исследования.

Подытоживая вышесказанное, необходимо обратить внимание на особую роль деятельности комиссии по транспорту в деле совершенствования транспортной инфраструктуры города Курска. Даже беглый анализ состава комиссии и приглашенных участников заседаний говорит о высокой компетентности людей в рассматриваемых комиссией вопросах. Нам этот факт представляется особенно важным в связи с тем, что при решении тех или иных проблем, связанных с транспортной инфраструктурой Курска 1960-х – 1980-х гг., руководство города исходило

не только из экономической целесообразности, но и из реальных потребностей населения, которые неоднократно озвучивали и отстаивали члены комиссии, даже если они (потребности) приносили городу убытки.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-770. Историческая справка к фонду.
2. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 746.
3. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 749.
4. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 922.
5. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1364.
6. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 988.
7. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1086.
8. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1060.
9. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1216.
10. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1328.

Е. И. Тимохов

ОРГАНИЗАЦИЯ ФУТБОЛЬНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970–1972 гг.

Футбол СССР конца 1960-х – первой половины 1970-х гг. был одним из тех видов спортивных состязаний, наряду с хоккеем и баскетболом, где демонстрировался уровень отечественной спортивной школы на международной арене. Результаты говорят сами за себя: игра в ¼ финала Чемпионата мира в Мексике сборной СССР против Уругвая; финал Кубка обладателей кубков «Динамо» против «Глазго Рейнджерс» на Камп Ноу в 1972 г; серебро сборной на Евро-1972; бронзовые медали Олимпийской команды в Монреале [1; 2]. Таких достижений невозможно было добиться без надлежащей работы органов физической культуры и спорта на региональном уровне, исследованию которых и посвящена данная статья.

В архивном фонде «Курский областной комитет по физической культуре и спорту» были выявлены архивные документы, освещающие деятельность комитета по проведению областных соревнований по футболу.

Изучив сохранившиеся документы, мы узнаем, что в 1970 г. проходило первенство Курской области по футболу среди сборных команд области. На футбольных соревнованиях были представлены следующие команды: Щигры, Рыльск, Льгов, Суджа, Обоянь, Дмитриев. Состязания проводились на стадионе «Трудовые резервы». Следует отметить, что команда г. Железногорск по невыясненным причинам на соревнования не явилась. На данных соревнованиях победу одержала команда сборной г. Щигры. Соответствующий кубок был вручен представителю команды М. В. Гамову [3, л. 1].

В отчете о проведенном первенстве было засчитано одно техническое поражение сборной Льгова в связи с тем, что команда на матче со сборной Рыльска заиграла двух незаявленных футболистов. Состояние материально-технической базы отмечено как удовлетворительное. Внешний вид участников таких сборных как Рыльск, Суджа был определен как «неопрятный». Он заключался в помятой форме и нестриженных игроках [3, л. 2].

Отсутствие афиш и рекламы считалось одним из недостатков проведенных соревнований. Команды-участники не отмечались на табло, тем самым, по мнению присутствующих зрителей, состязания не способствовали популяризации футбола. В ходе соревнований также отсутствовали корреспонденты местных газет, таких как «Молодая Гвардия» и «Курская правда», а также работники радио и телевидения. Главный судья Д. Котопуло предполагает, что представители средств массовой информации не были поставлены в известность о проводимых состязаниях [3, л. 2 об.].

Среди недостатков также был представлен поступок председателя райкомитета г. Льгова В. А. Олейникова, который одновременно являлся представителем и участником соответствующей команды. Касательно поведения Олейникова, главный судья Д. Котопуло выразил следующее: «... [Олейников] обманным путем совершил подставку игроков в своей команде, навел нервность у судей, пытался спровоцировать участников и зрителей на необъективное судейство» [3, л. 2 об.]. Главный судья рассчитывал на то, что Облкомитет примет соответствующие меры по его замечаниям.

В период с 20 июня по 18 июля 1971 г. в Курской области проходили кубковые соревнования по футболу, в которых приняли участие 25 команд. Обладателем Кубка области стала команда КЗТЗ [4, л. 2] (капитан команды – Махорин).

На данном состязании также был зафиксирован случай, выходящий за рамки дисциплинированного поведения. Команда Золотухинского района подала протест в Облкомитет на сборную Поныровского района за игру подставного (незаявленного) футболиста Соболева. Акция протеста Золотухинской команды была удовлетворена назначением сборной Поныровского района поражения [4, л. 3, 25–26].

При проведении соревнований Кубка главный судья О. А. Синьчугов оценил состояние полей в районах области как «оставляют желать лучшего». Данная оценка была прокомментирована следующим образом: «... в г. Щигры, Октябрьском р-не, Тимском – вообще нет футбольного поля ...» [4, л. 3].

Главный судья считал, что соревнования прошли организованно на высоком спортивном уровне и с большим интересом как со стороны участников, так и зрителей. Он предложил заслушать на федерации или комитетах председателей Тимского, Курского, Беловского, Хомутовского

и Рыльского райспорткомитетов о причинах неучастия команд в розыгрыше кубка. Одновременно О. А. Синьчугов рекомендовал Облспорткомитету обратить внимание на состояние футбольных полей в районных центрах Курской области [4, л. 4 об.].

В том же 1971 г. были проведены финальные соревнования на первенство области по футболу среди 8-и сильнейших команд. Данное спортивное мероприятие проходило в промежуток с 2 по 6 октября на стадионах «Динамо» и «Трудовые резервы». Кубок Облкомитета достался команде КЭАЗ через ее капитана В. Рязанцева [5, л. 1].

По оценке главного судьи О. А. Синьчугова и главного секретаря Д. М. Котопуло игры были проведены на хорошем спортивном уровне. Они отметили возросшее тактическое и техническое мастерство у большинства участвующих команд. По их мнению: «... сельские футболисты в районах по своему классу игры вплотную приблизились к городским футболом».

К недостаткам в организации состязаний О. А. Синьчугов и Д. М. Котопуло отнесли плохое состояние футбольного поля на стадионе «Динамо». Главный судья и секретарь в подробностях разъяснили его недостатки: «... кочкообразный грунт с неровным покрытием, в большинстве без травяного покрытия ставило в затруднительное положение большинство игроков вести нормально игру». Их вердикт, касательно футбольного поля следующий: «... футбольное поле на стадионе «Динамо» находится в запущенном состоянии, на котором совершенствовать спортивное мастерство не представляется возможным» [5, л. 2 об.].

Особый интерес представляют случаи недисциплинированности участников финальных игр на первенство Курской области по футболу. В отчете о проведении финальных соревнований, а также в Протоколе № 5 футбольного матча между одноименными командами «Урожай» г. Обояни и г. Льгова было рассмотрено дисциплинарное нарушение игроков команды г. Льгова В. Олейникова и В. Гоголева. Оба футболиста были наказаны «за пререкание и недисциплинированное поведение на поле». Решением дисциплинарной комиссии коллегии судей – В. Олейников дисквалифицирован до конца розыгрыша (на 2 игры); В. Гоголев – строго наказан. Случай наказания Гоголева был рассмотрен подробно, а именно: «...учитывая его чистосердечное признание – допустить к оставшимся играм, его предупредить строго, и обсудить на команде, о своем решении сообщить в письменной форме Гл. суд. коллегии [сокращено в тексте]» [5, л. 2 об., 16].

Розыгрыш Кубка Курской области по футболу среди коллективов физкультуры был проведен с 2 июля по 6 августа 1972 г. Финальные игры проходили на стадионе «Трудовые резервы». В соревнованиях приняли участие 29 команд. Обладателем кубка стал коллектив команды Счетмаш (Курск) [6, л. 61].

Наше внимание привлек протест футбольной команды Глушковского района в Областной совет по физкультуре и спорту при Курском областном исполкоме, связанный с тем, что при проведении встречи по футболу между командами г. Суджи и пос. Глушково последняя пыталась опротестовать эту встречу.

Представители команды пос. Глушково вынесли протест по следующим причинам: «Судья на поле т. Махорин Р.К. не предъявил требований к подготовке футбольного поля для встречи; а) поле было не размечено; б) на поле не скошена трава; в) на одних воротах оборвана сетка под перекладиной». Команда пос. Глушково считала, что в результате встречи были допущены грубейшие ошибки со стороны судьи на поле тов. Махорина, а именно: «В виду того, что оборвана сетка над перекладиной, судьей т. Махориным было не зафиксировано взятие ворот Суджанской команды во второй половине игры, не смотря на то, что боковые судьи зафиксировали взятие ворот; б) судьей т. Махориным неоднократно не судились положения в не игры; в) бесчисленные грубости со стороны футболистов г. Суджи были не замечены судьей на поле» [6, л. 46].

По мнению команды пос. Глушково, в результате «плохого судейства» и грубости команды г. Суджи коллектив Глушково был вынужден покинуть футбольное поле за пять минут до конца встречи.

Представители протестующей команды выдвинули следующий ультиматум: «В случае отклонений протеста, мы, будем вынуждены обратиться в редакцию газеты «Советский спорт». Участники сборной пос. Глушково просили судейскую коллегию спорткомитета объяснить, чем вызвано некачественное судейство судьи республиканской категории тов. Р. К. Махорина [6, л. 46 об.].

Протест команды пос. Глушково не остался без внимания. Из выписки постановления федерации футбола Курской области от 20 июля 1972 г. мы узнаем, что, рассмотрев протест Глушковской футбольной команды, федерация футбола постановила следующее: «1. Протест футбольной команды Глушковского района – отклонить, как не обоснованный. 2. Капитана Глушковской футбольной команды ПОРТЯНОГО А. Н., явившегося основным виновником в срыве футбольного матча Суджа – Глушково, который демонстративно увел свою футбольную команду с поля – дисквалифицировать на сезон 1972 года ... 3. Футбольную команду Глушковского района за демонстративный уход с поля – лишить возможности в дальнейшем участии розыгрыша Кубка области ... 5. Просить Облспорткомитет рассмотреть вопрос о безответственном отношении Суджанского райспорткомитета /т. Гарковцев/ к проведению Кубка области по футболу и плохой подготовке футбольного поля к соревнованиям» [6, л. 47, 62].

Проблема материально-технической базы футбольных стадионов также была занесена в Протокол № 23 соревнований Кубка области между

командами ЩЗТРО (Щигры) и КТК (Курск). Среди недостатков в организации данной встречи отмечается следующий: «Зритель находится у кромки поля; желательно удалить зрителя на расстояние не менее двух метров от футбольного газона» [6, л. 51].

В том же 1972 г. с 6 по 14 октября проходили финальные соревнования на первенство Курской области по футболу, посвященные 50-летию образования СССР. В состязании приняли участие 10 команд. Призовые места заняли следующие спортивные коллективы: 1-е место – Счетмаш; 2-е место – КЗТЗ; 3-е место – КЭАЗ [7, л. 4].

В отчете о проведении финальных соревнований главный судья О. Синьчугов и главный секретарь Д. Котопуло отметили, что игры были проведены на хорошем спортивном уровне за исключением неспортивного поведения отдельных игроков. Особенно в этом плане выделилась команда КТК, игроки которой заработали три удаления [7, л. 5 об.].

Главный судья и секретарь также подвергли осуждению руководство команды «Урожай» (Пристен), которая дважды не обеспечила явку своей команды на соревнования. Синьчугов и Котопуло считали, что неоправданно отказались от участия в областном первенстве команды г. Льгова и г. Железнодорожника. Судья и секретарь отметили устные предложения большинства команд о проведении финальных игр 1973 г. с разъездами в районные центры в два круга [7, л. 5 об.].

Таким образом, мы убедились в том, что футбол в Курской области в период с 1970 по 1972 г. имел положительную оценку с точки зрения спортивного уровня. Это подтверждается в отчетах о проведении футбольных соревнований областного уровня. Однако состояние материально-технической базы, а именно: качество футбольных полей, технической экипировки команд, спортивного инвентаря, а также состояния футбольной инфраструктуры (расположение зрительских мест), как было сказано выше, «оставляет желать лучшего». К недостаткам в организации соревнований следует присовокупить и отсутствие должного освещения футбольных мероприятий в средствах массовой информации.

Как мы можем заметить, что некоторые из перечисленных недочетов в организации футбольных соревнований имеют место и в наше время. Поэтому проблемы усовершенствования футбольной материально-технической базы, а также освещения футбольных состязаний до сих пор остаются актуальными.

Источники и литература

1. Костенко А. 1964–1973. Советский футбол при Брежнев в эпоху развитого социализма, названного застоем // Блог Футбол. Прошлое и настоящее. 19.12.2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://ua.tribuna.com/tribuna/blogs/koaalnews/1136967.html> (дата обращения: 04.10.2020 г.).
2. EUROSPORT. ЧМ-1970 скоро 50 лет. Вспоминаем Яшина и других игроков сборной СССР, ушедших из жизни // EUROSPORT. Футбол. 06.04.2020 [Электронный ресурс] // URL: https://www.eurosport.ru/football/story_sto7720622.shtml (дата обращения: 04.10.2020 г.).

3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 231.
4. ГАКО. Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 256.
5. ГАКО. Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 259.
6. ГАКО. Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 292.
7. ГАКО. Ф. Р-5355. Оп. 1. Д. 305.

А. С. Гончаров, Я. А. Пыжов

**УЧАСТИЕ КОЛЛЕКТИВА КУРСКОГО ТЕХНИКУМА
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЧЕБЕ РАБОТНИКОВ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКЕ УЧАЩИХСЯ В 1980-е ГОДЫ**

В середине 1980-х гг. важным инструментом профессиональной подготовки учащихся, ориентирование их в основах избранной профессии железнодорожника стало привлечение учащихся Курского техникума железнодорожного транспорта (КТЖТ) к экономической учебе, проводимой на предприятиях Курского отделения Московской железной дороги. Можно привести многочисленные примеры тесной связи Курского техникума железнодорожного транспорта КЖДТ с трудовыми коллективами в вопросах экономической учебы и производственной подготовки учащихся. В 80-е гг. XX столетия развернулась работа по развитию наставничества, подключению передовиков производства к обучению учащихся. Первый договор о сотрудничестве между коллективами локомотивного депо, энергоучастка и учебными группами (КЖДТ) был заключен классным руководителем А. Л. Мелентьевым. В марте 1984 г. коллектив колонны машиниста-инструктора С. Н. Паршутина и группа преподавателя А. Л. Мелентьева объединились в учебном процессе. Ими проводились уроки-практикумы по спецпредметам, совместные субботники и воскресники, «круглые столы» по вопросам дисциплины и безопасности на ж. д. транспорте. Практиковались регулярные отчеты учащихся перед производственными коллективами, и встречные отчеты производственников перед учащимися. Многие выпускники техникума хорошо помнят, как строго спрашивали кадровые локомотивщики за неудовлетворительную учебу [2, л. 44].

«Эти отношения шире, чем шефство. Они носят выраженный наставнический характер... и заслуживают поддержки и распространения». – писала газета «Гудок» 18 марта 1984 г.

Проводились экскурсии по производственным цехам, депо, встречи с ветеранами труда, депутатами Верховного Совета РСФСР бывшими машинистами Ю. В. Князьковым, А. Е. Савченко и почётным гражданином города Курска Н. В. Захаровым. Под контролем опытных машинистов

учащиеся совершали пробные поездки на локомотивах. Это помогало осваивать новую технику, делиться секретами и опытом работы [1, л. 47].

Существенную роль в профессиональной ориентации учащихся техникума играли встречи с видными стахановцами транспорта 1930-х гг: бывшими машинистами локомотивного депо Курск В. В. Табачковым, который окончил Курский тяговый техникум в 1933 г., А. Е. Савченко и мастером сварочного цеха депо И. Н. Хахалевым. [2, л. 44]

В эти годы вставали проблемы совершенствования научно-технического творчества. В КТЖТ их решала первичная организация Научно-технического общества (НТО), которую возглавляла преподаватель техникума Л.К. Коровкина. Деятельность первичной НТО рассматривалась педагогическим коллективом как составная часть учебно-воспитательного процесса. Для развития технического творчества учащихся использовались разнообразные формы и методы. Это была лекционная пропаганда, конференции, олимпиады, экскурсии на предприятия ж. д. транспорта, посещения дней инженеров и техников на предприятиях. В многих кабинетах техникума действовали технические кружки. Под руководством преподавателей А. Л. Мелентьева, Т. В. Дворочкова, Н. И. Агеева и др. учащиеся занимались разработкой и изготовлением учебных наглядных пособий, действующих макетов, различных узлов электровозов и тепловозов, устройств энергетического хозяйства. Руками учащихся были оснащены кабины электроподвижного состава, автотормозов, контактной сети, электроснабжения. Были изготовлены пособия для лабораторий тяговых подстанций и автоматики, электроники и электрических машин [3, с. 107].

Активной формы приобщения учащихся к Научно-техническому творчеству (НТО) стало курсовое и дипломное проектирование. С начала 1960-х гг. практиковалось выполнение реальной части проектов по основным дисциплинам. Особое внимание уделяли тому, чтобы дипломные разработки учащихся техникума внедрялись на предприятиях Курского отделения дороги. Под руководством преподавателей отделения электроподвижного состава, почетного железнодорожника В. П. Толкачева, В. Зубов и В. Теплов изготовили и внедрили в Курском локомотивном депо электронный пробник. С его помощью осуществлялась быстрая и надежная проверка состояния электрических цепей локомотивом. В. Кондрашов и И. Переверзев спроектировали и подготовили переносной прибор для проверки пневматического тормоза на пассажирских электровозах локомотивного депо Курск.

Под руководством Л. К. Коровкиной многие учащиеся осуществили разработки, используемые в энергетическом хозяйстве отделения дороги. Одна из них – электронная защита фидера 27,5 кВ тяговой подстанции переменного тока (изготовлена Ю. Славковым и Н. Кулешовым).

Немало сил и знаний отдавали руководству техническим творчеством учащиеся преподаватели Т. В. Дворовчикова, А. В. Агеев,

А. Л. Мелентьев, А. Е. Потолов, А. В. Рожков. Учащиеся и преподаватели техникума принимали участие в выставках технического творчества, проводимых в Курской области и на Московской железной дороге. В техникуме по инициативе членов совета НТО стали традиционными декады спецдисциплин – «Декада локомотивщика», «Декада энергетика», которые организовывались для укрепления связи с производством, повышения уровня профессиональной подготовки [3, с. 108].

В 1984–1986 гг. в стенах техникума организовывались уроки по теме «Наша специальность» на которых выступали ведущие преподаватели, передовики железнодорожного транспорта. Они делились с молодежью особенностями будущей профессии. Практиковались экскурсии учащихся в цеха локомотивного депо Курск, курский энергоучасток. Учащиеся 3–4 курса выступали с докладами на технико-экономических конференциях. [2, л. 43]

Отметим, что каждый день декады был насыщен до предела: технико-экономические конференции старшекурсников, где выступали руководящие работники и специалисты Курского отделения, заслушивание докладов учащихся по проблемам железнодорожного транспорта. В рамках декад проходили викторины: «С улыбкой о серьезном: поезд ведут знатоки», «Конкурс знатоков ПТЭ», «Находчивый электротехник»; демонстрировались учебные и научно-популярные кинофильмы. Особое место занимали в ходе декад пробные поездки на электровозе первокурсников. Активно действовала «Школа экономических знаний» (руководитель – Н. И. Агеева), в тесном контакте с ведущими экономистами Курского отделения и локомотивного депо. Учащиеся стали приглашаться на дни инженера и техника, приобщаться к экономическим проблемам родного отделения. Так, в декабре 1987 года в дне инженера и техника приняло участие 250, молодых специалистов и учащихся техникума. Локомотивное депо в актовом зале выпустило «живую» газету «Знание – всем и каждому» [4; 5]

В этот период произошла реорганизация системы производственно-экономического обучения на Курском отделении Московской дороги. Университет технического прогресса был преобразован в Совет по профессионально-экономическому образованию. Его возглавлял главный инженер отделения дороги И. А. Титоренко. Важную роль в перестройке экономической учебы (ПЭО) обусловило указание МПС и ЦК профсоюза железнодорожников от 23 ноября 1987 г. «Об изучении новой системы управления экономикой и организацией производственно-экономической учебы на железнодорожном транспорте». В системе массовых форм ПЭО занималось 6 741 человек (59 % от общества числа работников отделения). Функционировало 292 школы социалистического хозяйствования, 15 производственно-экономических семинаров, три университета технико-экономических знаний. К проведению занятий привлекались специалисты МПС СССР, Управления Московской железной дороги, профессорско-

преподавательские кадры из вузов Курска и Москвы. Опыт организации ПЭО на предприятиях отделения регулярно обсуждался на заседаниях Совета по профессионально-экономическому образованию, обобщался в стенной печати, газетах «Гудок», «Московский железнодорожник», «Курская правда». Члены совета инженеры Э. А. Левитан, Г. В. Солорева разрабатывали методические материалы по каждой теме (по экономическим вопросам). Они утверждались на заседаниях отделенческого Совета [3, с. 114].

Листаем отчеты об итогах учебных лет в системе профессионально-экономического обучения на Курском отделении дороги за 1987–1990 гг. В них прослежена организаторская работа Совета отделения по ПЭО, коллектива КТИ отделения, преподаватели Курского железнодорожного техникума.

Профессионально-экономическое обучение, система подготовки и повышения квалификации на Курском отделении тогда носили непрерывный характер в течение трудовой деятельности железнодорожников. Руководство отделения дороги и организация общества «Знание» заключали договоры на проведение циклов информационно-обучающих мероприятий (лекций и практических занятий по проблеме «Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие железнодорожного транспорта в новых условиях хозяйствования» (лекторы-кандидаты экономических наук А. Л. Браславский, Н. И. Миськевич). Как руководители различных форм обучения, так и слушатели проводили глубокий анализ производственных успехов, достигнутых на каждом предприятии отделения. Так, критические замечания, высказывавшиеся на занятиях, предавались широкой гласности в стенной газете «Вперед». В депо Курск проводилась деловая игра в системе экономического образования. Капитанами команд выступали старшие мастера И. А. Полхов (цех периодического ремонта), Б. А. Семенихин (цех подъемочного ремонта локомотивов) [6].

6 февраля 1988 г. в газете «Курская правда» была опубликована статья «Неделя творчества». Заведующая КТИ Курского отделения дороги Э. А. Левитан писала: «В течение недели в Курском отделении Московской железной дороги проходил экономический всеобуч на базе железнодорожного техникума и предприятия отделения дороги. Программа была нацелена на приобщение учащихся к изучению экономики и применению её в практических делах...

Организации недели экономики предшествовала большая подготовительная работа с учащимися всех курсов, которую провели преподаватели техникума Н. И. Агеева и Т. В. Дворовчикова. Они познакомились с технико-экономическими показателями отделения дороги, с понятиями себестоимости и прибыли. На всех предприятиях им рассказали о будущей профессии, об электрификации железных дорог, энергетике страны...

Для учащихся первого курса была устроена викторина “Наш дом – мы хозяева в нём”. “Занимательная экономика” – тема викторины второго курса. Посложнее оказались задачи у третьекурсников. Тема “Экономика вокруг нас” требовала более основательных знаний экономической жизни страны. Кроме того, молодые железнодорожники должны были давать свою оценку деятельности руководителей, учебному процессу.

В программу недели вошли своеобразные уроки четвертых курсов в локомотивном депо Курск и Курской дистанции электроснабжения. Конкурс “Изучаем хозрасчет” был организован для них.

Завершилась неделя уроком-конференцией в локомотивном депо Курск, по теме: “Положение о хозрасчете локомотивного депо, хозрасчёт цехов”. Главная цель, которую проследовали организаторы, – показать, как полученные знания применять на практике, как воспитывать интерес к знаниям, творческому поиску...

Лучшими «экономистами» железнодорожного техникума были признаны учащиеся Михаил Яцкий, Виктор Косенко, Борис Щепляков и Евгений Малютин...»

Были подведены итоги смотра на лучшую постановку работы по распространению передового производственного опыта. В газете «Курская правда» за 19 апреля 1988 г. заведующая кабинетом технической информации отделения дороги Э. А. Левитан писала: «Лучших результатов в организации научно-технической информации и пропаганды добился коллектив локомотивного депо.

Вторые места заняли коллективы Курской дистанции электроснабжения и вагонного депо Курск. Двух третьих премий удостоены Львовское вагонное депо и станция Курск [3, с. 118; 7].

За активное участие в выполнении плана работы по технической информации, обеспечения обсчета экономической эффективности внедряемых новшеств объявлена благодарность группе работников железной дороги и преподавателей железнодорожного техникума. Среди них – инженеры отдела сигнализации и связи Л. И. Левченко, Львовской дистанции пути Н. С. Белых, преподаватель Н. И. Агеева.

В 1989 г. к проведению экономической и технической учебы на предприятиях все более активно стали привлекаться учащиеся Курского техникума железнодорожного транспорта. 15 сентября 1989 г. отделенческий Совет по ПЭО одобрил инициативу преподавателей техникума и руководства локомотивного депо Курск по проведению совместных семинаров учащихся и производственников. 4 октября на предприятиях Курского железнодорожного узла (локомотивное, вагонное депо, станция Курск, аппарат отделения дороги) прошли занятия, на которых обсуждались вопросы: возможные пути развития радикальной экономической реформы, финансы в новых условиях хозяйствования, правовые основы деятельности предприятий, организация и оплата труда в новых условиях, многие вопросы, касающиеся экономики

транспорта. С 1 ноября по 15 декабря 1990 г. на отделении дороги работал вагон технической пропаганды, который провел большую организаторскую работу. Показывались фильмы с технической тематикой, проводились мероприятия, которые раньше были только в организации безопасного вождения поездов.

Дважды в вагоне проводились заплата университета технического прогресса и экономических знаний. На занятиях присутствовали руководители предприятий, начальники отделов, инженерно-технические работники Курского железнодорожного узла, учащиеся группы ЭПС-12 железнодорожного техникума. Темами занятия были «Технико-экономические показатели отделения дороги и пути улучшения работы», «Основы направления развития и внедрения научно-технического прогресса на железнодорожном транспорте» [3, с. 118–119, 157].

В 1990–1991 учебном году на отделении в системе массовых форм ПЭО кадров занималось 6 647 человек. Для реализации программы развития и совершенствования учебно-материальной базы, учебно-методического и информационного обеспечения были организованы показы кинофильмов, об опыте трудовых коллективов, работающих в новых условиях хозяйствования. На станции и в локомотивном депо Курск были оборудованы учебные классы, кабинеты производственно-экономической учебы [8; 9].

Освещались производственно-экономические показатели работы Курского отделения дороги. Г. В. Солорева и Э. А. Левитан выступали с циклом лекций о роли научно-технической информации в техническом прогрессе на железнодорожном транспорте. Таким образом, мероприятия в значительной мере способствовали улучшению профессиональной подготовки учащихся КТЖТ.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 111.
2. ГАКО. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 174.
3. Манжосов А.Н., Федоров Н.П. Этапы большого пути. Из истории революционных, боевых и трудовых традиций коллектива Курского отделения Московской железной дороги. Ч. I. (1868–1941), Курск, 1991.
4. Курская правда. 1987. 4 дек.
5. Московский железнодорожник. 1987. 17 нояб.
6. Курская правда. 1987. 20 нояб.
7. Курская правда. 1988. 19 апр.
8. Московский железнодорожник. 1987. 1 дек.
9. Московский железнодорожник. 1988. 12 февр.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ

Р. О. Голубков

ГОРОД КУРСК ДО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА 1782 г.

Указ Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» от 25 июля 1763 года положил начало крупнейшему проекту по перепланировке и перестройке крупных, средних и малых городов российской провинции [1].

За основу планировки бралась либо лучевая, либо правильная прямоугольная система, при этом высота строений в центре города должна была быть максимальной, постепенно понижаясь в сторону окраин.

Ответственным за все процессы, связанные с казенным строительством в губернии, являлся губернский архитектор. Он находился при губернском правлении и подчинялся губернскому землемеру, а при отсутствии последнего заменял его, после чего началась полная реконструкция города Курска и некоторых уездных центров [2].

Генеральный план Курска 1782 г., основанный на геометрической системе должен был реализовываться в условиях существующей застройки города. В 80-е гг. XVIII в. Курск уже был значительным городом. К тому времени Курск был почти сплошь застроен деревянными домами. В сторону улиц выходили плетни и службы, а дома прятались в глубине дворов. Многие улицы и переулки были не шире 2,5–3 м. Единственный каменный особняк, сохранившийся после перепланировки до настоящего времени, находится на углу улиц Пионеров (бывшая Троицкая) и Гайдара (бывшая Золотаревская). Сейчас в нем размещается музей археологии [3, с. 67–73].

Полноту и глобальность перестройки города можно понять при сравнении хранящегося в Российском государственном историческом архиве плана Курска, соответствующего примерно 1781–1782 гг. [4]. Вероятно, он использовался в качестве основы для разработки нового генерального плана. На старом плане города датировка отсутствует. Но по некоторым признакам, можно сделать вывод о примерном времени его составления. Например, под № 8 указано «место погоревших торговых лавок», что позволяет сделать вывод, о том, что план был составлен после произошедшего в Курске пожара в августе 1781 г.

Красным цветом отмечены каменные строения. Также на плане видны, исчезнувшие в ходе перестройки города, оборонительный ров на будущей Красной площади, озеро Глинище, отмеченное на плане под № 12, расположенное во дворе современного дома № 27 по ул. Ленина и частично во дворе областного перинатального центра по ул. Ленина, 29.

Стоит отметить, что в плане размещения городских строений заметно следование рельефу местности, но, все же есть определенная хаотичность застройки, с большой плотностью ее в центре и расширяющимися ближе к окраине пустыми пространствами. Улицы, тем не менее, по большей части прямые и сравнительно широкие, хотя в центральной части заметны широкие пятна деревянных построек, стоявших плотно рядом.

План выполнен с некоторым нарушением пропорций. Это становится видно, если старый план наложить на современную карту, беря за основу каменные церкви, существующие с того времени. Но на подтвержденный (т. е., утвержденный) план 1782 г. старый план накладывается без искажений. Таким образом, совместив оба плана, до перепланировки и новый 1782 года, можно визуально оценить, насколько сильно изменился город.

После реконструкции 1782 г. по старым улицам проложена улица Московская (Ленина) и частично ул. Спасская (Красной Армии). Практически все остальные улицы проложены вновь, лишь фрагментарно местами совпадая со старыми улицами.

Перепланировка Курска, начатая во второй половине XVIII столетия, стала, как и для многих старых городов российской провинции, определенной вехой в становлении их исторического облика. Центральная часть Курска, как и в других старинных русских городах, является итогом этой глобальной перестройки, начало которой было положено почти два с половиной века назад. При составлении городских планов перепланировки учитывались индивидуальные особенности каждой городской застройки. Благодаря этому, при искоренении хаотичной застройки все же сохранялась неповторимая индивидуальность старинных русских городов, в том числе и Курска.

Источники и литература

1. Закон «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. 28 июня 1762–1765 гг. СПб., 1830.
2. Кудланов К.Б. Социально-экономическое развитие Курской губернии в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2017.
3. Меркулов С.И., Михайленко Т.Г. О застройке «идеального» русского города конца XVIII века // Градостроительство. 2012. № 3(19).
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5.

План города Курска (примерно 1781–1782 гг.)
РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5.

**«ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ – ПОКА МОЛОД – БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ
ГОСУДАРСТВУ...»: АВТОБИОГРАФИИ УЧИТЕЛЕЙ
ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА НАЧАЛА 1920-х гг.**

Учитель – это не просто профессия. В некоторой степени это состояние души, определенный уровень саморефлексии, позволяющий человеку не только впитывать в себя определенные знания и умения, но и делиться ими. На мой взгляд, быть учителем – это нечто врожденное: человеку дано или не дано не просто делиться знаниями, а делать это правильно и интересно.

Автобиография является достаточно специфическим литературным жанром и не менее специфическим историческим источником, представляющим краткое документальное описание человеческой жизни. Современный человек достаточно часто сталкивается с написанием автобиографии: их часто требуют при приеме на работу, иногда при поступлении в различные учебные заведения и пр. Чаще всего к автобиографии относятся как к чему-то обыденному, повседневному, а между тем это конкретное свидетельство эмансипации, отделения личности отдельного человека от общества, в котором он живет; обозначение своего места в этом обществе.

Появившись в середине XVIII в., автобиография в XX в. прочно вошла в историю как специфический исторический источник личного происхождения, который чаще всего встречается среди делопроизводственной документации (в личных делах, документах о премировании и пр.). В январе 2020 г., работая с документами архивного фонда «Щигровский уездный отдел народного образования исполнительного комитета Щигровского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», мне попались несколько дел документов по личному составу учительского персонала Щигровского уезда за 1920-е гг., которые помимо стандартных делопроизводственных документов содержали автобиографии учителей, работавших в разных школах Щигровского уезда.

Обстоятельства возникновения этих источников при проведении источниковедческого анализа выяснить не удалось, однако большая их часть датируется концом 1922 – первой половиной 1923 гг., что говорит о централизованном сборе данных документов. Большая часть выявленных автобиографий представляет собой сухое, казенное изложение основных обстоятельств жизни (время и место рождения, социальное происхождение, образование, стаж работы, семейное положение и пр.). Однако среди всего этого массива нами было выявлено три автобиографии, которые представляют действительный интерес не только

по своей содержательной части, но и с точки зрения литературно-художественных особенностей подачи материалов.

В настоящей подборке документов мы не ставили перед собой задачи детального изучения личностей их авторов, поэтому автобиографии не будут сопровождаться какими-либо биографическими комментариями.

Документы в тематической подборке расположены в хронологическом порядке. Археографическая обработка документов была проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Тексты публикуемых документов переданы в соответствии с современными правилами орфографии, сохранены стилистические и некоторые орфографические особенности.

Текст каждого документа имеет заголовок и сопровождается легендой. В легенде указаны: сокращенное наименование архива (ГАКО), номера фонда, описи, дела, листов, подлинность, способ воспроизведения.

Выявление и археографическую обработку документов осуществил начальник отдела научно-исследовательской работы ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук О. Н. Аргунов.

**АВТОБИОГРАФИЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ
ПЕРВОЙ НОВОСАВИНСКОЙ ШКОЛЫ
КРАСНОПОЛЯНСКОЙ ВОЛОСТИ
ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
БАТАВИНОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ**

26 марта 1923 г.

С каким наслаждением я переносюсь в свое далекое прошлое!.. возвращаюсь к незабвенной счастливой поре своего детства!.. Да, когда мне приходится переживать что-либо тяжелое, я, чтобы не пасть духом, не прийти в отчаяние, вспоминаю свое детство... И эти воспоминания так сильны, так много дают мне тепла, что в них нахожу себе утешение и опору и согреваю свою холодеющую душу и сердце...

Такое детство могла создать хорошая, любящая семья честных тружеников, какими были мои родители. В 1879 году я родилась в семье последней (10-ой по счету); но была такой же желанной, как и первая, несмотря на то, что семья была небогатой и, кроме заработка, ничего не имела про черный день. Да, я с гордостью могу сказать, что мои родители оставили мне в наследство одно только доброе честное имя. Несмотря на то, что нас, детей, было много, родители все-таки всем нам дали образование. С каким трудом добывались средства для этого, можете сами судить: мать моя, обремененная такой большой семьей, кроме

обязанностей жены-хозяйки и матери, несла еще и другие, чтобы увеличить средства для воспитания детей.

Окончив городское начальное училище, я, наконец, поступила в гимназию в своем родном городке Кременчуге Полтавской губ. Это было самое лучшее время, потому что оно было связано с молодостью. Сколько благородных волнений и стремлений наполняет душу каждого из нас в это время!!... Какое огромное влияние оказывают кружки молодежи на ее членов. Мы учащиеся, начиная с 4-го класса, объединились в культурно-просветительский кружок, собирались, читали, писали рефераты, спорили о прочитанном, а некоторые учащиеся старших классов представляли и собственные литературные труды на суд товарищей. У нас была касса взаимопомощи учащихся в гимназии, и мы дружно работали: могу с гордостью сказать, что из принятых детей бедняков никого не уволили за невнесение до окончания образования в нашей гимназии. Мы ставили спектакли, концерты, вечера, привлекая и учителей; делали сборы добровольных пожертвований среди родителей; продавали произведения своих рук, устраивая выставки ученических работ и т. д. и т. д.

Привет вам, мои друзья – товарищи школьной семьи!! Где вы, я не знаю, но память о вас глубоко сохранила я в своем сердце!.. Теперь говорю открыто – это была своего рода коммуна, коммуна чистой, доброй, хорошей молодежи, сердца которых горели любовью к страдающему брату...

Окончив гимназию, я была на распутье. Родители мои в это время оба умерли и умерли в один год. Я была так потрясена их смертью, что чуть было не заболела; я так растерялась, что не могла себя никуда пристроить, но молодой организм взял свое, и, оправившись от первого горя, я помчалась вновь по волнам житейского моря, смело направляя свою ладью в сторону света и знаний.

По окончании гимназии, обучая других, я стремилась сама чему-нибудь научиться. После смерти родителей я переехала к старшей сестре в Киев, где занималась с ее детьми, я целый год слушала лекции сестер милосердия и неуклонно посещала воскресные школы Подола, обучая взрослых рабочих грамоте. Прожив год в Киеве, я переехала в Екатеринослав к другой сестре, где также была желательной, так как здесь и сестра, и племянницы нуждались во мне. Здесь я прожила до того момента, когда вспыхнула Японская война. Я не могла спокойно отнестись к этому событию и, бросив все, уехала на театр военных действий вместе с местным Екатеринославским Земским санитарным отрядом. Пробыв в качестве сестры милосердия на Дальнем Востоке 1½ года, я прямо оттуда, влекомая важностью вспыхнувших новых событий в России, направилась в Петроград на высшие женские курсы. Но все высшие учебные заведения в это время были закрыты; функционировали только курсы бухгалтерии и курсы драматического искусства; я предпочла последние. В Петрограде я все время училась, посещая театры, музеи, выставки! Я всей душой

стремилась слиться с лучшей молодежью и уже совсем было попала в их деятельный кружок, как была внезапно отозвана на юг сестрой, которая, опасаясь за меня, вернее, за мою горячую голову, обманным образом вызвала меня к себе.

В Екатеринославе, живя в семье сестры, помогала ей воспитывать детей и, кроме того, занималась частными уроками, работая по праздникам в воскресных и субботних школах. Но все-таки занятие частными уроками меня мало удовлетворяло, и я стремилась в школу, но было очень трудно поступить в городские учительницы, и я решила отправиться в деревню. Учительницей в селе Милорадово я проработала только год, а затем меня перевели в город, и вот в г. Екатеринославе учительствовала непрерывно до 1921 года, когда мой муж был откомандирован в Щигровский уезд*. Здесь я получила место учительницы в 1-й Ново-Савинской школе Красно-Полянской волости, где учительствую и в данный момент.

* Учительствуя в г. Екатеринославе, я, уча других, стремилась пополнить и расширить свое образование, и когда там, при учительском институте открылись годовичные педагогические курсы 1915–1916 годов, я поступила на них слушательницей по историко-филологическому отделению.

**Школьная учительница
Ел. Батавина**

ГАКО. Ф. Р-701. Оп. 2-л. Д. 12. Л. 48–49 об. Рукопись. Подлинник.

**АВТОБИОГРАФИЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ
БОЛЬШЕГРЕМЯЧКОЛОДЕЗСКОЙ ШКОЛЫ
ПЕРВОЙ СТУПЕНИ СРЕДНЕРАСХОВЕЦКОЙ ВОЛОСТИ
ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВЕРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КАРНОУХОВОЙ**

3 января 1923 г.

Родилась я 1889 г. 26 октября в с. Старые-Савины Щигровского уезда. Отец мой сельский свящ., так что по своему происхождению я ношу ненавистную мне кличку – «поповна». Живя в духовной семье, я глубоко возненавидела эту среду с детства. Казалось бы, здесь должна быть выполнена заповедь Христа: «Возлюби ближнего, как самого себя». На деле же это было далеко не так. Призвание большинства свящ., видимо, забывать о ближнем, о добре.

Попытки моих родителей воспитать нас, детей, в религиозном духе не удались. Мы сначала, конечно, бессознательно, а затем и вполне

сознательно, противодействовали такому воспитанию и остались вполне индифферентными к религии, видя всю бесплодность ее.

В 1899 г. я поступила в Курск. Епарх. уч. и принуждена была пройти эту отвратительную школу до конца. Это была душная темница детской души! Вся жизнь была насыщена культом – бесконечные молитвы наполняли наше время. Связи с внешним миром не было никакой и извне мало что долетало до нас.

Но вот 1905 г. всколыхнул и наше стоячее болото. Теперь мы постарались пробить окно себе во внешний мир. После 1905 г. мы могли свободно посещать театры, концерты. Теперь к нам стали попадать газеты, политическая литература, правда, последняя в небольшом количестве, но важно то, что искра была брошена. Многие из нас тогда же увидели недостаток своего образования и решили продолжить его дальше.

Остановка была только за средствами. Мне отец положительно отказал в них. Пришлось сначала поступить народной учит., что я и сделала в 1907 г., поступив в Бол. Грем. Колодезскую женскую школу. Дело свое я любила и относилась к нему вполне добросовестно. Пять учениц моих без отдельной подготовки поступили в Щигровск. гимн. Но моя семейная атмосфера давила на меня. Я положительно задыхалась в ней! Хотелось скорее выбраться на свежий воздух.

И вот в 1912 г. я поступила на Киевские Выс. Женск. Курсы на историко-филологическ. отд. Первое время я всецело отдалась науке. Но скоро увидела, что и тут не свободный храм науки, а тот же христианский храм, где верующим преподносится мертвое догматическое учение.

Политически большинство из нас оставались совершенно неграмотными. Надо было заняться самообразованием, но для этого мало было свободного времени, т. к. имея ограниченные средства, приходилось иметь уроки.

Начавшаяся в 1914 г. империалистическая война приостановила все мои занятия. Заразившись общим настроением, я пошла работать в лазареты, где пробыла только год, т. к. в 1915 г. наши курсы были эвакуированы в Саратов, и я принуждена была поехать туда для сдачи зачетов – ввиду дороговизны жизни приходилось торопиться с окончанием курсов.

В 1916 г. я вышла замуж за студента Киевск. Политехникума и оч. была рада, когда курсы на этот учеб. год опять возвратились в Киев. В 1917 г. я держала государств. экз., хотя политическая обстановка и мало подходила для этого, но обстоятельства вынуждали торопиться. Стремясь всегда к общественной жизни, я иронией судьбы была устранена от нее в тот самый момент, когда можно было осуществить свои стремления.

В то время как история раскрыла перед всем миром свои яркие страницы Мартовской, и затем и Октябрьской революции, я была прикована к семейному очагу.

Нечего было и думать об общественной деятельности, имея на руках маленького ребенка. В то же время материальное наше положение было ужасное – средств к жизни не было никаких, т. к. я, связанная грудным ребенком, заработать не могла, а муж находился на военной службе. Пришлось ограничиться на сей раз скудными сбережениями, употребляя их, главным образом на питание ребенка, посадив себя на суррогатные куски хлеба.

Связь с моими друзьями и обычными знакомыми была совершенно прервана в виду разгоревшейся гражданской войны на Украине. Слишком трудное, вернее, кошмарное было это время! Мы, мирные граждане, были в положении заключенных, т. к. большинство из нас сидело в подвалах.

Это время я страшно боялась за жизнь своего ребенка, т. к. ему грозила голодная смерть. Но вот 27 февраля рано утром явился муж с известием, что борьба окончена – украинцы отступили к Житомиру. Подвальные темницы были открыты, и я со своим младенцем поспешила выбраться на свежий воздух.

По городу всюду разъезжали победители. На улицах расклеивали приказы Рабоче-Крестьянского Правительства. Я уже собиралась к себе на родину, но... пришлось еще пережить нашествие кайзеровских тевтонов и только в мае 1918 г., предварительно, испив не одну чашу горестей, сопровождаемая мужем, на этот раз уже не военным, мне удалось пробраться к своим пенатам.

В сентябре 1919 г. я снова поступила учительницей в Бол.-Грем. Колодезскую, на этот раз уже свободную, школу. Широкие перспективы открылись теперь для работников просвещения! Им предстоит рассеять вековую тьму народной массы...

Уч[ительница]
В. Карнаухова

ГАКО. Ф. Р-701. Оп. 2-л. Д. 18. Л. 8–13. Рукопись. Подлинник.

**АВТОБИОГРАФИЯ ЗАВЕДУЮЩЕЙ
ПЕРВОЙ НИЖНЕГУРОВСКОЙ ШКОЛЫ
СРЕДНЕРАСХОВЕЦКОЙ ВОЛОСТИ
ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ЕЛЕНА СИДОРОВНЫ ШЕПЕЛЕВОЙ**

[Декабрь 1922 г.]¹

Родилась я в 1894 году в городе Щиграх. Отец и мать мои – мещане того же города. Отец вышел из шестого класса реального училища – за

¹ Установлено по сопряженным документам.

неимением средств дальше продолжать образование; но благодаря жильному желанию выбиться на дорогу и неустанному труду, он хотя и не получил диплома, но благодаря практике занимался адвокатурой. Мать же была с сельским образованием из строго-закоренелой небогатой купеческой семьи. В то время на образование смотрели как на прихоть, особенно в той среде, из которой она вышла. Мать моя была женщина ограниченная. Ровная, тихая, как женщина-мать. Воспитанная в строго религиозно-нравственном тоне, она, конечно, старалась его передать и после детям. Нас было шесть человек. Как дети мы понятно воспринимали все постольку, поскольку это было доступно нашему пониманию. Так проходило мое детство до времени поступления в приходскую школу. Три года моей школьной жизни прошли почти без изменений моей личной жизни, если не считать общеобразовательной стороны ее. И вот я поступаю в местную гимназию (она тогда еще имела только шесть классов). Это было великое начало в моей жизни, так как я считала его преддверием моего будущего дальнейшего образования. Училась я хорошо, и отец охотно шел навстречу моему образованию, и, казалось, чего бы еще лучше желать? На жизнь я смотрела просто, ясно.

Мой кумир – таким я считала отца – любил меня, а больше мне ничего не нужно было. Все свободные часы от занятий я по возможности проводила в обществе отца. Он так умел понимать все мои устремления и желания... что я бывало вечерком заберусь к нему на кушетку, он читает газету, или книгу, а я говорю о том, как я вырасту, окончу гимназию, высшие курсы – будем жить в большом городе, трудиться вместе. И так, мечтая, я зачастую засыпала у него на груди. Странно поверить, что это были отец и дочь. Обыкновенно такое явление наблюдается в тех семьях, где отсутствует мать и другие дети. Но я ни к кому не была так привязана, как к отцу. Мать я свою уважала, ласкалась и даже боялась, но это все не то, что я питала к нему. Он был для меня и отец и друг.

То, о чем я с ним говорила, это было только его, мать я не посвящала в это и ревниво оберегала каждый наш разговор. Отец это понимал и ценил. Словом, у нас с ним был как бы заговор. Так незаметно прошло время до третьего класса гимназии. В этом году отец заболел катаром желудка. Часто ездил в Курск к доктору – но помощи было мало. Здоровье его ухудшалось с каждым днем. Я все время по приходу из гимназии не отходила от него. Малейшее желание его было для меня законом, и если мне не удавалось его выполнить – это приводило меня в отчаяние. Помочь ему я, конечно, ничем не могла. И вот в один вечер он сказал мне, что скоро оставит семью... Сначала я не поняла его слов, но когда он сказал: «ты, сынок, – он так обыкновенно меня называл, – не бойся, будь твердой, слушай мать и будь ей опорой...».

В то время сестры были давно замужем – остались я и брат старше меня. «А я скоро уйду в другой мир...» Завеса с глаз упала... и я ясно представила себе жизнь без него. Она настолько показалась мне

невозможной, и горе было так велико, что я даже плакать не могла. Наконец настал этот ужасный день: его не стало...

Трудно описать, что я переживала... Никакие ласки матери не могли меня успокоить. На меня нашло какое-то тупое онемение. И не знаю, чем бы это кончилось, если бы не последние слова отца: «Будь опорой» вывели меня из этого состояния. Я как-то сразу выросла и постарела... Учиться, учиться... вот к чему я стремилась. А как продолжать? Все, что было, отец своими поездками в Курск – издержал, а учились – двое.

Написал прошение в Земскую Управу о стипендии, но Бобровский (председатель) отказал. Просить я не умела, а учиться нужно было. И вот с четвертого класса гимназии я стала иметь уроки. [Слово написано неразборчиво. – О. А.] в Курской Мариинской гимназии.

Получив документы, я по приезду в Щигры подала прошение о зачислении меня по должности учительницы. Время занятий давно подошло и те соученицы, которые со мной кончали – давно уже получили назначения, а моего не было. Иду справиться в Управу, в чем дело. Бобровский спросил, как моя фамилия, и когда я назвала себя, вопросительно посмотрел на меня и сказал: «Местов свободных нет», и предложил подать мне в другой уезд. Иду к инспектору – был Стрежевский. Он говорит, что есть места вакантные, а почему мне не дают назначения, он не знает. Иду снова в Управу. Прошу объяснить, в чем дело. Председатель, как и прежде ответил: «Те места, которые есть, предназначены для других, Вам же советую подать в другой уезд, потому что здесь Вы, наверное, не получите, от того, что многие считают неблагонадежной». На мой вопрос, из чего это видно, ответил: «Многое слышал о вас, да и костюм на вас нелегальный». Помню, на мне было красное манто и такого же цвета фуражка. Да, думаю, это большой плюс к определению убеждений. «Подождите, мы запросим о вас у Губернатора», – поклонился, и моя аудиенция была окончена.

Оставалось ждать. Вернусь немного назад. Когда я была в шестом классе, то в Щиграх, в Ремесленном училище частенько собиралась молодежь «красная». Многие из учителей были того же настроения. Читали произведения Маркса, пели «запретные» песни, все это было только в зачаточном состоянии, и мы новички плохо еще с этим разбирались, да и боялись особенно довериться. Раза два был обыск, но захватить ничего не удалось. Но все равно в такой «столице» как Щигры все хорошо знали друг друга, а полиция особенно, и меня постоянно видели в обществе этих учителей.

Вот откуда и сложился взгляд на меня как на неблагонадежную. Итак, я ждала своей участи. Наконец, пятого октября получаю назначение в Гриневку, в ту же самую волость, где и теперь. Первые шаги моей самостоятельной жизни начались с того, что я по приезде в школу старалась по-больше узнать жизнь крестьянина, а для этого нужно было войти в тесную связь с ними. Меня полюбили они, охотно пускали ко мне

детей и после уроков. Так что до вечера они постоянно были со мной, не все, конечно, но кто был свободен. Гуляли, разговаривали, учила вышивать, катались. К нам присоединялось иногда и юношество. Я и с ними охотно разговаривала.

Но чтобы теснее с ними сойтись я устроила вечерние и дневные праздничные чтения, но скоро должна была прекратить. Обо мне донес Воронеж – местный помещик – и мне под страхом смертной казни было приказано прекратить «подобные сборища». Оставалось покориться.

Помню, как-то гуляя с детьми, я проходила через имение Воронца. Он ехал нам навстречу. Дети испугались и в рассыпную, а кто посмелее, тот жался около меня. Поравнявшись с нами, он остановил лошадь, желая узнать, кто такая я. «Местная учительница, а это мои ученики», – был мой ответ. Оглядев меня и их, он заметил: «Какие они у вас чистенькие, одетые и даже есть в башмаках и, наверное, любят вас так, как я уже не раз вижу вас с ними». «Любят, понятно, ведь я их вторая мать», – был мой ответ, – «а одеты, потому что холодно, ведь вы же даже в меховой куртке», – заметила я. На эти слова он зло рассмеялся и сказал: «Да разве я и они одно и то же! Впрочем, вы либералка, как же слышал, слышал о ваших сборищах. Только я вас прошу, больше не таскаться по моему экономиию», и, повернув лошадь, уехал. Когда я возвратилась в школу, то много думала над словами этого бездушного старичка, дни которого уже сочтены. И так вот рассуждают люди с высшим образованием. Как они несправедливы и черствы. Если смотреть с христианской точки зрения, то ведь мы все равны, так как имеем одно начало. Христос заповедал любить всех и добрых, и злых, и доказал нам примером свою любовь, жертвуя собою для блага народа. А мы ведь христиане – его последователи – носим крест на шее, ходим в храм, и думаем, что мы истинные его последователи, а самое то главное забываем: «Люби Бога и ближнего как самого себя» – основной закон Христа, а разве это не кощунство, не воровство чужого имени! Фарисей фарисеем – вот ваше имя... Возьмем классовое разделение. Здесь, правда, наблюдается большая разница. Да разве виноват раб, что он родился не в палатах, что еще до появления на свет, его уже заклеямили позорным именем. А он соткан из одной материи с господином и с такими же умственными и нравственными запросами. Правда, этим запросам не дано развиваться, так в этом виновато государство и условия жизни, но никак сам раб. И людям света вовсе не следует от них отворачиваться, унижать их больного самолюбия, а напротив, любить и уважать их как равных себе.

Над подобными вопросами я часто ломала голову, но цепи, сковавшие рабство, были настолько сильными, что порвать их казалось невозможным. И вдруг так неожиданно они пали. Люди, насидевшись в темнице, были настолько рады, что они раскаленной бесформенной массой ринулись вперед, плохо даже давая себе отчет в том, что делают. Такая горячка вполне понятна. Но вот первый пыл прошел, люди более

определенно и сознательно стали подходить к тому, что необходимо, нужно заложить такой фундамент государства, чтобы всем было легко жить в нем. Здесь нужно обратить особое внимание на воспитание молодого поколения в политическом отношении, в нем весь оплот государства, а потому, в первую очередь, нужно поднять школу на должную высоту и самих учащихся воспитать с этой стороны. За себя скажу одно. Очень хочется – пока молод – быть полезным государству, но чувствую свое бессилие в политическом отношении. Жизнь проходит в погоне за хлебом, для другого остается слишком мало времени. А жаль, жаль годы и силы...

ГАКО. Ф. Р-701. Оп. 2-л. Д. 18. Л. 89–95 об. Рукопись. Подлинник.

О. Н. Аргунов, И. С. Ефремова

**«СИЛУЭТНОСТЬ ПРИОБРЕТАЕТ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНОЕ
ЗНАЧЕНИЕ...»: СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПРИ КУРСКОМ ОБЛАСТНОМ ОТДЕЛЕ АРХИТЕКТУРЫ ПО
ОБСУЖДЕНИЮ ПРОЕКТА ЦЕНТРА ГОРОДА КУРСКА
(25–26 АПРЕЛЯ 1946 г.)**

16 июня 2020 г. общественности города Курска был представлен новый дизайн-код города, в соответствии с которым начались работы по изменению облика города: с фасадов зданий должна быть убрана «кричащая» реклама, вывески должны быть выполнены в едином стиле, что, по мнению авторов проекта, должно способствовать развитию инвестиционной и туристической привлекательности города.

Стоит отметить, что облик города Курска целенаправленно или эволюционно менялся уже не один раз: здесь и утверждение Генерального плана города императрицей Екатериной II, и появление трамвая в конце XIX в., и начало индустриализации города. Но самые большие изменения облик города претерпел в послевоенное время. Серьезные внутригородские бои, бомбардировки вражеской авиацией, артобстрелы, да и непосредственно оккупация Курска противником нанесли чудовищный урон историческому облику города. Многие знаковые сооружения были разрушены и не подлежали восстановлению. Здания, которым посчастливилось уцелеть, нуждались в капитальном ремонте, а зачастую и полной перестройке.

При этом стоит учитывать, что еще более двух лет после освобождения Курска от немецко-фашистских захватчиков наша страна продолжала вести войну. Поэтому вполне логично, что основными вопросами восстановления облика города местные власти занялись только

в послевоенные годы. Совещание, специалистов при Курском областном отделе архитектуры по обсуждению проекта центра города Курска, состоявшееся 25–26 апреля 1946 г. было одним из первых, на котором обсуждался вопрос, как должен будет выглядеть областной центр. Стенограмма данного совещания и представлена в настоящей публикации.

Археографическая обработка документа была проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Текст публикуемого документа передан в соответствии с современными правилами орфографии, сохранены стилистические и некоторые орфографические особенности.

Текст имеет заголовок и сопровождается легендой. В легенде указаны: сокращенное наименование архива (ГАКО), номера фонда, описи, дела, листов, подлинность, способ воспроизведения.

Были уточнены некоторые биографические сведения о людях, принимавших участие в совещании. Эти сведения даны в подстрочных ссылках. Документ не имеет окончания, отсутствуют заверительные записи.

Выявление и археографическую обработку документов осуществили начальник отдела научно-исследовательской работы ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук О. Н. Аргунов и старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы ОКУ «Госархив Курской области» И. С. Ефремова.

СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ КУРСКОМ ОБЛАСТНОМ ОТДЕЛЕ АРХИТЕКТУРЫ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ПРОЕКТА ЦЕНТРА ГОРОДА КУРСКА (25–26 АПРЕЛЯ 1946 г.)

25–26 апреля 1946 г.

Тов. Гулин [И.Н.]¹. У нас стоит вопрос по обсуждению проекта центра города, выполненного архитектором Стенюшиным. Мы проведем

¹ Гулин Иван Николаевич (21.11.1911, ст. Суслово, Томская губ. – 16.10.1977, Курск), архитектор. Окончил архитектурное отделение Новосибирского строительного ин-та (1935). Гл. архитектор Новосибирска (1930-е). Выполнял ряд работ по планировке и застройке городов Новосибирска, Барнаула, Кемерово. Участник Великой Отечественной войны (авг. 1941 – мая 1945). В Курск приехал в 1946 по приглашению на восстановление разрушенного города. Начальник обл. отдела по делам строительства и архитектуры Курской обл. (февр. 1946 – дек. 1975). Член Центрального правления Союза архитекторов СССР. Член Союза архитекторов (1936), заслуженный архитектор РСФСР (1968) (Большая Курская Энциклопедия. Т. I. Кн. I. Персоналии. Курск, 2004. С. 216).

работу таким образом: т. Стенюшин сделает сообщение о работе, затем вопросы и выступления присутствующих.

Наша задача состоит в том, чтобы мы на нашем совещании специалистов внимательно просмотрели предоставленный материал, предъявили свои претензии к автору и дали бы определенный анализ этой работы и свою точку зрения. Должна быть самая жесткая критика.

*Тов. Стенюшин [П.Г.]*¹ – архитектор. Товарищи, работа над центром определяется несколькими этапами. Первое мое посещение гор. Курска было 18 января с/г. Здесь мы работали около недели. Мы просмотрели тот материал, который дали проектные организации гор. Курска, выработали некоторые установки для дальнейшей работы и решили, поскольку жизнь выдвигает неотложные задачи в части строительства первой очереди г. Курска, постольку и явилась необходимость сосредоточить внимание на этих объектах.

Это касается двух объектов, которые оформляют центральную площадь – Красную площадь. Я имею в виду гостиницу, Горсовет и ОблЗО² и некоторые остальные здания, которые расположены по ул. Ленина: роддом, дом кооперации и здание, венчающее ул. Ленина и выходящее на площадь Перекальского – строительный техникум.

Это был первый этап. Нужно было в проектировке отразить эту первую жизненную необходимость. Параллельно с этим велась работа по центру в целом. Первый этап в какой-то степени заложен. Авторы приезжали в Москву, там работали, получали некоторую апробацию, и по этим объектам можно приступить к разработке технических и рабочих проектов.

Сейчас я приехал за тем, чтобы получить от вас деловую критику по самому центру. Благо, дело у нас в этом отношении состоит не так уже плохо в смысле времени. Окончательное утверждение центра ожидается в июне месяце. Следовательно, все предложения, которые будут внесены в работу, будут учтены, и окончательный материал будет гораздо жизненнее и убедительнее.

Центр гор. Курска занимает отрезок от Красной площади до площади Перекальского. Каково своеобразие Курска, с которым нужно считаться. Это то, что основные моменты центра можно считать жизненно установленными – это магистраль определенного назначения, я бы сказал, правительственная магистраль. Красная площадь – это правительственная площадь. Там располагается Дом Советов, Горсовет, гостиница и т. д.

¹ Стенюшин Павел Герасимович (23.03.1904, Самара – 30.09.1971, Москва) – архитектор, член Союза архитекторов. Разработал проект застройки центра Курска, в соавт. с архитектором Н. С. Власенко (1946–1948); проект гостиницы «Курск» и Госисполкома на Красной пл., в соавт. с Н. С. Власенко, рабочее проектирование – архитектор А.Н. Иванов (1948 – 1950-е) (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 201).

² ОблЗО – Земельный отдел при исполкоме Курского облсовета.

Площадь Перекальского определяется сооружениями строительного техникума, педучилища и мединститута, и получается известно определившийся образ, скажем, институтская площадь. И сама магистраль имеет значительные сооружения и освобожденный от транспорта центр, который функционально оправдан как центр. Это одна сторона.

Второе своеобразие то, что рельеф этого центра имеет дугу от площади Перекальского до Красной площади. Там, где мы располагаем парк, там рельеф местности обязывает к тому, чтобы каждое сооружение приобретало значение не только с точки зрения функций, но и с точки зрения выразительности.

Третье своеобразие – это масштабы Курска. На этот счет имеются определенные установки, что центр города Курска должен застраиваться 3–4-этажными зданиями. Если поставить вопрос о том или 3, или 4 этажа, то нужно отметить, очевидно, и 3 этажа, и 4 этажа в зависимости от того, как продиктует рельеф, последовательное развитие темы, затем силуэтность города.

Центр гор. Курска расположен на вершине по отношению к самому городу, и здесь силуэтность имеет большое значение. Если мы этот центр застроим одинаковыми зданиями, то мы вопрос силуэтности не разрешим. Обозреваемость центра города доступна со всех точек зрения.

В этом вопросе силуэтность приобретает чрезвычайно важное значение, тем более что в центре имеются определенные места, отмеченные чрезвычайно силуэтными сооружениями. Я имею в виду Собор, церковь и церкви, расположенные по периферии, которые выполнили эту задачу выразительности силуэта города. Следовательно, градостроители гор. Курска уделяли внимание этому вопросу. Мы также обойти этот вопрос не можем.

Разрешите мне сейчас объяснить идею центра города Курска. Когда я беседовал с некоторыми товарищами, я высказывал мысль, что исторически улица Ленина сложилась таким образом, что со стороны площади Перекальского мы имеем значительное здание, которое называлось тюрьмой, а с другой стороны – Красной площади – имеем Собор. Вот эти два момента, которые довели над населением города Курска – с одной стороны Бог, с другой – тюрьма, как говорили, что от тюрьмы никуда не уйдешь.

Если вы будете проходить по ул. Ленина, то увидите назойливый объект тюрьмы. Несколько трагичнее выглядит Собор. Когда вы смотрите с точки зрения площади Перекальского, то будете видеть интригующий корпус, который все больше вырисовывается, когда идете к Красной площади. Как это задумано, нам неизвестно, но получилось так, что вы от этого здания не можете скрыться. Вы должны идти по переулкам, чтобы освободиться от этого здания.

Когда я над этим думал, то считал необходимым идеологическую задачу поставить таким образом, чтобы мы с одной стороны видели идею

науки, тем более что образ самой площади складывается как институтская площадь, с другой стороны, чтобы мы видели победу нашего строя, который вы видите с Дома Советов. В дальнейшем проектировщики этим двум зданиям должны придать определенное значение. Может быть, в ассоциации на площади мы должны идеологически противопоставить нашу советскую кровную жизнь.

Я считал бы, что эти основные моменты помогут связать отдельные части и весь центр города Курска. В моем представлении новый город с центром, которому уделяется столь большое значение, должен складываться из здоровых идеологических и практических жизненных предпосылок. Центр города должен быть обязательно красивым, достойным нашей эпохи. В планировке должны быть определенные установки на создание внушительного, жизненного и возрождающегося центра, который бы отвечал нашей эпохе. Я акцентирую этот вопрос и хочу обратить чрезвычайно серьезное внимание с тем, чтобы в этих словах не было такового вульгарного представления. Обычно такие слова очень часто поверхностно скользят. Но мне представляется, что такая постановка вопроса должна быть и за нее нужно держаться. Иначе можно скатиться в сторону делячества, латания заплат, не имея и представления общего подхода к градостроительству. Но вместе с тем, нужно думать, чтобы все эти вопросы укладывались в рамки реальности, в рамки жизненности, и поэтому нужно разрешать с чрезвычайной обдуманностью и осторожностью.

Я считаю, что архитекторы и градостроители должны выступать с определенными идеологическими установками как практики, и как патриоты города Курска.

Когда стал вопрос относительно украшения Красной площади, то пришлось считаться с Домом Советов, который уже построен и по которому ведутся отделочные работы. Это здание чрезвычайно внушительное по объему и по площади, оно доминирует над всеми зданиями. Ему можно противопоставить Собор, который имеет спад на 8 метров. Поэтому сам рельеф местности отводит Собор на второй план. Но его высокая композиция заставляет считаться, причем он сделан мастерами XII–XIII-го столетий¹, поэтому с ним надо считаться, но надо считаться так, чтобы противопоставить ему наши советские сооружения. При компоновке центра приходилось считаться с двумя значительными сооружениями, затем с выездом на улицу Ленина, которая организует целую сторону этой площади на протяжении около 300 метров. Это значительное протяжение, которое ко многому обязывает, тем более что площадь и по своему построению чрезвычайно трудная.

¹ Датировка указана ошибочно. Знаменский собор, расположенный в историческом центре города Курска на территории бывшего Курского Знаменского Богородицкого монастыря, был построен в 1816–1826 гг. в честь победы в Отечественной войне 1812 года.

Она состоит из системы двух площадей. Первая площадь, которая замыкает Дом Советов и парк. Вторая площадь, которая перекидывает нас от Дома Советов в низину города Курска. Этот момент чрезвычайно серьезный и с ним надо считаться. Между тем, Красная площадь является завершением всего города Курска.

Если Вы будете развивать эту тему с площади Перекальского, то на Красной площади вы имеете представление окончательной точки, которая вас перекидывает в замечательное пространство, и поэтому представляется, что Красная площадь с точки зрения архитектурной является самым основным напряжением, и поэтому здания гостиницы и Горсовета, которые открывают въезд в улицу Ленина, нужно было решить в моем представлении какими-то пропилями¹, которые бы подчеркнули значительность магистрали протяжением в 2 километра. Тут будут значительные сооружения, будь то здания общественные или жилые, но они должны быть значительные и требуют каких-то красивых зданий, ибо это все центр города Курска. Для того чтобы ввести зрителя в эту магистраль, нужно поставить убедительные и красивые объекты.

Повторяю, протяженность этой ленточки 300 метров. Здания Горсовета и ОблЗО занимают примерно 126 метров. Затем здание гостиницы, которое заканчивается торцом жилого дома примерно 140 метров. Для масштабов г. Курска эти объемы чрезвычайно значительные. Они значительны по своему положению. Так как речь идет об основной центральной площади.

Для того, чтобы создать впечатление при въезде в эту магистраль, появилась необходимость закрепить эти углы объектами, которые бы, если бы не спорили, то были бы не хуже, чем Собор.

В первых вариантах, над которыми работали авторы, эти сооружения вырисовывались силуэтами на самих углах. Один вариант были башни, которые вырисовывались в виде бельведеров². Эти башни были незначительны и поэтому они не были настолько убедительны, чтобы вопрос разрешился благополучно. Здесь нужно было взять объект значительнее и красивее.

Я говорю о Красной площади. Мне бы хотелось начать архитектурное решение этой темы с площади Перекальского, которая открывает въезд в центр. Я повторяю, по оси этой площади стоит здание Мединститута – бывшая тюрьма, затем педучилище и строительный техникум.

Эти здания открывают въезд в центр. При решении площади нужно было иметь в виду, что несмотря на то, что эта площадь значительная, но

¹ Пропилеи – парадный проход, проезд, образованный портиками и колоннами, расположенными симметрично оси движения на каком-либо участке или в архитектурном комплексе.

² Бельведер – легкая постройка на возвышенном месте (иногда надстройка над зданием), позволяющая обозревать окрестности.

она не должна доминировать над Красной площадью, где имеется самое большое напряжение архитектурного оформления. Вся магистраль переходит от одной площади к другой. Если Красная площадь по замыслу является официальной площадью – правительственной, то площадь Перекальского, которая открывает въезд в город – должна представить собою площадь интимного характера, интимной архитектурой является парк, там имеется открытое пространство, жизненно установленный момент, и он является центром интимной архитектуры.

Кроме этого, я должен сказать, что по всей магистрали от центра к парку я стремился создать подготовительные элементы. Если вы представите, что вся магистраль состоит из стеночки зданий, затем механический перепад перед парком, то это не будет представлять интереса. Поэтому я стремился заострить некоторые пункты, которые бы служили переходом к парку, с другой стороны, создать некоторый интимный архитектурный интерес.

Когда пришлось решать вопрос техникума, который занимает целый квартал, мы встретились с необходимостью решить вопрос таким образом, чтобы с магистрали был вход в этот квартал в виде такого курданера¹, чтобы это оправдывало функции хозяйства. Техникум занимает весь квартал, и когда вы организуете такой курданер, то создается впечатление, что вы входите во все хозяйство. Этот проект повторен на продолжении улиц Гоголевской и Садовой. Эти две улицы, в которые вписываются эти два курданера, силуэтность города представлена в виде прорисованных башен. Если мы организуем силуэт этой башни, то мы должны раскрыть пространство, чтобы лучше обосновать, чтобы чувствовалось, что она сделана не зря. Поэтому и третий курданер, который является сооружением случайного характера, и затем через этот торец здания вы переходите к парку.

Переходя к центру площади, вы встречаетесь с таким переходом. Если на площади Перекальского вы встречаетесь с этими курданерами, то и на Красной площади вы встречаетесь с этим третьим курданером. Если бы курданеры были на всем квартале, то вы бы не закрепили их в своем представлении. Мы здесь имеем три дома общественного характера. Я имею в виду райкомы и затем гостиницу. Гостиница играет роль со стороны магистрали подготовки к центру Красной площади. Когда вы идете к Красной площади, вы Дом Советов не видите, но, чтобы это не явилось для вас неожиданным, вы встречаетесь с гостиницей, а затем встречаете Дом Советов. Я не хочу сказать, насколько является правильным задуманная этажность этого дома, но так как он существует – приходится с ним считаться.

Новые сооружения меняют представления о масштабах Курска. Если были раньше 2–3-этажные здания, а теперь 3–4-этажные, то должны

¹ Курданер – парадный двор перед зданием, ограниченный главным корпусом и симметричными боковыми флигелями.

меняться и масштабы, но они должны меняться не до бесчувствия, а нужно считаться с возможностями города Курска.

Такой принцип и заложен по другой стороне этой магистрали, о которой я умолчал. Стремление перейти на другую сторону магистрали, чтобы существовал какой-то порядок в этих сооружениях на другой стороне. Если мы на одной стороне имеем курданеры, то против имеем здания, и я старался сохранить принцип, чтобы по обеим сторонам магистрали существовал порядок и архитектурная увязка объектов. Там, где расположен парк, мне казалось, что это пространство нужно оправдать сооружениями визави. Какую противоположность можете себе представить. Вы делаете красивую решетку и, естественно, у вас явилось желание иметь нескучные фасады домов, а какие-то сооружения, скажем, общественного характера или жилые, но значительные по своей выразительности. Поэтому и мне казалось, что против парка нужно расположить общественные сооружения, которые являются продолжением художественного интереса.

В этом месте я имел в виду поставить одно из зданий, которые предусмотрены титульным списком строительства города Курска. В моем распоряжении были сведения, что Курск будет в развитии 5-летки, а может быть, и дальше иметь кинотеатр, Дом связи, Дом физкультуры, Универмаг, Ленинский и Сталинский Райсоветы. И вот одно здание должно занять это место на магистрали.

Парк предполагается разделить на две части. В одной части – детские организации, детские площадки и подсобные помещения; в другой части парка – стадион, как будто он уже существовал, в котором будет зал и подсобные помещения.

Центральный парк с включением зоологического сада будет давать направление. В генплане он здесь обозначен.

Я коротко остановлюсь на некоторых сооружениях. В принципе, мы стремились по возможности сохранить в центре города сооружения, которые конструктивно представляют интерес и которые можно сохранить. Поэтому была принята такая установка по возможности, все то, что можно, сохранить, и опять-таки нужно считаться с реальной действительностью. Очень много разговоров вызвали здания Горсовета и ОблЗО. При первом приезде в Курск я обратил внимание на здание ОблЗО и сказал, что нужно точно исследовать фундамент, так как здание подвергалось пожарам и было заминировано, и поэтому нужно подойти очень серьезно к исследованию фундамента. Когда встает вопрос, сохранить или ломать, то нужно подходить осторожно, и решить вопрос тогда, когда будут ясны все точки зрения. Нельзя подходить так, чтобы в угоду архитектурному замыслу не считаться ни с чем и делать вещи, как на свободном участке. Я должен вас здесь предостеречь, так как практика

строительства 15-ти городов¹ уже сигнализирует, что некоторые авторы не считались с тем, что могло быть апробировано. Если вас это интересует, я могу сказать, о каких городах идет речь. Поэтому, когда решаете такой вопрос – нужно подойти очень тщательно и осторожно.

Когда мы имеем ясно обрисованные моменты, мы должны на этой основе делать архитектуру – тогда будет звучать убедительно. Может быть, можно работать на существующем здании или реконструировать, но это значит, что нельзя создать красивые и интересные сооружения. Наша задача была бы легка, если бы мы решали сооружения на свободном участке. Поэтому, когда шла речь о сооружении на месте Горсовета и ОблЗО, я говорил, что надо исследовать фундамент, так как по внешнему осмотру оно не является такой коробкой, за которую надо драться.

Когда товарищи приехали в Москву и поставили вопрос относительно того, что надо ли все ломать, то к этому вопросу надо подходить очень осторожно. Беда в том, что товарищи не привезли материалов по исследованию фундамента. Я знакомился с материалами по исследованию фундамента ОблЗО, где сказано, что использовать фундамент не представляется возможным. Сейчас мы снова осматривали коробку, и она вызывает большие опасения.

Вариант, над которым я работал, предусматривает частичную передвижку оконных проемов. Я хочу на этом остановиться, чтобы не было неправильного толкования. Надо на это обратить большое внимание. Нужно, чтобы были определенные деловые высказывания.

Вот эти два здания – это тема определенного порядка, определенного ритма. В зданиях, которые создавались в разное время, такого порядка нет. Над этим сооружением работает автор Токман. Мы рассмотрели здания Горкома, Горсовета и ОблЗО. Здесь не меняются проемы со стороны улицы Ленина, но проемы меняются со стороны площади. Тут большую часть здания занимает ОблЗО, по которому имеется заключение, что использовать эту коробку нельзя. Следовательно, ломки со стороны площади, если выкинуть здание ОблЗО, не такие значительные, чтобы можно было говорить, что оно занимает все расстояние площади. Я бы хотел видеть план и фасад по гостинице и Горсовету.

По ул. Ленина, я повторяю, по Горсовету изменения небольшие – там идет речь о 2–3-х проемах, и речь идет о постройке, которая организует зрительный зал и фойе.

В основном больших изменений нет. Шла речь о разграничении зданий НКВД и Горсовета. Эта вставка имеет в виду разорвать эти два здания. Когда мы подробно остановились на технологическом плане

¹ Имеются в виду города, упомянутые в Постановлении СНК СССР от 1 ноября 1945 г. № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодар и Мурманска».

Горсовета, то выявилась потребность застроить эту вставку, и решили, что это является декоративным элементом на стене.

Вслед идет здание НКВД. Оно закончено проектированием в 1944-м году. По правительственному распоряжению проекты должны ежегодно перерегистрироваться, но руководители этого строительства перерегистрацию проекта дотянули и не дали до сегодняшнего дня. Когда приехали на согласование, то был поставлен вопрос в Управлении у тов. Шкварикова, где на заседание были вызваны ученые арбитры, где пришли к заключению, что фасад по улице Ленина должен быть переработан, а здание, находящееся на улице Бебеля, может продолжаться строительством. Сейчас строительство по улице Ленина приостановлено.

Я хотел бы обратить ваше внимание. Я не стесняюсь говорить на совещании, потому что ко всем вопросам надо подходить со всей серьезностью.

Когда товарищи приехали за согласованием, они говорили, что имеется 1 000 человек рабочих, которые ведут кладку по всему фронту, что нельзя сдерживать проектировку. Но люди, которые следят за строительством, с этим не согласились. Пора авторам думать не только о том доме, над которым они работают, но надо думать над всем ансамблем. Нужно почувствовать себя патриотами этого градостроительства.

Когда мы решаем ансамбль самого города, то мы должны думать и о значении площади. Здесь большое значение приобретает площадь. Нам нужно думать и об отдельных сооружениях, но доминирующим является площадь, а отдельные сооружения являются подчиненными этому моменту.

Нужно остро чувствовать и не впадать в противоположности, думать не только об одном доме, но думать обо всем ансамбле. Думать об одном доме – это было бы неправильно.

Несмотря на то, что на площади, кроме гостиницы имеется жилой дом, мы должны подходить с точки зрения ансамбля. Мы не должны пренебречь и функцией этого жилого дома. Я на этом останавливаю ваше внимание, чтобы заострить всю серьезность этого дела, чтобы каждый из нас мог представить всю сумму вопросов, которые выдвигает перед нами градостроительство. Здесь архитектор, планировщик и основной руководитель города этими пунктами пренебрегать не должны.

Когда я пришел сюда, мне хочется услышать от вас деловую и жесткую критику, и поэтому созвано такое обширное совещание специалистов, чтобы мы, как специалисты и строители, к каждому вопросу подходили серьезно и дали свое мнение с тем, чтобы мы в дальнейшем работали без ошибок.

Я делаю такую ставку в своей информации, чтобы каждый вопрос акцентировать.

Я останавлиюсь на Доме Советов, Госсовете, НКВД, на таких сооружениях, которые являются объектами 1-й очереди. Гостиница

проектируется на свободном участке, но она проектируется в ансамбле площади. Говорить об образе гостиницы – это вещь сложная. Решая образ гостиницы, рецептов сразу не подскажешь, но надо решать нам с площади. Если мы решим в виде пропилей двух площадей – это решение ансамбля подсказывает, что здание гостиницы дано в подчинение площади. Там могут появиться свои проемы окон и свои обрамления окон, свое внутреннее пространство в отличие от горсовета. Там организуется ресторан, двухсветный вход. Гостиница имеет свою специфическую сторону, которая должна быть здесь подмечена чрезвычайно тонко. Архитектурные детали дадут то разнообразие, которое мы хотим видеть во всех сооружениях. Мне так представляется этот вопрос.

Если я сошлюсь на французский классицизм, там предполагали строить симметричные сооружения. На площади Мадлен¹ были построены 2 симметричных здания. Я считаю, что так сосредоточить интригу было бы интересно и разнообразно в решении сооружений. Это должно быть сосредоточено в этом моменте, о котором я уже говорил, не нарушая общего ансамбля.

Можно поставить вопрос, который уже мне ставили несколько раз. Скажите, единственное ли это решение, ответьте, пожалуйста. Естественно, всякий здравый человек скажет, что не единственное решение. Я считаю, что такое решение подсказывается тем, что нас интригуют. Это нужно искать в специфике самого здания. Это одна сторона. Вторая сторона – если мы это обдумаем и считаем, что это правильно, тогда это решение для гор. Курска будет убедительным.

Когда я касался вопроса разнообразия, то я имел в виду и другую площадь – площадь Перекальского. Если мы ставим симметричные здания, тот мы на самой магистрали и на площади Перекальского, которая также является въездом в магистраль, то это было бы до бесчувствия. Такой момент встречается и на Красной площади, которая является официальной.

Когда вы обратите свои взоры на площадь Перекальского, то там такое разнообразие имеется в здании института, и здание визави решается иначе. Тут площадь меньше по значимости, тут можно кое-чем пренебречь и можно решить несколько интимнее.

Я обращаю внимание на самую магистраль, где вы почти не найдете симметричного здания, за исключением этого здания. Во всех других зданиях вы видите асимметричные решения, за исключением парка, который еще не решен. Я над ним сейчас работаю и выясняется другой вариант. Там в центре этого здания проходит улица в трех кварталах. В этом решении предполагается эту улицу загородить этим зданием и дать два прохода в арках. Я считаю, что этот вариант пока еще не отвечает правильному решению. Поэтому можно сейчас разработать вариант.

¹ Площадь, расположенная в Париже (Франция), характерная тем, что при въезде в нее стоят два симметричных здания.

Когда здание стоит симметрично и открывается улица, то такой момент в площади не является закономерным на протяжении всей магистрали и встречается только в ансамбле площади, чтобы сделать ее убедительной, чтобы она не вызывала сомнений случайности.

Нам нужно сказать, что проектировать живописно – это дело трудное. Здесь должно быть проявлено исключительное мастерство, чтобы все было соразмерно, все согласовано. Поэтому и решение ансамбля должна большая осторожность и большое художественное чувство.

Отвечая на вопрос, как можно решать, я отвечаю, что можно решать так, и эдак, и симметрично, и асимметрично, лишь бы было красиво, закономерно и логично с точки зрения архитектуры.

Вот как мне представляется возможным решать вопрос.

Тов. Гулин [И.Н.]. Какие имеются вопросы?

Вопрос: Где намечается музыкальное училище?

Ответ: Музыкальное училище – автор Селезнев – расположено в этом квартале. Должен признаться, что мы уже наметили, этот отрезок, [он] чрезвычайно ответственный. При входе в парк стоит одноэтажное здание, которое существует, и там, кажется, живут. Тут имеется вход в парк. Это имеет чрезвычайное значение как место прогулок. Дом Пионеров и музыкальное училище будут намечены в одном плане. Мне звонил автор, и мы договорились с ним встретиться.

Вопрос: Я должен поехать в Москву по этому проекту. Удастся ли мне там с вами встретиться?

Ответ: Можно встретиться.

Вопрос: Интересно знать ваше мнение в отношении Дома Советов.

Ответ: По оформлению Красной площади – первая площадь аванплощадь, парк и спуск по ул. Дзержинского, и в этом месте, которое организует прямоугольную площадь, мыслится памятник Победы, посвященный Курской дуге. У меня имеются сведения, что этот вопрос уже решен, и памятник будет расположен в этом месте.

Я уже говорил, что серьезным моментом является Собор. Это хорошее здание и его ломать нельзя. Оно будет существовать, так как здесь приложены большие здания. Но ему нужно противопоставить здание Горсовета, которое по своему объему больше Собора. Но и перспектива улицы Дзержинского не видна. Для того, чтобы площадь была взята в шоры, мыслится поставить обелиск, чтобы закрепить площадь. Последнее время я стал работать над башней. Я решил, что эту задачу обелиск не выполнит, и поэтому выявился вариант в виде башни. Я должен сознаться, что эта башня в смысле высотности велика, здесь не учтен момент перепада [высоты] Собора. Поэтому создавать здесь общую башню не надо. Есть стремление создать объем для перспективы города, чтобы иметь законченное правительственное сооружение. Я считаю, что башню надо переработать с тем, чтобы понизить этажность. Вариант с обелиском не выполнит той задачи, которую мы на него возлагали.

Вопрос: Вы сказали, что дом¹ по ул. Гоголевской должен снижаться.

Ответ: Это неприятный момент, который поднял тов. Астафьев. Этот дом не по масштабам Курска. Там 6 этажей, он не вкладывается в ансамбль. Он по высоте равняется Дому Советов, а стоит на магистрали, где значение его сугубо подчиненное.

Я предлагаю снять два верхних этажа и оставить 4 этажа. Если мы оставим 6 этажей, то не знаю, что с ним делать, он будет выходить из ансамбля. Там должен быть мягкий и тактический переход. Этот дом находится в неудачном положении. Я предлагаю снять два этажа.

Тов. Астафьев. Какое значение имеет здание шестерки², где мы сейчас находимся?

Ответ: Это тоже большой вопрос. Оставить его в таком виде, как оно существует – нельзя. Сегодня были разговоры, что нужно на площади решить это место. Капитальной реконструкции быть не может. Может идти речь, чтобы последующих застройщиков использовать, чтобы небольшими средствами дали элементы, звучащие и родные своему ансамблю. Могут быть отдельные вставки, но оставить его так было бы неверно. К нему нужно подойти тактически.

Вопрос: Интересно послушать, как вы думаете оформить Дом Советов?

Ответ: Эти портики идут за счет решения в штукатурке. Здесь имеется вариант, чтобы представить Дом Советов в несколько более существующих курских масштабах. Мне кажется, что эти колонны выперли из масштаба. Я должен предупредить, что над Домом Советов нужно еще много работать. Остановиться на этом варианте необязательно. Я могу предложить не обивать этого цоколя, тогда не будет необходимости заполнять этот цоколь, и можно добиться другими средствами. В этом отношении $\frac{3}{4}$ -ные колонны надо подсчитать не с точки зрения конструктивной, а с точки зрения ордера. Если будем креповать на месте цоколя, то нужно их сделать уже. Или в связи с организацией этой башни, или в связи с другой реконструкцией, которая намечается здесь, решить Дом Советов необходимо. Надо поработать над фрагментами Дома Советов. Помимо того, что не надо делать капитальных затрат, уже имеется направление, которое должно быть сообщено.

Вопрос: Что делается с цирком?

Ответ: С цирком связано два вопроса. Во-первых, приличествует здесь быть зданию цирка и, во-вторых, хорош ли он в том виде, в каком он сейчас находится. На эти оба вопроса я отвечаю отрицательно. Мне представляется, что цирк должен занять более скромное место. Это одно. Если выявляется потребность сооружения другого здания, тогда потребуется новая проектировка и новое здание. Он запроектирован кругло, и поэтому он на площади чувствует себя неуверенно. Если дали

¹ Имеется в виду дом, расположенный в настоящее время по адресу: ул. Ленина, 90/1.

² Имеется в виду здание, расположенное по адресу: Красная площадь, 6.

такую форму, то нужно создать соответствующий фон. Если мы отвечаем отрицательно, то нужно ставить другое культурное учреждение. Я осмотрел стены и внутри сооружение, и нужно сказать, что качество строительных работ цирка чрезвычайно низкое. Тут дело хуже обстоит, чем со зданием ОблЗО, так как война его сильно потревожила.

Вопрос: Ширина улицы Ленина в 40 метров – это окончательно закреплено, или будут другие предложения?

Ответ: Она окончательно закреплена. Она утверждена генпланом.

Вопрос: Что предполагается сделать с летним театром?

Ответ: Пока он остается, так как он закрыт зеленью.

Вопрос: Как мыслится второй конец улицы, где находится мединститут?

Ответ: Я уже говорил, что он поставлен на оси улицы, и от него нельзя избавиться. Когда вы идете с Красной площади, вы идете прямо на него, и напрашивается вопрос, что вы там видите. У меня такое представление, что это сооружение очень неприятное. И поэтому, если вы наблюдаете такую вещь, что вам приятно наблюдать то, что вам интересно. Отсюда логический вывод, что его надо тронуть в части реконструкции. Такая проектировка идет. В этой проектировке нужно учесть ансамбль. Институт в этой части, которая выходит на магистраль, нужно закомпоновать. Я предлагаю высотную композицию и считаю, что можно декоративно решать. Можно ставить вопрос, какая должна быть высотность. Но то, что это здание должно быть интересно и грамотно решено, для меня этот вопрос ясен.

Вопрос: Как решается вопрос с педучилищем?

Ответ: Я стараюсь его сохранить в прежнем виде, но беда в том, что он не созвучен ансамблю. Я предлагаю приставить $\frac{3}{4}$ -ные колонны. Достаточно хорошо сделать колонны и хорошо сработать фронтоны. Тут больших средств не требуется.

Вопрос: Если посмотреть на верхний чертеж, мединститут почти симметрично расположен по старой ширине. Если отодвинем улицу на 15 метров, приятно ли будет выглядеть башня, которую надо ставить в центре?

Ответ: Если вы обратите внимание на Собор, то он тоже смещен. Некоторое смещение вызовет интерес в компоновке решения. У меня здесь нет никаких опасений. У вас создается известный интерес. Если речь идет о башне, то ее нужно так организовать, чтобы общий объем был определенно уравновешен, чтобы эта башня не выглядела случайного явления. Ее нужно сделать с большим тактом, чтобы она играла подчиненную роль.

Вопрос: Площадь Перекальского завязывает узел, где имеется вторая по значимости площадь?

Ответ: Этот вопрос еще не решен, и поэтому я прикрыл это зеленью. Этот вопрос будет решаться в виде застройки.

Тов. Гулин [И.Н.]. Есть предложение прервать наше совещание до 11 час. утра 26 апреля 1946 г.

(перерыв)
УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

20 апреля 1946 г.

Тов. Гулин [И.Н.]. Товарищи, продолжим работу нашего совещания. Переходим к обсуждению вопроса. Кто имеет слово.

Тов. Астафьев. Из информации тов. Стенюшина получается, что его проект является единственным решением данного ансамбля. Если рассмотреть в отдельных частях или в целом, то на мой взгляд, решение центра неправильное. Это получилось потому, что проект проектировался на расстоянии 500 километров, и поэтому получилось, что в натуре ленточка прекрасная, но если подходить к каждому в отдельности зданию, учитывая сроки и темпы, то, надо сказать, что на ближайшую пятилетку задача невыполнима.

По зданиям Горсовета, ОблЗО и гостиницы, если взять памятник архитектуры, то на Красной площади осталось менять два–три проема. Здание Горсовета имеет прекрасную коробку, и создать архитектуру в современных условиях – это работа чрезвычайно трудная. Вы не сказали, насколько возможно применить к существующему зданию. Эта задача трудная. Здесь нужно показать все свое мастерство. Тот вариант, который имеется, технологически правилен, а ваш вариант меняет здание Горсовета и здание НКВД. Про гостиницу сказать нечего.

Если вы берете эту композицию, то этим самым вы снижаете Дом Советов. По вашим словам, там реконструкция небольшая, но работа там большая. Если согласиться, что это можно выполнить, но Красная площадь не разрешена в генплане и в общей композиции, и здание шестерки также нужно ломать, чтобы создать памятник.

В отношении башни. Она в наших условиях неприемлема. В отношении площади Перекальского. Если мы здесь решаем строить строительный техникум, тут трудности в условиях строительства в наших местных условиях снижать эти два этажа. Если бы вы работали на месте, то при вашей опытности и знаниях можно было бы создать такой архитектурный памятник и, исходя из рельефа, создать красивую ленточку плюс архитектура, создать, но не ломать. Это одно. Мало того, что он будет на углу, и, если будет портик, трудно видеть, какое будет оформление этого силуэта. Дальше получается пустота.

Времени еще достаточно для исправления, как вы сказали. Все сроки строительства уже прошли. Сроки проектирования здания Горсовета просрочены. На сегодня вопрос не решен. Если вы будете заниматься детально – это было бы хорошо. Но на расстоянии 500 километров, решение вряд ли будет получено.

Надо просить нашу администрацию и вас переехать на некоторое время сюда, чтобы ускорить строительство объекта, а ваши приезды сюда – это оттяжка времени. У нас имеется 12 проектов, и пока ничего не делается.

Тов. Корнеев. Товарищи, работа центра затянулась на полтора года. Я считаю, что основная завязка и основная идея разработка центра, по моему, здесь сочетается.

В основном надо разработать и восстановить Курск, чтобы он отвечал задачам будущего города. Здесь придется пойти и на жертвы.

Объемы, входящие в ансамбль, как ОблЗО, здание Горсовета и Горкома – это основные объекты, завязывающие будущую площадь, и правильно автор центра подошел. Гостиница и жилой дом – это новые объекты. Если взять участок Горсовета и Горкома и начать с него, то безусловно автору было бы трудно завязать общую идею центра. Мне думается, правильно разрешена и ленточка в едином силуэте. Взят крупный ордер. Наблюдая с улицы Дзержинского на гимназию, выглядит она основательно. Она подчеркивает центр и силуэт этих будущих зданий гор. Курска. С какой бы точки зрения не смотрели, вы центр видите, и при решении этих объектов отдельно, Горкома, ОблЗО, гостиницы и здания жилого дома, – это было бы неверно. Единый силуэт центра будет довольно приятно воздействовать на глаз зрителя. В данном решении учтена в целом вся площадь. Это мое мнение.

Надо отметить, что работа проделана большая. Основное направление и идея завязки центра автором правильно намечены. Возможно, что отдельные случаи не решены, и сам автор сказал, что за два месяца он это все проделать не мог, но основное направление содержится в работе центра, в районе улицы, все это согласовано, и, следовательно, строители будут работу производить.

Автору в дальнейшем нужно больше отразить те задачи, которые возложены правительством при проектировке городов.

Тов. Шуклин [А.Г.]¹. Тов. Стенюшиным проделана большая работа за короткий период времени. Основная идея решения, конечно, правильна.

¹ Шуклин Алексей Григорьевич (24.03.1908, Курск – 20.08.1977, Курск) – архитектор, скульптор, художник, педагог, член Союза архитекторов (1936). Родился в семье художника-педагога. В 1926–1929 гг. работал учителем черчения и рисования Сапоговской средней школы Курского р-на. Учился на скульптурном ф-те Ленинградской Академии художеств (1929–1933). Окончил ф-т жилых и общественных сооружений Московского архитектурного ин-та (1933–1937). Архитектор проектной конторы «Курскоблпроект» (1937–1940). Гл. архитектор строительства Курского Дома Советов (1940–1941). Гл. архитектор Курска (дек. 1943 – сент. 1944; дек. 1944 – июнь 1946). Старший архитектор Архитектурно-проектной мастерской при Управлении гл. архитектора Курска (1946 – 1950). Старший архитектор-эксперт, зав. бюро экспертизы проектов и смет; ученый секретарь в отделе по делам строительства и архитектуры Курского облисполкома (1950 – 1961), по совместительству работал архитектором в Управлении гл. архитектора Курска. Там же вел художественную студию. преподаватель скульптуры на кафедре Курского пединститута (1961–1968). Участвовал

Со вчерашним докладом согласиться можно. Основное направление их правильное. Но мне хотелось бы сказать, что в части решения Красной площади в некоторой части согласиться нельзя.

С площади Перекальского въезд в центр города, затем идет развитие темы центра по Ленинской улице и заканчивается максимальными силами и средствами на Красной площади, то Красная площадь в некоторых точках разрешена не так, как хотелось бы.

Выезд с Красной площади на ул. Ленина – два симметричных объекта. Решений таких много и прием неплохой, но он несколько подан в другой концепции.

При данном решении получается, что основное здание – здание Собора на Красной площади. По-моему, это неправильно. Основным зданием должен быть Дом Советов. Это правительственное здание, и Дом Советов должен иметь главную ось. Здесь имеется путаница. Здесь сам автор несколько запутался. В решении появляется башня, а раньше был обелиск, затем обелиск показался мал, и автор предложил башню. Когда появляется башня, тут и Собор отодвигается на второй план. Тогда разрешите спросить, зачем мы должны решать симметрично, когда главная ось площади – Дом Советов, цирк. Тут есть порок. Симметричное решение хотя и убедительно, но в данном случае оно неправильно.

Я считаю, что въезд по ул. Ленина нужно решать не идеей пропилей, а асимметричностью объектов. Появление башни вызвало нарушение всей организации площади, и появилась третья ось.

Мне кажется, что нужно завершить улицу Дзержинского. Это желание законное, но не такими сильными средствами. Основная ось должна быть – это Дом Советов. Если мы принимаем этот основной расчет, тогда мы должны и развертку решать в другом плане. Это было бы более законно. Пропили нужно отодвинуть на выход второй площади.

*Тов. Георгиевский [М.В.]*¹. Задача пятилетнего плана состоит в восстановлении и развитии народного хозяйства, в восстановлении всего того, что было разрушено немецкой оккупацией. Эта задача должна быть решена с максимальной экономией хозяйственных средств, так как режим

в реконструкции центра города Курска. (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 239).

¹ Георгиевский Михаил Викторович (22.03.2898, Тула – 21.09.1960). Родился в семье учителя. После окончания гимназии начал трудовую деятельность в качестве техника-строителя, работал на территории Правобережной Украины (с 1918). Окончил архитектурно-искусствоведческое отделение Киевского политехнического ин-та (1925). Архитектор Курского отделения «Сахартрест» в Курске. Зав. строительно-техническим подотделом Горкоммунотдела, проектировщик-архитектор жилищного строительства, представитель окружного Управления строительного контроля (ноябрь 1927 – 1932). Архитектор проектной конторы «Курскоблпроект» (1934 – 1941) (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 48).

экономии дает известное накопление для осуществления еще большего размаха строительства.

Если обратить внимание на данный проект, то напрашивается вывод, что вопросы экономии здесь упущены, а упущение этого момента приводит к тому, что за пятилетний срок восстановить центр города едва ли удастся.

Дело в том, что нужно проектировать, исходя из момента возможностей и экономии народно-хозяйственных средств, надо то, что можно, сохранить и лучше работать, но не подходить к этому вопросу с аргументом лома и кирки.

В свое время, когда разрабатывался план реконструкции г. Москвы, была тенденция, что нужно центр снести и перенести на другое место. Тов. Сталин дал четкую установку на XVIII партсъезде, чтобы максимально использовать то, что имеется. И поэтому в Сталинском плане указано, что центр города Москвы не нужно сносить, и оказалось, что можно реконструировать, и получился хороший проект.

Если обратиться к нашей курской действительности, то в вопросе подхода к постройке новых зданий здесь будет неправильная установка все ломать. Нужно экономить средств, чтобы построить как можно больше, так как Государство не может дать больше денег, чем запланировано.

Если обратиться к улице Ленина, то ряд зданий хорошо сохранился, а на них ставится крест. Имеются другие решения. Я говорю о решении вопроса Госбанка, бывшего обкома, также относительно цирка. Те здания, которые в хорошем состоянии, их нужно реконструировать.

Вопрос въезда по ул. Ленина, надо сказать, что здание, которое занимали до войны Горком и Горсовет, коробка находится в хорошем состоянии, и если решается вопрос, что лучше: разобрать или реконструировать, то здесь будет больше поломок, чем построек.

Я далек от деляческого подхода, но надо здесь сочетать художественность, сроки и большевистскую деловитость. Этого здесь не имеется.

Относительно строительного техникума. Он имеет задержку в проектировании.

Тов. Астафьев говорил, что появление нового варианта привело к тому, что здания Горкома и Горсовета затягиваются постройкой. Мы не так давно читали, что Курск «похвалили» за то, что Курск строится медленно и плохо. Тут имеется ряд моментов. Одной из затяжек является медленный темп проектирования и появление новых вариантов. Это объясняется кабинетным подходом к решению вопросов. Человек, как бы он талантлив не был, если он проектирует оторвано от жизни, что не будет большого количества ошибок.

После всех обсуждений здесь, в партийных и советских органах, будет целесообразно, если проектировочная бригада опустится сюда и будет проектировать, грубо выражаясь, не в облаках, но на твердой и

реальной основе и приближенно к жизни. Это даст лучший результат. Когда строился Магнитогорск, товарищ Молотов приказал, чтобы все проектирующие организации приехали из Москвы, чтобы проектировать на месте. Это дало результат.

Тов. Клеменский. Я хотел остановиться на нескольких вопросах. В докладе автора проходило несколько моментов. Первый момент: Курск – областной город, и никак из рамок областного города он выйти не может.

Насколько я понял по докладу, надо реконструировать Дом Советов. Это надо сделать, но не затягивать. Тоже по вопросу шестизэтажного здания по улице Гоголевской и Ленина. Он ставит в тупик автора, что это здание выступило из рамок, раз это областной город, когда установлено 3–4-этажное строительство.

Такая мысль о рамках областного города ограничивает в рамках строительство города. В каждом большом городе будет много зданий и более крупных, и поэтому ставить так вопрос о 6-этажном доме по ул. Гоголевской, чтобы снять два этажа – это будет неправильно.

Вторая нить, которая проходила по всему докладу, – это то, что все здания подвергаются реконструкции и даже слому. Во всем тенденция, чтобы сломать.

Если взять здание Горсовета, где имеются большие поломки, и нет ни одного здания, где бы не было крупных поломок. Если взять здание Дома Советов, по архитектуре он неплохой и вместо того, чтобы Дом Советов включить в ансамбль площади, автор становится на другую сторону зрения, чтобы Дом Советов несколько видоизменить.

Я думаю, что вряд ли согласятся наши руководящие советские и партийные органы на такую ломку Дома Советов и других крупных зданий, как Дом на улице Гоголевской.

Третий момент в докладе – что проект недоработан, что на целый ряд вопросов у автора нет готовых проектов. Это обстоятельство и в дальнейшем будет тормозить наше строительство, если и сейчас тормозит строительство Дома Госсвета.

Мне казалось бы, что основные узлы должны быть разрешены быстрее и снисходительнее, мне кажется, что очень целесообразно предложение т. Георгиевского, чтобы проектирование центра города приблизить сюда, и бригаду перетащить в Курск, чтобы проектировать на месте. У нас в процессе работы возникает целый ряд планировочных вопросов, которые потребуют увязки с бригадой планировщиков.

Тов. Кремлев [В.Г.]¹. Я хотел бы сказать несколько слов по поводу принципиального решения центра г. Курска. В основном имеются две

¹ Кремлев Вадим Георгиевич (16.01.1909, Санкт-Петербург – 11.06.1995, Курск). После окончания строительного отделения Свердловского строительного техникума (1931) работал в Свердловске прорабом треста «Дом-госпром-Урал», затем проектировщиком проектной мастерской Свердловского Горсовета (с 1935). Окончил четыре курса строительного ф-та Уральского индустриального ин-та и курсы повышения

площади: Перекальского и Красная площадь, которая считается автором как правительственная.

Въезд в город в основном идет со стороны площади Перекальского. Основная административная линия – Дом Советов расположен на Красная площади. Не имеет большого смысла ставить пропилеи, поставить сооружение для того, чтобы дать направление административное через город.

Второе. Я бы хотел в отношении силуэтности города и улицы Ленина. Мне кажется, что здесь по ул. Ленина мы встречаем ряд башен-вышек. Создают ли они хорошую силуэтность. Кое-где это хорошо, но в некоторых случаях нужен более законченный акцент. Третье, что я хотел сказать, это в отношении Красной площади. Сам автор говорит, что он трактует, как аванплощадь, и в то же время имеется вторая площадь перед Собором.

Тут получается некоторая недоработка, которая здесь чувствуется, так как эта ось, которую автор старается показать, сбивается башней, и это решение не совсем ясное. Тем более, что в дальнейшем было бы интересно решить узел с выездом на ул. Дзержинского и площадь перед Собором.

Здесь имеется нечеткое решение.

*Тов. Ехауеким [А.Ю.]*¹. Мне бы хотелось сказать о силуэтности города и разверстках ул. Ленина. Материал, который сейчас получен, дает основание думать, что улица решена с точки зрения архитектуры правильно, как в смысле этажности, так и в смысле силуэта характера всей улицы. В вариантах решений отдельных частей центра чувствуется большое творческое напряжение.

квалификации архитекторов в Москве (1938). Участник Великой Отечественной войны (февр. 1942 – май 1945) – Карельский, 2-й Прибалтийский фронт. После демобилизации участвовал в восстановлении Курска; гл. архитектор Курска (июнь 1948 – март 1956, сент. 1958 – дек. 1971); преподаватель монтажного техникума; инженер проектно-конструкторского отдела 3-да резинотехнических изделий; начальник сектора планировки и застройки отдела строительства и архитектуры Курского облисполкома. (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 108).

¹ Ехауеким Александр Юделевич (18.01.1893, м. Грива, близ Илуксте, Курляндская губ. – 1966, Курск) – член Союза архитекторов (до 1944). Работал подмастерьем на ф-ке «Отто Кирхер» в Петрограде, учителем рисования в железнодорожной школе Острова Псковской губ., чертежником в музее Петрограда, техником-десятиком в конторе акционерного общества «Промстрой» в Ленинграде. Окончил архитектурное отделение Ленинградской Академии художеств (1927). Работал в Свердловске архитектором «Уралпромстроя», бригадиром «Уралгипрокора», бригадиром проектно-планировочной мастерской при Горсовете. В Курск приехал для участия в восстановлении города. Работал гл. инженером производственно-технического отдела «Облстройтреста» и старшим архитектором-инспектором по охране памятников архитектуры «Курскоблпроект» (1945–1946), старшим архитектором архитектурно-проектной мастерской при гл. архитекторе города (1946–1951), гл. архитектором проектов в «Облпроекте» (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 71–72).

За очень короткий срок имеется известного рода сдвиги в положительном смысле. Сдвиги в каком смысле. Когда я беру отдельные моменты, скажем, на площади Перекальского и зданий в центре – видна тенденция и решение зданий в духе современных требований к архитектуре гор. Курска, который имеет свою специфику. Как известно, Курск – древний город, древнее Москвы, город, который неоднократно разрушался, и сейчас сильно разрушен войной. Поэтому мы сейчас должны требовать, чтобы его восстановление было таким, чтобы город выглядел значительно лучше, чем был раньше.

Эти разверстки дают основание думать, что с этой задачей автор справляется. У автора была грандиозная и трудная задача найти язык архитектуры для решения цензуры, и в этом направлении проделана грандиозная работа, но это только начало: нужно еще много работать, потому что за три месяца переболеть, и пережить, и дать ансамбли, которые отвечали бы современным требованиям архитектуры – с этим едва ли справляются многие наши мастера.

В поле зрения автора должны быть памятники архитектуры древнего города.

Я хочу остановиться на оформлении Красной площади. Я считаю, что площадь с башней решается богаче, в несколько ином характере, чем были до сих пор.

Тут было много разговоров о размерах и местоположении башни. Но в основном идея создания силуэтности и завершения ул. Дзержинского правильна.

Менее благополучно, на мой взгляд, обстоит с оформлением въезда на ул. Ленина с нарочитой симметрией ленточки. Это решение вносит какой-то холодок. Живописность ощущается в оформлении всей площади.

Поэтому мне казалось бы, что тут надо подойти несколько иначе.

Ориентация зрителя в основном на оси ул. Ленина в принципе неверно, т. к. по идее решение площади наиболее значительным является Дом Советов.

В отношении площади Перекальского. Я уже говорил, что она решается довольно богато и правильно. Въезд в город подчеркнут портиками.

В отношении техникума – никаких возражений у меня нет.

По шестерке и Дому Советов требуется еще много поработать, не сомневаюсь, что автор с этой сложной задачей справится.

*Тов. Иванов [А.Н.]*¹. Когда создается впечатление, а перед нами стоит в основном задача в течение пяти лет восстановить город, немцы ломали

¹ Иванов Анатолий Николаевич (18.02.1912, Царицын – 08.10.1977, Волгоград). Окончил Новочеркасский ин-т инженеров коммунального хозяйства (1935). работал в ин-те «Сталинградоблпроект» (до 1941). Участник Великой Отечественной войны. В Курс приехал для участия в восстановлении города. Старший архитектор архитектурно-проектной мастерской при Управлении гл. архитектора города (1945 –

город год – полтора тому назад, и сейчас предоставленный проект считает нужным ломать здания. Это отрицательная сторона.

Центр лежит от площади Перекальского до Красной площади и соединяется улицей протяжением в 2 км.

Площадь Перекальского решается путем организации поставки целого ряда зданий, потом идет улица, разорванная кунданером и парком.

Что касается Красной площади: дело в том, что каждая площадь представляет собой узел, который завязывает целый ряд магистралей. У нас одна магистраль. Вторая улица, улица Дзержинского, выпала отсюда. Автор решает оформление площади и въезда и создает определенную ось и перспективу. Если посмотреть чертеж, она попадает мимо улицы и упирается в Собор. Вторая ось попадает на торец Дома Советов.

Здесь надо решать в корне. Эта задача тяжелая. Как решать, сказать нельзя. Тут надо крепко подумать. Приходится сожалеть, что автор дает один это вариант, а у него было несколько вариантов.

Коснусь больного вопроса в отношении этих домов. Если основная ось будет на Дом Советов, то симметричное решение не обязательно.

Тов. Ниц [П.Т.]^{1.2} Я хочу сказать о масштабах реконструкции, которые взяты автором проекта центра Курска.

нач. 1950), гл. архитектор проектной конторы «Облпроект» (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 88–91).

¹ Ниц Петр Тимофеевич (06.11.1913, Николаев – 19.07.1979) – член Союза архитекторов (1947). Окончил топографическое отделение Московского топографического техникума (1931), Московский архитектурный ин-т (1939). Работал в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Архитектор проектной конторы «Облпроект» в Курске. Зам. начальника отдела по делам строительства и архитектуры Курского облисполкома (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 152).

² В тексте документа некоторые фрагменты дублируются. Речь тов. Ница во втором варианте несколько отличается:

«Я хочу сказать о масштабах реконструкции, которые взяты автором проекта центра Курска. Эти масштабы правильны. Ломки и переделки, которые здесь намечены автором, они не предусматривают такого большого объема, при котором можно сказать, что это значительно задержит строительство города. Ломки не являются решающими при постройке города.

Несколько слов о величине площади. Красная площадь сложилась как вполне ясный организм, размеры и величина ее определены. По своим масштабам эта площадь вполне удовлетворительно может служить достаточной площадью для будущего Курска, увеличенного в объеме до 200 000.

Если будем подходить к решению Красной площади, мы можем ясно дать себе отчет, что величина площади вполне устраивает будущий Курск, рассчитанный на 100 тыс., что должно лечь в основу площади. Ее ориентация ясна. Это Дом Советов и цирк. Другой момент, решающий это направление, транспорт пойдет с ул. Дзержинского по ул. Ленина. Эти два момента ориентации Красной площади определяют композиционную идею площади. Я остановлюсь на решении Красной площади. Как подходит к решению площади автор. Он ставит при въезде на улицу Ленина два объемных пропиля, которые должны дать решение. Эти два объемных

Эти масштабы правильны. Ломки и переделки, которые намечаются проектом не такого большого объема, чтобы они явились значительным

пропилены сами по себе весомы, и они по своей весомости более значительны, чем Дом Советов и симметричный объем их динамичен. Когда вы попадаете на площадь, то они заставляют акцентировать все внимание на этих объемах.

Если посмотреть в несколько другой подаче, если там мы находим завершение ансамбля в этих двух симметричных объемах, то здесь абсолютно не завершается и переходит в реакцию динамики, то есть заставляет зрителя двигаться.

Постановка на мединститут – высотность элементов, они в связи с рельефом улицы не могут дать такого решения. Я рассматриваю их как очень сильно демонирующий элемент, который заставляет зрителя чувствовать динамику движения вдоль всей магистрали. Представьте себе зрителя в углу площади. Эти элементы будут настолько сильны по весомости, что площадь будет являться западающим карманом от взглядов зрителя. По этому соображению такие большие симметричные объемы умаляют достоинство Дома Советов и создают ложную трактовку в ориентации самой площади.

У меня мысль такая, что если мы имеем ясно выраженную композиционную ось, что главное здание на площади – Дом Советов, то ориентация площади ясна. Мы должны заставить зрителя почувствовать, что на площади расположен Дом Советов, и решение вопроса в такой плоскости даст нам возможность подчеркнуть главенствующее положение Дома Советов. В связи с постановкой этих объемов мы не получаем законченной площади как единого онанизма. Если мы решаем эти два объема симметрично, то довольно ясно намечается угловая композиция, которая показывает плотность застройки, но при этом положении они не уравниваются в единый организм.

Автор предложил два решения площади – с обелиском и башней. Автор считает, что правильнее обогатить Дом Советов башней. Постановкой башней он решает ту основную композиции площади, которая должна быть принята – это ось цирка и Дом Советов. Башня сбивает ось площади и не завершает ее.

Тему постановки башни автор поставил сейчас. Она стоит в углу площади. Башня при этой постановке преследует цель дать силуэт города. Единственная цель ее в этом и состоит. Для решения площади она ничего не дает.

Если можно согласиться с тем, чтобы обогатить Дом Советов и дать решение силуэта города новыми элементами, дать почувствовать, что это новый город с новым содержанием, то постановка башни потребует развития площади.

Речь идет о развитии площади по направлению к Собору. Это в известной степени связано со второй площадью. О завершении улицы Дзержинского. Так как при взгляде с улицы Дзержинского получается неприятная перспектива. Надо этот вопрос решить, но не надо забывать такое положение, что через улицу Дзержинского перебрасывается эстакада. Значит, если речь идет о том, чтобы решить этот угол и решить как постановку такого элемента, если зритель будет находиться в районе эстакады, чтобы он мог почувствовать всю полноту элементов, поставленных на углу. Решение завершения ул. Дзержинского должно увязываться с эстакадой.

Скажу несколько слов о решении улицы Ленина. Рельеф улицы Ленина довольно сложный, и он не позволяет вести по улице быстрое движение. Мне кажется, что автор правильно подошел к решению застройки улицы. насыщенность застройки курдонерами и высоты, где человек может отдохнуть. В этом решении автор подошел правильно, большая насыщенность площади высотными элементами отвечает задачам и чувствам, которые будет испытывать человек, движущийся по этой площади» (Л. 32–34).

тормозом в скорейшем строительстве города, но в то же время они позволят дать более свободное и интересное архитектурное решение центр.

Красная площадь сложилась как вполне ясный организм, размер и величина которого вполне могут удовлетворить будущий Курск.

Какие принципы необходимы, с моей точки зрения, положить в основу Красной площади. Первое – это ее ориентация, ее основная ось – ось Дома Советов – цирка. Второе направление оси наиболее интенсивного транспортного потока улиц Ленина и Дзержинского, проходящего через площадь и совпадение с главной осью центра.

Как подошел к решению главной площади города тов. Стенюшин?

Автор считает, что основная композиционная ось площади совпадает с осью главной магистрали города – улицей Ленина, завершаемой зданием Знаменского собора и раскрывающимся за ним пространством. Исходя из этого положения, принятого в основу, автор активно подчеркивает въезд на улицу Ленина с Красной площади, постановкой двух симметричных объемов зданий Горсовета и Гостиницы. Углы зданий подчеркнута монументальны и тракуются авторов как пропилеи.

Представьте себя в положении человека, выходящего из улицы Дзержинского на Красную площадь. Внимание будет целиком поглощено двумя симметричными объемами зданий Гостиницы и Госсобора, прежде всего своей большой весомостью, более значительной, чем главного здания на площади, Дома Советов, а затем и чрезвычайной акцентацией симметричных объемов.

Тов. Стенюшин и другие товарищи приводили здесь примеры исторических аналогов архитектурных решений, входа на улицу, пример решений площади Согласия и Королевской улицы, ул. Росси¹ и др.

Прежде всего необходимо отметить, что предлагаемый проект и приводимые исторические примеры решений имеют весьма существенное различие: Королевская улица, улица Росси и др. представляют собой заверченный цельный ансамбль, дающий полное удовлетворение зрителей.

Что будет испытывать человек, глядящий на два симметричных объема Горсовета и Гостиницы, двигаясь по площади, по ул. Дзержинского? Большая, как говорилось, весомость этих образов, сильная акцентация, полная симметрия в решении объемов не только поглотят все внимание человека, но и вызовет у него реакцию движения на ул. Ленина, т. к. симметричная композиция входа в улицу, направляя взгляд человека вдоль улицы Ленина, не завершается в перспективе каким-то объемом (башня на Мединституте в силу сложного рельефа улицы не будет видна) и поэтому неудовлетворенность глаза перейдет, как мне кажется, в реакцию движения. Следовательно, здесь мы имеем сильную динамическую композицию, в этом и состоит ее основное различие с

¹ Имеются в виду улицы Парижа (Франция).

приводившимися здесь историческими примерами. Как же будет читаться в этом случае Красная площадь? Как западающий карман. Расположенный в глубине его Дом Советов не способен будет спорить с Гостиницей и Горсоветом ни своим положением в композиции, ни массой. Вот эти соображение и дают мне основание сделать вывод, что предлагаемая автором композиционная идея площади в принципе не верна. Надо всеми возможными архитектурными средствами показать, что главное на площади – Дом Советов, и первое, что необходимо – это ориентировать человека на него, следовательно, и дать почувствовать, что главная ось – ось Дома Советов – Цирка, и второе – решить вход на улицу Ленина асимметрично. Что принципиально новое вносит башня, пристраиваемая к Дому Советов, она окончательно водит человека с Красной площади, ориентируя взгляд его на Собор и пространство за ним.

Башня сбивает ось Дома Советов, следовательно, разрушает сложившуюся композицию площади. Кроме этого, само положение башни на Красной площади случайно, оно стоит на грани двух различных по плотности пространств площади и городского сада, по существу, в углу площади, в таком месте, где меньшего всего останавливается взгляд человека. Постановкой башни автор планирует завершить силуэт центра и города в целом новым созвучным нашей эпохе сооружением, считая, что здание Собора не отвечает этому назначению, и одновременно обогатить Дом Советов, улучшить его силуэт.

Если автор считает, что башню нужно поставить именно в этом месте, как он предлагает, то в этом случае необходимо развить и Красную площадь в направлении Собора за счет городского сада и дать пространство перед башней.

Многие товарищи говорили о том, что перспектива улицы Дзержинского должна быть завершена каким-то монументальным сооружением. Говоря об этом, не следует забывать, что на высшей точке улицы Дзержинского, у ее входа на Красную площадь, пройдет транспортная эстакада с улицы Радищева, следовательно, поставленный в завершении улицы монумент закроется эстакадой, и хорошо будет виден лишь в непосредственной близости к эстакаде, из-под ее центральной арки, перекинутой через улицу.

Несколько слов о решении улицы Ленина. Рельеф улицы сложный, он не позволяет вести по ней быстрое движение. Двигающийся по ней человек в силу больших подъемов устает, и естественно, желательно иметь на улице иметь такие места, где можно было бы отдохнуть. Поэтому, мне кажется, что автор правильно подошел к решению застройки ул. Ленина. Некоторая дробность в застройке, подчеркивание рельефа улицы высотными элементами и создают ту необходимую насыщенность, которая удовлетворит глаз медленнодвигающегося пешехода.

Расположенный в центре улицы городской сад и большое число курдоньеров – проектные места для отдыха.

Курдоньер, расположенный в начале улицы у площади Перекальского с правой стороны, не нужен.

*Тов. Лезин [А.И.]*¹. Многое здесь говорилось. Со многим можно согласиться, со многим – нет. Тем не менее, хочется выразить сомнение, правильно ли автор при решении Красной площади, улицы Ленина и площади Перекальского поставил опорной точкой Собор.

Хочу высказать свое впечатление за тот период времени, что я живу в г. Курске, которое производит на меня Собор, и правильно ли ориентируется на него автор, а впечатление такое, что Собор не главенствует, чтобы быть доминантом.

Он стоит в «задах». Дом Советов стоит на площади большим и несложным объемом, Дом Советов несложный по силуэту, но благодаря своей массе, давит. Когда Вы заходите на площадь, то он на вас больше действует, чем Собор. Поэтому игнорировать этот момент будет неверно. Ориентировка на Собор была бы правильной, может быть тогда, когда площадь была бы горизонтальной, но когда мы имеем сложный рельеф и несовпадение оси улицы Ленина с Собором – также момент не пользу предложения автора

Я не согласен с товарищами, которые возражают против одинаковых зданий. Сколько всего зданий на площади? Раз, два и обчелся. Сам ансамбль простой, и стоит ли усложнять его? Имеет ли смысл?

Улица Ленина отвечает масштабам города Курска, все здания 3–4-этажные, вполне выполнимы в Курске.

Что касается самой архитектуры, она привязана к храму, стоит ли продолжить всю эту храмную архитектуру по всем сооружениям? Красная площадь – площадь правительственная, административная. Создается впечатление, что, оставив здания с такой архитектурой, мы создадим ей много интимности, а не деловитости. Площадь будет музейного порядка.

Архитектура скорее будет отвечать научному центру, храму науки, деловитость площади нужно дать благодаря ее назначению в более современных формах, чтобы она привлекала людей не только днем, но и вечером, то есть создать деловитость ей вообще. Отдельные неувязки, которые имеются в работе автора, они не столь значительны и в процессе работы будут, конечно, учтены.

По поводу башни у Дома Советов. Я согласен в тов. Ницем. Эта новая трактовка фасада Дома Советов придала ему скелетный, ходульный характер. Стоит ли делать ему реконструкцию?

¹ Лезин Александр Иванович (23.07.1908, Тифлис – 1976, Выборг). Окончил архитектурное отделение Новосибирского инженерно-строительного ин-та (1936). В Курск приехал по приглашению на восстановление разрушенного города (1944). Председатель Правления Курского отделения Союза архитекторов (окт. 1944 – март 1947). Гл. архитектор проектов проектной конторы «Облпроект» (1944 – 1960-е). В нач. 1970-х уехал в Выборг. (Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XX веков: Иллюстрированный биографический словарь. Курск, 2003. С. 125–128).

*Тов. Токман [М.М.]*¹. Я считаю, необходимо отметить, что за короткий срок сделана колоссальная работа, в то время как за прошедшие 8 месяцев бело сделано несравненно меньше.

Улица Ленина решена, по-моему, правильно. Мне кажется, что человек пойдет по улице Ленина с полным удовлетворением. Она решена живописно, по масштабу гор. Курска.

Курдонеры, зелень присущи Курску. В отношении решения Красной площади, мне кажется, что она еще не решена. Когда решался вопрос о подчеркивании въезда на ул. Ленина, то исходили из того, что главной осью на площади является ось, направленная на Собор. Это было в первый приезд, когда автор центра ориентировался на Собор. Исходя из этой ориентации, правильно была подчеркнута ось въезда. Сейчас автор выдвигает центральным зданием Дом Советов, как и должно быть. Тогда основной осью площади является ось, направленная с Дома Советов на цирк, и излишнее подчеркивание второй оси становится неправильным.

Мне кажется, что для Красной площади было более правильное асимметричное решение входа на ул. Ленина. Мне бы хотелось поддержать предложение тов. Астафьева о том, что необходимо, если мы хотим получить правильное и окончательно решение центра гор. Курска, чтобы автор работал в Курске, тогда не будет тех неувязок, которые имеются сейчас. Мне казалось бы целесообразным, чтобы автор работал здесь.

Тов. Гулин [И.Н.]. Товарищи, все, кто когда-либо проектировал и даже не проектировал в таких объемах, не будучи специалистом понимает это, тот должен видеть, что за короткий срок тов. Стенюшиным проделана большая работа. Это должно быть для всех ясно. Нашими архитекторами, кроме неудачных проектов Гостиницы, ОблЗО и Горсовета, а площадь не решалась.

Сейчас мы видим работу, может быть еще не вполне законченную, и это признает сам автор, но мы видим, что здесь вложена мысль в решение площади в целом. Это несомненный факт.

Я должен отметить, что многие товарищи высказывали довольно дельные замечания, которые автор учтет в дальнейшей работе, но были и такие высказывания, с которыми нельзя согласиться. Об этом я и хочу сказать.

Тут все время идут разговоры о главной оси. Мы и до приезда тов. Стенюшина говорили о том, что надо считать главной осью. Одни говорят, что главной осью нужно считать улицу Ленина, таких очень мало. Другие говорят, что надо считать главной осью с Дома Советов на цирк.

¹ Токман Мириам Маркович (10.12.1916, м. Кривое Озеро, Балтийский у., Подольская губ. – ?) – архитектор, член Союза архитекторов (1946). Окончил Одесский ин-т инженеров гражданского и коммунального строительства (1940). Архитектор архитектурно-проектной мастерской при гл. архитекторе Курска (1944–1947). (ГАКО. Ф. Р-5243. Оп. 1. Д. 1. Л. 90).

Зачем выдумывать какую-то новую ось, если мы имеем дело с уже сложившимся фактом, что основная ось идет от площади Перекальского по ул. Ленина через Красную площадь в направлении Собора. Это – главная ось. Ось от Дома Советов на цирк – второстепенная ось. Поэтому автор, решая задачу, исходит из этого основного принципа, и отсюда симметричное решение входа на ул. Ленина с Красной площади, отсюда и желание подчеркнуть асимметричность Дома Советов. Последнее вызывается и другими соображениями – желанием придать Дому Советов силуэтность, которой он лишен, а также сделать площадь более строгой, официальной, правительственной.

Решая площадь, автор считает, что главным заданием на площади является Дом Советов.

Но можно ли не считаться с Собором, поскольку решено, что это здание нужно сохранить как прекрасный памятник архитектуры, и если учесть, что центр города расположен на возвышенности, то желание тов. Стенюшина исправить силуэт Дома Советов, который сейчас читается коробкой, станет вполне понятным и правильным, ибо Собор, имея выразительный силуэт, действует на вас значительно сильнее, чем Дом Советов, и в этом смысле Дом Советов играет подчиненную роль.

Вот мне кажется, в чем причина того, что тов. Стенюшин проектирует башню на Дом Советов, и нельзя согласиться с тов. Ниц, что башня является самодовлеющим фактором, дезорганизуя площадь. Автор ставит ее, чтобы подчеркнуть значимость Дома Советов, усилить его силуэт. Вот стремление автора. Другой вопрос – удовлетворяет ли нас величина этой башни. Может быть она недостаточно прорисована и не увязана еще органически с Домом Советов, но она вызывается идеей решения площади, желанием исправить неудачный силуэт Дома Советов, повысить его выразительность.

Далее, если смотреть на эту разверстку, то здесь башня гораздо лучше связана с Домом Советов. Здесь, как видите, менее подчеркнут центральный вход в Дом Советов. В этой связи я хотел бы сказать, что Дом Советов нет необходимости так реконструировать, как предлагает автор.

Мне думается, что если не подчеркивать центральный вход в Дом Советов, то появится больше возможностей и органической увязки здания с башней.

Здесь многие говорили, особенно тов. Ниц и тов. Шуклин, что башня дезорганизует площадь. Я думаю, что в дальнейшей работе автор исправит этот недостаток или правильной недоработку сумеет, как и многие другие вопросы, о которых говорилось, разрешить правильно.

Что же касается ул. Ленина и площади Перекальского, то я не хочу о них говорить, так как совершенно согласен с товарищами.

Мне хотелось бы сказать о некоторых доделках по площади. Если в целом идея решения площади заложена правильно, то некоторые моменты еще не решены, не решен спуск по ул. Дзержинского.

Автор намечает на площади памятник Победы на Курской дуге. На площади также проектируется постройка памятника Ленину. Насколько это будет уязвано? Продуман ли это вопрос?

Очевидно, над эти надо еще поработать.

Хочется сказать несколько слов о ломках.

В начале выступления чувствовалось, что на ломках многие снова хотят играть.

Мне кажется, что по вопросу о ломках много неправильных беспринципных разговоров. Странно, что об этом тенденциозно говорят даже те, кто непосредственно участвовал в комиссии по определению годности некоторых зданий и восстановлению. Всем теперь ясно, что здание Госсовета хорошее и ломать его не нужно. Что же касается здания ОблЗО, как непригодного, вопрос решен, и на это у меня есть постановление комиссии. О чем же тут говорить. Мне кажется, у специалистов должно быть определенное мнение по этому вопросу и полная ясность. Что же касается здания цирка, то мне кажется, что и автор не ставит прямо вопрос, что надо его ломать. В дальнейшем может быть найдено такое решение, которое не потребует ломки коротки цирка, а лишь вызовет известную реконструкцию, но ведь это дело будущего, и сейчас кричать об этом несерьезно, очевидно, в будущем здесь будет не цирк, а концертный зал, и тогда разговор о реконструкции его будет конкретней.

Что касается дома К6¹, то его реконструкция по мысли автора, будет осуществлена простыми средствами, и каждый понимает, что оставлять такое здание на площади нельзя.

Какие еще будут ломки, пусть товарищи скажут, но я их больше не вижу, и не вижу причин такого крика о ломках. Я знаю, что многие из выступающих против ломки сейчас, в свое время были апологетами расширения улицы Ленина и, стало быть, ломки всей левой стороны, где имеются десятки хороших зданий, они на это шли, чтобы найти лучшее решение центра города, а вот теперь, когда речь идет о ломке фактически только одного непригодного к восстановлению здания ОблЗО, чтобы найти лучшее решение центральной площади, они кричат о ломках, как о стихийном бедствии, вводя в заблуждение руководителей города.

Мне думается, что это объясняется стремлением проташить свои, хоть и неудачные проекты, прикрываясь шумихой о больших ломках, вызываемых проектами тов. Стенюшина. Где же честность?

И, наконец, пару слов в защиту симметричного решения зданий Гостиницы и Горсовета.

Такое решение придает площади больше строгости и порядка, подчеркивает официальный характер площади. Излишняя живописность, которую вызовут асимметричные объекты, вряд ли будет лучше при такой разнохарактерности остальных зданий и беспокойном рельефе площади.

¹ Имеется в виду здание, расположенное по адресу: Красная площадь, 6.

Что касается влияния Собора на архитектуру этих зданий, на архитектуру улицы Ленина и площади Перекальского, то, мне кажется, что тут полностью согласиться нельзя, но все-таки определенное влияние Собора на автора было оказано.

Тов. Стенюшин [П.Г.]. Прежде всего, я должен поблагодарить товарищей за то, что они так активно отнеслись к моей работе. Это чрезвычайно положительный фактор. Он дает известную зарядку и уверенность, что курские архитекторы и руководство города Курска намерены действительно восстановить город и сделать его красивым. Это совершенно ясно, и для человека, занятого творческой работой, это чрезвычайно положительный момент.

Я немного сожалею, что критика была не настолько сильна и жестока, как я ожидал. Мне представляется, что при решении государственной и сложной задачи нужно проявлять больше огонька, тогда у автора могут появиться новые моменты и идеи, которые бы также помогали работе, но все же я благодарен, что к моей работе отнеслись достаточно серьезно, и все вопросы, которыми я был занят в Москве, нашли также отражение в умах здесь.

Разрешите все выступления систематизировать, так как не хочется повторяться на отдельных выступлениях, и остановиться на общих положениях.

Можно сказать, что больше всего останавливались на Красной площади и площади Перекальского, причем останавливались достаточно подробно, и, я бы сказал, ставили чисто архитектурные задания. Это одна сторона.

Многие говорили и об улице Ленина, которая, очевидно, не вызывает больших возражений. Я упускаю момент относительно ломки, о которых так образно говорят некоторые товарищи. Я считаю, что об этом нужно сказать.

Я хочу затронуть вопрос общей идеи города Курска и начать с осей. В последних выступлениях этот вопрос подчеркнут. Мне нужно его только дополнить. Дело в том, что в этих осях нужно разобраться обязательно, так как мы привыкли, что этот момент является серьезным, когда связывает какой-то архитектурный механизм, и природа наша создана таким образом, что мы должны обратить на это внимание.

В центре мы имеем ярко выраженную ось, которая не должна подвергаться сомнению, это на протяжении двух километров, которая завершается двумя площадями. Вот ось – это главная ось. Как бы мы ни старались, какое бы значение не придавали Красной площади, другой оси мы не в состоянии и не в силах добиться. По нашему пониманию, ось – это такое направление в архитектуре, которая развивает последовательность организма, которая ведет к чему-то значительному. Ось, которая замыкает, а не показывает – это не ось, а ось подчиненная.

Вот здесь ось от площади Перекальского ведет к Красной площади, которая является завершением такого перехода в пространство, в такую перспективу, которую мы не в состоянии поставить. Что может быть прекраснее этой перспективы. Имея такое начало с площади Перекальского, мы условились называть въезд в центр города и завершаем весь организм этим пространством. Самый сильный архитектурный элемент – это природа.

Когда мы строим высотную композицию, мы стремимся подняться вверх, чтобы выйти в воздух. Поэтому здесь мы заканчиваем этим пространством.

Собор служит передаточным элементом. Он был поставлен не случайно. Наши русские зодчие в смысле определенности, в смысле церкви не превзойдены. Они всегда ставили удачно. Возьмите постройку Коломенской церкви. Это – полная аналогия. Точно такое же впечатление производит и Собор. Мы обогатили Курск размерами этого Собора. Со всех точек зрения от него избавиться нельзя.

Помимо того, что мы являемся архитекторами и строителями, мы должны являться идеологическими выразителями наших идей, осуществленных в таких зданиях. Кто останавливался на Соборе, меня не правильно поняли. Я беру Собор как архитектурный элемент, который поставлен на подобающем месте. Мы его отбросить не можем. Мы сохраняем его как памятник русского зодчества. Ему мы должны противопоставить нашу тонкость мастерства.

Над этим вопросом я работал и считаю, что товарищи не забывали об этом, когда высказывались. Когда создается впечатление, что на Красной площади есть крутая ось, которая может быть противопоставлена, это неправильно. Встаньте на место цирка, эта ось закроется Домом Советов. Дальше вас не тянет, как тянет основная ось с площади Перекальского. Это совершенно ясно. Также, если вы встанете в сторону Дома Советов, эта ось заведется цирком. Разве может такая ось стать основной. Это просто неправильное понимание вопроса, или меня товарищи неправильно поняли.

Нужно работать над тем, чтобы то впечатление, которое создается в умах насчет главенствующей оси на площади, закрепить тем, чтобы поставить такие элементы. Основное желание – создать асимметричный силуэт Дома Советов, который поможет избавиться от этой нарочитой оси.

Я останавливаюсь на этом, потому что имеются разговоры. Раз есть разговоры, то имеются и впечатления. Чтобы этих впечатлений не было, тогда нужно создать и убедительность. Когда встал вопрос о силуэте Дома Советов, то, на мой взгляд, обелиск, который проектировался в качестве памятника Победы, этой роли не сыграет. Он устроен может быть очень интересно, но, по-моему, его нужно сделать более мясистым. Когда речь идет, насколько велика должна быть эта башня, я после осмотра пришел к заключению, что особенно стрелять вверх не надо, так как Собор

находится внизу. Надо подходить тактически, так как планировка помогает сделать Дом Советов более значительным, чем Собор. Поэтому такая высота не нужна.

Отчасти надо подойти так, чтобы осмотр местности помог подойти воочию.

Когда вы идете с площади Перекальского, вы этот силуэт Дома Советов не будете видеть, когда вы будете видеть корпус Собора, то наряду с этим вы будете видеть Дом Советов и с улицы, и у вас будет создаваться интрига. Вы не сразу его видите, только когда вы подойдете к Красной площади, раскрывается Дом Советов.

Сложившееся жизненное положение этой площади мне нравится. Я бы не хотел видеть Дом Советов на другом месте. Я считаю, что Дом Советов стоит хорошо и интересно. Вы не сразу все показываете. Если вы сразу все раскроете, это не столь интересно. Когда вы создаете какую-то последовательность, тогда вы находитесь в архитектурном напряжении, вас влечет, вы идете с интересом, у вас появляется интерес посмотреть, хорошо или плохо построил архитектор.

Мне нравятся выступления товарищей, которые меня критиковали. Это дает мне возможность быть более требовательным. И теперь еще лучше. Такое впечатление у меня сложилось, и это я буду проводить. Кроме положительного, это ничего не даст.

Возвращаясь к Красной площади, я хочу отметить, что это второстепенная ось, которая так определилась, никакого отношения не имеет к основной оси. Эта второстепенная ось не может себя противопоставить к основной оси. Это совершенно естественно. Вы говорите, что я подчеркнул эту ось креповкой и постановкой концертного зала, этим монументом. Этот вопрос еще не решен, так как поставлен вопрос о памятнике Победы. Над этим вопросом работает скульптор Томский.

Когда стоит вопрос относительно того, что монумент Ленина не ставить на ось – тут нельзя так подходить, чтобы сковывать нашу мысль, так как креповка незначительна, она делается в штукатурке, тем более что так будет стоять самодовлеющая башня.

Относительно цирка. Должен вам сказать, что, решая центр в таком виде, который не может быть законченным, в отношении каждого здания это сделать невозможно. Эта идея, которая выражается в таком архитектурном организме, и каждое отдельное здание нужно проработать. Тут работы много. Если в цирке появится такая композиция, которая нас будет удовлетворять, то мы его сохраним. Я должен сказать, что ось прекращается на этом цирке. Что же тут особенного. Это хорошо. Его протяженность небольшая, а направление остается основной оси.

Когда я решал вопрос относительно центрального организма – визави парк по улице Ленина, тогда потребовалось сделать курданер. Я долго думал над этим. Я стремился не делать глубинного курданера. Хочу

осветить вопрос о курданерах. Тут говорили, что нежелательно в начале улицы иметь курданер. Это правильно. Сразу в начале улицы разорвать квартал было бы нежелательным. Мы стремимся его сократить. Но мы ставим его, чтобы показать ход в квартал, а стеночка, чтобы сохранилась, то есть сделать таким образом, чтобы не отвлекать вас, чтобы не разорвать квартал. Тут должна быть призвана на помощь высокая ограда, чтобы не было впечатления разорванности. Идея воздуха, которую даете, по силуэту будет создавать приятное ощущение. Вы почувствуете, что тут имеется большое хозяйство. Вот как мы подходим к решению кунданеров. В основном говорить тут нечего, так как возражений против решения улицы не было. Вот как обстоит с Красной площадью.

Интересный момент подняли товарищи, что если пропилеи ставить, то было бы логично поставить пропилеи у въезда в город. нельзя вопрос пропилей понимать буквально. Это название получилось <...>, чтобы <...> более ясно представить себе. Их нельзя считать пропилями акрополя. Это не пропилеи. Буквально понимать не надо. От этого термина надо отвлечься. Так что ставить такие пропилеи на площади Перекальского не нужно. Там стоят свои пропилеи, которые решены иначе.

Я уже говорил, что если симметрично решать, то это не является назойливым архитектурным приемом. Там имеется свой въезд в город, как и на Красной площади, но решение их более интимное.

Третий интересный момент относительно стильных возможностей нашей архитектуры. Мне бы не хотелось поднимать этот вопрос, так как он слишком далеко увезет. Рецептов новой архитектуры пока что мы не выработали, и мы, архитекторы, во многих случаях себя скомпрометировали. Как ни жалко, но нужно сознаться. Поэтому стремление обратиться к нашему русскому наследию – это стремление неплохое. Если мы сумеем освоить это наследие, это будет сдвиг на шаг вперед, это будет отражать нашу действительность. Это чрезвычайно большое дело.

И в моем представлении в курском центре эта возможность имеется. Чрезвычайно важным фактором является, что мы имеем хороший памятник, который немного разрушен, но сделан с большим мастерством. Нам нужно освоить прекрасное мастерство и филигранное искусство работы русских зодчих. Когда мы будем обладать этим мастерством, нам будет легче продвигаться вперед.

Я уверен, что строительство центра Курска не будет идти в этом виде, который я предлагаю, через 2–3 года будут другие предложения. Но нужно приступить к делу, чтобы не было колебаний. Поэтому я взял на себя смелость сказать, что этот памятник – наше достоинство, что мы должны от него отходить. по своим убеждениям, не совсем симпатизирую русскому ампиру. Наше советское строительство мне больше нравится. нам нужно дерзать. Я утверждаю роль Собора, чтобы использовать его и двигаться вперед. Такое идеологическое воздействие в нашей

действительности должно заключаться аи находиться на Красной площади. Я прошу меня так понимать, как я говорю.

Теперь бы мне хотелось перейти к вопросу относительно ломки, как выразился тов. Иванов. На меня эти слова произвели очень большое впечатление. Несмотря на то, что я сделал массу оговорок, чтобы меня правильно понимали, я слышу несерьезные выступления. Ведь всякий вопрос можно довести до состояния отрицания, если упустить из виду всю сумму вопросов, с которыми мы связаны. Если взять такое выражение: «Немцы ломали, и мы продолжаем», – эти слова звучат неоправданно, они действуют. – «Все ломать, и ломать, и ломать». Кто разрешил ломать.

Я должен вас убедить, никто нам не разрешит неразумно ломать. Все наши проекты по Горсовету, Дому Советов, по гостинице будут утверждаться, когда будут представлены технические проекты. Будет создана чрезвычайно авторитетная экспертиза, нам распоясаться не дадут. Когда вы создаете вещь, вы должны иметь уверенность, что вы предлагаете. Что вы предлагаете, как это может отразиться на строительстве. Тут колебаний не должно быть. На меня неприятно действовал документ, когда я прочитал, что стены недоброкачественные, что фундамент загрузить будет опасно, исходя из архитектурных соображений, ОблЗО надо ломать. Это неправильно. Так поставить вопрос может только не специалист. Какое вам дело, какое будет архитектурное соображение. Вы определяете ценность коробки, вы должны дать технически грамотное исследование грунта, технически грамотное исследование фундамента. Если вы чувствуете, что не можете эту работу сделать, надо обратиться в Москву, вызвать специалиста и дать им право решить вопрос. Вернее, что тут перестраховка. Мы все достаточно опытные строители, давайте говорить по-деловому. Я несколько раз говорил, прежде чем дискутировать вопрос архитектурного порядка, надо исследовать, на чем мы стоим, в независимости какое проектируется решение.

Надо иметь в виду, что нашу работу [будут] проверять наши руководители. Мы должны завтра пойти к нашим руководителям с ясными установками. Мы призваны давать свои решения, их будут определять, хороши они или нет. Мы являемся слугами народа. Мы работаем и добиваемся хороших решений. Люди посмотрят и запишут, и мы будем действовать по их записям, как по закону.

Когда речь идет о том, хорош ли фундамент, нужно давать заключение, скажем, фундамент, выдерживал такую-то нагрузку, теперь будет такая, если фундамент не выдерживает, то картина будет ясна. Никто не заставит на таком фундаменте делать сооружение.

Точно также по части Горсовета. Стены там хорошие. Я считаю, что стены ломать не нужно. Считаю, что при этом решении не обязательно ломать. У меня имеются сведения по работе тов. Токман, что на улице Ленина ломается 5–7 мест. Давайте решать, чтобы не ломали.

Второе – надо производить финансовый подсчет этого дела. Нужно иметь в виду, чтобы определить коробку в 25 % по отношению к строительству. Сами сделайте это. Эта цифра неправильная. Надо посмотреть тому, кто строил. Знаете, что сохранение стен будет вызывать большое удорожание. Такие варианты возможны. Нужно иметь на руках документы: где имеется дополнительное усилие в стенах фундамента, может быть надо сломать там, где будет дано усилие.

Когда стоит вопрос о строительстве, нужно иметь не слова, а документы, после тщательных исследований с цифрами, а не по внешнему осмотру. Когда вы имеете общее решение центра и определяете его как качественное решение, которое требует известной доработки, то все эти «ломки, ломки, ломки» должны быть взяты в шоры. У меня такое впечатление, что разговор о ломках не носит серьезных характер, это больше разговор. Нам история не простит, если мы серьезно не подойдем к вопросу, и впоследствии не будут вдаваться в подробности, что собралась группа специалистов, которая недоработала этот вопрос, которая отказалась от общей идеи градостроительства и стала латать коробки.

Я не хочу быть огульным в этом вопросе, но мне кажется, что некоторые товарищи недостаточно уверенно в этом вопросе себя чувствуют, не дали себе туда поработать над вопросом.

Мне представляется, что нам надо работать, ибо сейчас наша работа должна носить чисто деловой характер. Мы с большой недооценкой работаем над этим центром. Я в дальнейшем буду еще более серьезно работать над этим вопросом.

Общее впечатление такое, что я чрезвычайно доволен высказыванием. они вселяют уверенность в том, что мы центр решим. Все те впечатления, которые были, будут учтены, несмотря на то что у меня имеется высокий довод против них. Эти замечания будут играть положительную роль. Я буду помнить, что замечания были, и чтобы их не было, надо над ними думать. при последовательном просмотре надо заострять внимание, чтобы доводы были основательные, чтобы не было никаких колебаний в нашей совместной работе. Я повторяю, что серьезно отношусь к замечаниям и приношу благодарность.

В отношении работы и моего переезда сюда. У меня много начатых работ в Москве. Я буду в Курск приезжать. Проект, который имеется в Правительстве по центру города, должен утверждаться в июне. Думаю, что до июня месяца я сумею еще раз приехать сюда. Поломать всю работу в Москве и приехать сюда – это невозможно физически. Об этом речи быть не может, тем более что основная работа ведется в городе Курске, все бригады находятся в Курске.

На вопрос относительно того, справятся ли курские работники с такой серьезной задачей, я отвечаю положительно. Я считаю, что нужно во всех видах работ ориентироваться на силы города Курска, будет ли это

вопрос проектирования или вопрос строительных материалов и т. д., надо ориентироваться на силы города Курска.

Я считаю, что в Курске работа идет нормально. Народ работает чрезвычайно активно. Беру на себя смелость сказать, что Курск должен претендовать и много показателей таких, что он из 15-ти городов будет впереди. Надо эту смелость, и стремление, и желание воспитать в умах. Это дает хорошую зарядку в работе.

Я должен обратить внимание специалистов на один вопрос – это вопрос о подрядчиках. Мы должны сделать город красивым, логичным, добротным и по нашим средствам. В связи с этим надо себе представить, с каким строительным материалом мы будем иметь дело, какие квалификации должны участвовать в нашем строительстве. Очевидно, потребуется опытная учебная площадка, где бы все эти вопросы можно было проработать – вопросы материалов, механизации, строительных деталей, чтобы эта площадка явилась в виде строительной лаборатории. Я вижу в этом залог большого строительного прогресса, ибо такая небольшая организация поможет нам в наших работах.

Вы имеете возможность интересоваться замечательными строительными материалами на строительной выставке, где имеются богатые экспонаты. Я обращаю внимание на этот вопрос, так как правительство затратило большие средства на этот показ. Он организуется для нас, но мы туда не ходим. Значит, мы это игнорируем.

Мне кажется, что организация такой площадки заставит интересоваться новыми строительными материалами, новой организацией работ, а это в какой-то степени будет влиять на современную архитектуру.

Когда вы этот вопрос разработаете и дадите новый материал, новый разворот строительства, удобную механизацию, – в этом будет больше новой архитектуры, чем в капителях, которые плохо или хорошо сделал какой-то лепщик. Такой вопрос надо ставить в тресте «КурскСтрой». Надо ставить этот вопрос не только во время проектирования, но надо думать об этом раньше. Вот на чем я хотел остановиться.

Товарищи, не знаю, насколько я уловил все ваши замечания, но мне кажется, что я все понял.

[...]

ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 11. Л. 34–79. Подлинник. Машинопись.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич – начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Байрамов Руслан Сагифович – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет

Голубков Руслан Олегович – краевед

Гончаров Александр Сергеевич – студент Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Дурноглазов Виктор Евгеньевич – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Емельянов Василий Эдуардович – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Ефремова Ирина Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Кононов Николай Григорьевич – заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук

Коровин Владимир Викторович – профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», доктор исторических наук

Крохина Анна Владимировна – преподаватель Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I», кандидат исторических наук

Крылова Татьяна Васильевна – начальник отдела использования архивных документов ОГКУ «Госархив Белгородской области»

Кузнецов Константин Викторович – преподаватель Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Ласочко Людмила Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», Почетный архивист Российской Федерации

Лисной Андрей Сергеевич – главный специалист отдела информационных технологий и микрофильмирования ОГКУ «Госархив Белгородской области»

Манжосов Александр Николаевич – заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Курска, кандидат исторических наук

Мымриков Евгений Александрович – ведущий архивист отдела по работе с аудиовизуальной документацией и документами личного происхождения ОКУ «Госархив Курской области»

Носов Дмитрий Михайлович – начальник управления безопасности ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Павлов Андрей Павлович – ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор исторических наук

Поляков Владимир Борисович – заместитель начальника архивного отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области», Почетный архивист Российской Федерации

Потаскаева Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Пчелинов-Образумов Александр Александрович – главный специалист отдела использования архивных документов ОГКУ «Госархив Белгородской области», кандидат исторических наук

Пыжов Ярослав Александрович – студент Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I»

Раздорский Алексей Игоревич – заведующий группой исторической библиографии, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Российская национальная библиотека» (г. Санкт-Петербург), кандидат исторических наук

Раков Виктор Владимирович – заместитель директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Рожковская Инесса Олеговна – главный архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Тимохов Евгений Игоревич – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Черникова Ксения Олеговна – обучающаяся МБОУ «Гимназия № 4» г. Курска

Черников Олег Алексеевич – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Щукина Елена Петровна – заместитель директора ОКУ «Госархив Липецкой области»

Яценко Мария Владимировна – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Выпуск XIX

Подписано в печать 14.12.2020 г.
Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 50 экз.
Отпечатано ООО «Евромастер»
г. Курск, ул. Карла Маркса, 129